

НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

ВЫПУСК V

(ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ)

Перевод с английского
под редакцией и с предисловием

Б. А. УСПЕНСКОГО

666157

ВОЛГОГРАДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“

Москва 1970

Вопрос об универсалиях в языке является одной из актуальных проблем современного языкознания. Значительным шагом в изучении этой проблемы была специальная конференция, состоявшаяся в 1961 г. в Нью-Йорке, в которой приняли участие ряд видных лингвистов и представителей смежных наук. Материалы этой конференции были изданы под редакцией Дж. Гринберга в 1963 г. ротاپринтным способом и переизданы типографски в 1966 г. под названием: «Universals of Language», Cambridge (Mass.). В русском переводе печатается большая часть статей этого сборника, с издания 1966 г.

Редакция учебников русского языка и литературы по лингвистике

7-1-1

БЗ № 51-70 № 14

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛИЙ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Проблема универсалий, как и гипотетические предположения об универсальности тех или иных явлений в языке, отнюдь не может считаться достижением лингвистики нашего времени; заслуга современной лингвистики скорее в том, что она — едва ли не впервые в истории языкознания — обратила внимание на методическую и методологическую сторону исследования универсальных явлений в языках мира.

Практически почти во все эпохи лингвисты руководствовались представлениями об универсальности определенных явлений в языках, причем в большинстве случаев эти представления были либо малоинформативными (относясь к универсальности методов описания разных языков, а не к универсальной распространенности самих языковых явлений), либо просто неверными. Весьма часто подобные универсалии являлись результатом неправомерной экстраполяции явлений одного какого-то языка (в его реальной или же идеализированной форме), который принимался по тем или иным причинам за язык-эталон*, на все вообще языки мира. В других случаях они были следствием некоторых априорных представлений о языке.

Подобные «мифологические» универсалии выдвигались на разных этапах эволюции языкознания; они могут быть отмечены и в настоящее время (сюда относятся, например: утверждение о том, что грамматический строй или элементы грамматики не могут заимствоваться из другого языка; представление об определенной связи генеалогической и традиционной морфологической классификации языков; утверждение о том,

* См. в этой связи: Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 61.

что необходимым условием для усвоения чужеродного звука в заимствованных словах является наличие «пустой клетки» в системе заимствующего языка; упрощенное представление о единстве глоттогонического процесса, и т. д., и т. п.). Утверждения подобного рода могут быть опровергнуты по своему существу, но самый факт существования и постоянного возникновения мифологических универсалий достаточно знаменателен: он свидетельствует о неослабевающем интересе к поискам языковых универсалий.

История изучения универсалий восходит к очень далеким временам. Предшественниками исследований в этом направлении явились еще античные грамматики, создавшие учение о членах предложения, а в более позднее время — Ян Амос Коменский, Р. Бэкон и др. Но в первую очередь история изучения универсалий связана с попытками разработки универсальной грамматики. Начало этих попыток относится к средним векам; сам термин «*grammatica universalis*» употребляется уже в XIII в. (тогда как ранее проблема универсальной грамматики не была актуальной, по-видимому, прежде всего потому, что лингвистические концепции были обращены к крайне ограниченному количеству конкретных языков). В дальнейшем, после появления известной «Граматики Пор-Руаяля» Арно и Лансло, особенно в XVIII в., этот термин получает широкое распространение.

Первоначально универсальная грамматика была связана с универсальными семантическими категориями, которые а priori предполагались в основе каждого человеческого языка*; конкретные же языки в свою очередь трактовались как варианты, приближающиеся к этой идеальной схеме.

Различия (вариации) языков, то есть отклонение их от предполагаемой универсальной схемы, объяснялись деградацией языков в их повседневном употреблении; это соответствовало средневековым философским пред-

* В этом смысле возвращение к позициям универсальной грамматики на новом этапе можно усмотреть в работах В. Брёндаля (см. V. Brøndal, *Ordklasserne. Partes Orationis. Studier over de sproglige Kategorier*, København, 1932, есть французский перевод; *idem, Morfologi og Syntax. Nye Bidrag til Sprogets Theori*, København, 1932) и отчасти И. И. Мещанинова.

ставлениям о природе языкового изменения, согласно которым всякое изменение языка рассматривалось как его порча в результате неправильного употребления; последнее, однако, могло быть исправлено грамматиками и философами (так, французский, итальянский и др. живые романские языки рассматривались как испорченная латынь; русский язык долгое время трактовался как испорченный церковнославянский, и т. п.).

Следствием этого было отождествление типологии и генеалогии, характерное для языкознания вплоть до XIX в. (но отчасти сохранявшееся и позднее *), то есть общность формы естественно отождествлялась с общностью происхождения; отсюда же проистекал и нормативный, а не реалистический подход к языку, когда изучалось то, как надо говорить, а не то, как говорят в действительности (причем считалось, что всякая нормализация восстанавливает прошлое и, следовательно, более правильное состояние языка). Наконец, этим объясняется и интерес к общему в языках, а не к их различиям. Непосредственно различиям не придается большого значения; основной акцент делается именно на универсальном, а не на специфическом **.

Возникшее в XIX в. стремление найти причины различия в культуре, языке, национальном характере и т. п. заставило искать свой особый «дух» в каждом языке («внутреннюю форму» языка), что привело к установлению различных языковых типов и созданию морфологической классификации языков. (Отсюда становится понятной, между прочим, экстралингвистическая направленность первых типологических опытов, то есть связь их с категориями мышления, этнопсихологии,

* Терминологически это старое неразличение генеалогических проблем и проблем структурных отразилось, между прочим, на том обстоятельстве, что почти до XX в. «морфологию» как область грамматики повсеместно называли «этимологией» (поскольку этимология отождествлялась со словообразованием, а словообразование, как область, позволяющая прояснить преимущественный смысл слова, считалось основной областью морфологии).

** См. P. Diderichsen, The foundation of comparative linguistics: revolution or continuation? в книге: Paul Diderichsen, *Helhed og Struktur. Udvalgte Sprogvidenskabelige Afhandlinger*, København, 1966, стр. 348—351; ср. P. Diderichsen, *Udvikling og struktur i sprogvidenskaben*, ibidem, стр. 277.

антропологии и т. д. *). Напротив, изучение универсального в языках мира отодвигается на второй план (эта проблема разрабатывается в то время главным образом философами языка — ср. в данной связи исследования Э. Гуссерля, А. Марти).

Возобновление интереса к языковым универсалиям относится к середине XX в. и связано с развитием структурной лингвистики. Проблема универсалий занимает, например, таких представителей структурализма, как Ельмслев, или, с другой стороны, лингвистов школы Хомского. Однако конкретная работа над универсалиями началась под влиянием трудов Н. С. Трубецкого и Р. О. Jakobson **. Непосредственным же стимулом исследований универсального в языке в последнее время явился, несомненно, известный доклад Р. О. Jakobson на VIII съезде лингвистов в Осло (1958 г.) ***. Дальнейшая разработка этой проблемы связана прежде всего с именами Р. О. Jakobson и Дж. Гринберга ****.

В 1961 г. в Нью-Йорке состоялась специальная

* См. особенно классификации Шлегелей, В. Гумбольдта, Штейнтала — Мистели, М. Мюллера, Дж. Бэрна, Ф. Финка.

Об экстралингвистической направленности типологических классификаций XIX в. см. V. Skalička, Sur les langues polysynthétiques, «Archiv Orientalni», ročn. XXIII, 1955, № 1, стр. 12; Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 50—51.

** N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, TCLP, VII, Prague, 1938 (Русский перевод: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960); R. Jakobson, Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze, Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues и др. работы в издании: Roman Jakobson, Selected writings, vol. I (Phonological studies), s-Gravenhage, 1962.

См. также самостоятельную постановку проблемы в статье: B. W. and E. G. Aginsky, The importance of language universals, «Word», vol. 4, 1948, № 3.

*** R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Proceedings of the 8-th International Congress of Linguists», Oslo, 1958 (также в изд.: R. Jakobson, Selected writings, vol. I (Phonological studies), s-Gravenhage, 1962). Русский перевод: Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 95—105.

**** Из работ Гринберга в области универсалий (помимо опубликованных в настоящем издании) укажем особенно: J. H. Greenberg, Essays in linguistics, Chicago, 1957; idem, The nature and uses of linguistic typologies, «International Journal of American Linguistics», vol. 23, 1957, № 2; idem, Is the vowel consonant dichotomy universal?, «Word», vol. 18, 1962, № 1—2; idem, Some universals of word order, «Proceedings of the IX International Congress of Lin-

конференция по языковым универсалиям, которая ознаменовала, видимо, новый этап исследований в этой области. Материалы этой конференции (под редакцией Дж. Гринберга) были изданы в 1963 г. (ротационным способом) и переизданы (типографски) в 1966 г.*

Большая часть этих материалов и составила настоящий сборник.

* * *

В настоящее издание вошел «Меморандум о языковых универсалиях», подписанный Дж. Гринбергом, Дж. Дженкинсом и Ч. Осгудом, который был предварительно распространен среди участников конференции, а также основная часть докладов, вынесенных на обсуждение (кроме докладов С. Сапорта** и В. Каугилла***).

Конференцию заключали три обзорных доклада, посвященные универсалиям в языкознании (Р. О. Якобсон****), культурной антропологии (Дж. Касагран-

guists. Aug. 27—31, 1962», ed. by H. G. Lunt, The Hague, 1964 (тезисы); Дж. Гринберг, Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных, «Вопросы языкознания», 1964, № 2; J. H. Greenberg, Some generalisations concerning initial and final consonant sequences, «Linguistics», № 18, 1965 (английский вариант предыдущей работы); idem, Synchronic and diachronic universals in phonology, «Language», vol. 42, 1966, № 2; idem, Language universals, «Current trends in linguistics», ed. by T. A. Sebeok, vol. III (Theoretical foundations), The Hague—Paris, 1966; idem, Language universals; with special reference to feature hierarchies, The Hague—Paris, 1966 (развернутый вариант предыдущей работы).

* См. «Universals of language», Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13—15, 1961, ed. by J. H. Greenberg, The M. I. T. Press, Cambridge (Mass.), 1963, 2d edition: Cambridge (Mass.), 1966. Второе издание отличается от первого лишь незначительной аранжировкой и небольшими дополнениями в отдельных статьях.

** См. Sol Saporta, Phoneme distribution and language universals, «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1966, стр. 61—72.

*** Warren Cowgill, A search for universals in Indo-European diachronic morphology, ibidem, стр. 114—141.

**** Содержательный доклад Якобсона по техническим условиям не мог быть включен в настоящее издание, поскольку он уже опубликован в русском переводе; см. Р. Якобсон. Значение лингвистических универсалий для языкознания, в хрестоматии В. А. Звегинцева «История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях», ч. II, М., 1965, стр. 383—395. Ср.: Roman Jakobson, Implications of language universals for linguistics, «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1966, стр. 263—278.

де *) и психолингвистике (Ч. Осгуд **). Эти обобщающие доклады также не вошли в настоящее издание.

Необходимо отметить, что представленные в настоящем сборнике статьи не являются однородными ни по своему содержанию, ни по ценности материала. Одни статьи посвящены поискам и рассмотрению конкретных закономерностей (сюда относятся прежде всего статьи Гринберга и Фергусона), другие статьи рассматривают проблему универсалий в связи с тем или иным кругом проблем (см. статьи Хёнигсвальда и Ульманна), наконец, третьи посвящены не столько самим универсалиям, сколько методам универсального описания языка, а непосредственно универсалии рассматриваются здесь лишь постольку, поскольку они имеют отношение к этой проблеме (см. особенно статью Вейнрейха). Если работы, в которых формулируются конкретные закономерности, до сих пор не потеряли своей актуальности, то некоторые статьи проблемного характера в какой-то степени могут считаться устаревшими (в особенности это относится к статье Ульманна). Можно ожидать тем не менее, что публикуемые статьи в своей совокупности дают достаточное представление о тех проблемах, которые связаны с исследованием языковых универсалий.

Поскольку статьи сборника весьма существенно различаются как по своей направленности, так и по самому подходу к универсалиям, представляется необходимым остановиться в настоящем предисловии на некоторых (самых общих) задачах и перспективах исследования универсалий, а также и на том значении, которое имеет проблема универсалий в языкознании.

* * *

Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства. Тем самым исследование языковых универсалий призвано ответить на такие вопросы, как:

* Joseph B. Casagrande, *Language universals in anthropological perspective*, *ibidem*, стр. 279—298.

** Charles E. Osgood, *Language universals and psycholinguistics*, *ibidem*, стр. 199—322.

I. Что вообще может и чего не может быть в языке. Здесь, в частности, особенно актуально исследование отношений между различными языковыми явлениями, то есть выяснение того, какие явления совместимы в языке, а какие, напротив, исключают друг друга; далее, какие явления находятся в отношении обусловленности (благодаря чему устанавливается определенная их иерархия), и т. д. и т. п. Можно сказать, что исследование языковых универсалий определяет границы языкового пространства, то есть те ограничения, которые накладываются на естественный язык и за рамки которых, в частности, он не может выйти при разного рода изменениях.

Уже отсюда должно быть очевидно то значение, которое имеет проблема универсалий для языкознания. Действительно, едва ли не первая цель всякой науки — познать те ограничения, которые накладываются самой этой наукой, то есть теорией (иначе говоря, языком описания) или областью ее применения (исследуемым материалом); здесь могут быть достаточно широкие аналогии со значением постулата о константе скорости света для физики или теоремы Гёделя о принципиальной неполноте аксиоматики — для математики.

Соответственно, исследование универсалий в большой степени позволяет определить, какие вопросы применительно к конкретному языку вообще являются правомерными. Иначе говоря, речь идет о тех ограничениях, заложенных в самой области знания, в пределах которых вопросы об объекте исследования могут считаться корректно поставленными.

II. Что является интересным в структуре того или иного языка. Понятно, что если некоторое явление данного языка может быть обнаружено вообще во всех языках (то есть является универсальным) или может быть предсказано из наличия в данном языке какого-то другого явления, — то самый факт наличия этого явления в данном языке по необходимости тривиален (мало информативен). Иначе говоря, подобное утверждение может представлять интерес лишь постольку, поскольку нам неизвестны общие языковые закономерности (универсалии). Напротив, чем больше языков, в которых отсутствует соответствующее явление, тем более нетривиальным и специфичным для рассматриваемого

языка является его наличие именно здесь. В этом смысле интерес представляют случаи единичных исключений к универсальным закономерностям (см. о них ниже): действительно, уже одно то обстоятельство, что тот или иной язык представляет исключение к некоторой универсальной закономерности, вообще говоря, может быть достаточным для типологической характеристики данного языка в общем континууме языков мира.

Творческое изумление перед необычностью того или иного языка или того или иного явления в языке, вероятно, свойственно лингвисту не в меньшей мере, чем биологу свойственно удивление перед тем или иным явлением природы: язык с одной гласной фонемой в каком-то смысле не менее замечателен, чем млекопитающее, откладывающее яйца. Но разница между биологом и лингвистом состоит в том, что лингвист часто не знает, чему удивляться: он, если угодно, может быть безграмотен в своем удивлении, он исходит нередко из своего неизбежно ограниченного лингвистического кругозора, не зная, вообще говоря, настолько ли удивительно удивившее его явление. Лингвисты не единодушны в своем удивлении, и именно поэтому многие утверждения в лингвистических описаниях носят тривиальный, избыточный характер.

Можно сказать, что исследование универсалий определяет наше знание о языке в самом общем и содержательном смысле этого слова, — не сводящееся к информации о какой-то конкретной его разновидности, с которой мы случайно столкнулись. Задача состоит в том, чтобы увидеть в специфике разных языков проявление некоторых общих (универсальных) закономерностей, которые скрываются за внешними различиями. Таким образом, проблема универсалий представляет собой одну из центральных проблем общего языкознания, и прежде всего типологии языков.

В известном смысле лингвистика универсалий занимает равноправное место наряду со сравнительно-историческим языкознанием и ареальной лингвистикой. В самом деле, все три только что названные области языкознания исследуют — с разных позиций и под разным углом зрения — явления языкового сходства.

Можно сказать, что ареальная лингвистика всегда занималась универсалиями для некоторой конкретной

группы языков: ставилась задача не столько найти отличительные черты, сколько найти общее у языков данной группы. Если бы весь мир исчерпывался языками данного ареала, задачи ареального языкознания в большой степени совпали бы с задачами лингвистики универсалий.

Точно так же и сравнительно-историческое языкознание (известной группы языков) занимается совпадениями между языками в некотором специальном аспекте, учитывающем сходство как в плане содержания, так и в плане выражения.

Возможны, вообще говоря, всего три вида объяснения языкового сходства — если только не считать его результатом случайного совпадения: генетическое (когда сходство языков объясняется общностью их происхождения), ареальное (когда оно объясняется контактами соответствующих языков) и, наконец, типологическое (когда сходство языков объясняется какими-то универсальными закономерностями). Если мы обнаруживаем язык, совпадающий по какому-то признаку с другим языком, причем первые два объяснения (генетическое и ареальное) в отношении данных языков в силу тех или иных причин отпадают, естественно предположить, что здесь имеет место некоторая универсалия, и в целях ее выявления обратиться к третьему, четвертому и т. п. языку. Понятно, что в результате обращения к новому материалу наша первоначальная формулировка может измениться: так, если мы встречаем язык, противоречащий данной (гипотетической) закономерности, мы пытаемся найти в тех языках, где она соблюдается, какой-то объединяющий их признак, который отсутствует в этом новом языке, и этот признак ставим в связь с исследуемым явлением (иначе говоря, мы переформулируем нашу универсалию в виде соответствующей импликационной закономерности и проверяем ее — уже в новом виде — на следующих языках). Или же мы предполагаем, что обнаруженный нами факт есть проявление какого-то более общего явления, которое может проявляться по-разному, — и соответственно универсалию можно сформулировать, если обратиться от нашего конкретного феномена к более общему (то есть перейти на иной уровень рассмотрения). И только если нам не удастся обнаружить искомую формулировку, мы будем

вынуждены объявить рассматриваемое совпадение случайным (по сути дела, такое объявление часто представляет собой не столько утверждение отсутствия объясняющей причины, сколько признание неспособности ее обнаружить).

Вообще надо сказать, что, по-видимому, в каждой науке, связанной с тем или иным эмпирическим материалом, при обнаружении некоторого явления прежде всего ставится вопрос: случайно оно или закономерно. Если явление признается закономерным, то предлагается некоторая альтернатива возможных объяснений. Этот выбор объяснений сам по себе характерен для соответствующей области знания. Подобно тому как в биологии XIX—XX вв. основной альтернативой является проблема: считать ли данный признак врожденным или приобретенным, — точно так же в языкознании важно решить: является ли данный признак характерным для какой-то определенной группы языков (в отношении которых можно предполагать генетическую или ареальную связанность), или же он относится к универсальным явлениям языка (будучи универсальным непосредственно или представляя собой следствие той или иной универсалии).

С другой же стороны, сама дилемма универсального и специфического, абсолютного и относительного, естественного и условного, имманентного и обусловленного и т. п. является характернейшей чертой современного мышления. В том или ином виде эта дилемма проявляется в самых разных областях знания; не менее актуальна она и для языкознания. В этом смысле дескриптивное языкознание (в его классической форме) с характерным для него стремлением познать специфические закономерности каждого отдельного языка в отвлечении от всех других языков представляет собой столь же крайнюю точку зрения, что и средневековые «универсальные грамматики», объединяющие в одну априорную схему все языки и таким образом лишаящие их своеобразия.

* * *

Мы говорили, что исследование языковых универсалий призвано определить наше знание о языке как предмете общего языкознания. Представляется целесообразным в кратких чертах остановиться на том, как может

мыслиться — в идеальном случае — типологическое описание языка в свете лингвистики универсалий. Под типологическим описанием языка с универсальной точки зрения, то есть языка вообще, может пониматься логическое пересечение языковых признаков, характеризующих различные языки (тогда как типология, выходящая за пределы проблемы универсалий, рассматривает логическое объединение таких признаков). Соответственно, если упорядочить языковые универсалии (как индуктивного, так и дедуктивного характера — см. несколько ниже), то образуемая система может рассматриваться как лингвистическое описание языка вообще (то есть не конкретного языка, а языка как объекта лингвистики). Другими словами, универсальное описание языка в идеале может мыслиться как система соотнесенных языковых универсалий, расположенных в определенном порядке — от более общих к более конкретным утверждениям — приблизительно следующего вида:

Э части речи —————→	Э глагол	
Э глагол —————→	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">{</div> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="text-align: center;">либо</div> <div>Э наклонение</div> <div style="text-align: center;">либо</div> <div>Э наклонение</div> </div> </div>	
Э наклонение —————→	Э изъявительное наклонение	
Э некоторое видо- временное проти- вopоставление в формах неизъя- вительного на- клонения	<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">V</div> <div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> такое противопоставление имеется и в формах изъя- вительного наклонения </div> </div>	

и т. д. *

[Если в языке существует дифференциация частей речи, то в их числе имеется и глагол.

Если в языке имеется глагол, то в языке может либо быть, либо не быть дифференциация по наклонениям.

Если в языке имеется дифференциация по наклонениям, то в нем есть изъявительное наклонение.

Если имеется некоторое видо-временное противопоставление в формах неизъявительного наклонения, то то же противопоставление имеется и в формах изъявительного наклонения, и т. п.]

* О системе записи универсалий см.: Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 182—185.

Понятно, что эти утверждения имеют разную ценность. Часть из них тривиальны по той информации, которую они содержат, то есть относятся к дедуктивным универсалиям наиболее тривиального типа (см. ниже классификацию универсалий).

Например, когда мы утверждаем, что если в языке есть дифференциация наклонений, то в числе последних имеется и изъявительное наклонение, то это наше утверждение является, собственно говоря, следствием не столько типологии в эмпирическом смысле, сколько таксономии, то есть принципов называния. Обязательность присутствия изъявительного наклонения в системе других наклонений определяется, по-видимому, тем, что оно представляет собой логически исходную форму: наличие любого другого наклонения подразумевает и наличие изъявительного. Иными словами, изъявительное наклонение должно быть в языке прежде всего в силу того, что мы непременно обозначим так одну из существующих форм наклонения (прежде чем станем обозначать другие формы).

Утверждение о том, что если в языке есть глагол, то в этом языке либо имеется дифференциация наклонений, либо не имеется таковой, также тривиально по своей сущности. Оно просто отражает некоторую классификацию категорий. Такое утверждение необходимо для связи существующих универсалий.

В то же время утверждение о том, что всякое видо-временное противопоставление, имеющее место в неизъявительном наклонении, должно быть представлено и в изъявительном наклонении (того же языка), несет достаточно существенную информацию (и относится уже к эмпирически обнаруживаемым, а не к дедуктивно предсказуемым универсалиям). В самом деле, в отличие от предыдущих случаев мы вполне можем представить себе, что имеется язык, не удовлетворяющий этому условию, — но констатируем при этом, что в действительности такого языка нет.

Соответственно может мыслиться система взаимосвязанных между собой универсальных импликаций, отражающих все возможности, которые могут быть представлены вообще в разных языках, и разнообразные следствия из этих возможностей. Подобная система универсалий и составляет «универсальную грамматику» в совре-

менном смысле слова. В идеале при этом такая система должна быть построена аналогично известной таблице химических элементов Менделеева — в том смысле, что в ней должны быть предусмотрены места для еще не найденных универсальных закономерностей; эти пустые места (ср. пустые клетки в таблице Менделеева) могут рассматриваться как потенциальные универсалии. Другими словами, система подобного рода должна строиться наиболее гибким образом — так, чтобы предупредить необходимость перестройки системы в случае обнаружения новых закономерностей.

* * *

Сформулированный подход делает особенно актуальной проблему различения между разными типами универсалий; при этом должно быть очевидно, что принадлежность универсалии к тому или иному типу в существенной степени определяет ее информативность, то есть ценность той информации, которая в ней содержится.

Необходимо заметить в этой связи, что универсалии, приводимые авторами настоящего сборника, весьма разнородны как по своему содержанию, так и по своей информативности.

Кажется целесообразным поэтому представить здесь классификацию возможных типов универсалий (более полно, чем это сделано в материалах настоящего сборника) и тем самым задать основную терминологию нашего предмета.

Дедуктивные и индуктивные универсалии

(*definitional vs. empirical universals*)

Утверждение о том, что то или иное явление универсально, может реально означать две вещи:

а) «это явление имеет место во всех известных исследователю языках» (и, по экстраполяции, он предполагает, что оно, вероятно, имеет место и в языках ему неизвестных);

б) «это явление должно иметь место во всех языках».

В первом случае, естественно, возникает вопрос, насколько представителен тот материал, из которого исходит данный исследователь, и, следовательно, насколько правомерна подобная экстраполяция. Во втором случае

возникает вопрос о тех основаниях, на которых базируется исследователь, приписывая каждому языку соответствующее свойство.

Иначе говоря, в первом случае речь идет об индуктивных (или эмпирических) универсалиях, а во втором — об универсальных закономерностях дедуктивного характера.

В случае дедуктивных универсалий универсальность соответствующего явления может следовать из некоторых априорных предпосылок (из определения тех или иных единиц или исходных допущений о языке). В тривиальном случае такие соотношения тавтологичны (то есть верны, но не информативны); в более сложных случаях, когда универсальные соотношения такого рода не самоочевидны, универсальность соответствующих явлений можно доказать (то есть вывести дедуктивно из исходных допущений и постулатов).

В ряде случаев универсальность того или иного явления следует из самой процедуры описания. Наиболее тривиальный (то есть наименее информативный) случай этого рода имеет место, видимо, тогда, когда утверждается универсальное присутствие некоторых понятий (метапонятий) — типа: «во всех языках есть фонемы»*. Понятно, что утверждения такого рода относятся не столько к конкретным языкам, сколько к некоторому принятому метаязыку, то есть специальной системе описания, которая по условию должна быть применима ко всем языкам. В менее тривиальном случае универсалии такого типа относятся к какому-то более общему (и не столь очевидному) метаязыку. Нередко конструируют специальную систему понятий, предназначенных для описания соответствующего круга явлений в принципе любого языка, на основании которой легко формулируются подобного рода универсальные утверждения.

В случае индуктивных (или эмпирических) универсалий универсальность того или иного явления не вытекает из исходных определений или допущений, но постулируется эмпирически: если и найдется противоречащий случай, мы не изменим наших исходных допущений или определений (как мы должны были бы посту-

* См. Sol Saporta, *Phoneme distribution and language universals*, «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1966, стр. 64, 66.

пить, если бы речь шла о дедуктивной универсалии). Иными словами, соотношения такого рода не связаны с определенными конструктами, характеризующими сущность соотносимых единиц: можно себе представить (или построить искусственно) язык, в котором не будет данного соотношения. В то же время, даже если такой язык и встретится реально, это не нарушит высокой статистической вероятности постулируемого явления (универсалия превращается при этом из «абсолютной» в «статистическую» — см. ниже).

Понятно, что индуктивные закономерности, имеющие абсолютный характер (то есть явления, которые всегда имеют место, но универсальность которых не из чего не следует), углубляют наши знания о сущности соответствующих явлений. (Необходимо заметить, что подобные закономерности, по существу, всякий раз имеют гипотетический характер, поскольку при их установлении неизбежно исходят из рассмотрения ограниченного количества языков: всегда потенциально возможен противоречащий случай.) Как отмечает Ч. Хоккетт (см. наст. изд., стр. 50—51), довольно близкая ситуация может быть и в математике, где известны некоторые (эмпирически найденные) положения, которые фактически имеют место, но справедливость которых не удастся доказать. Примером может служить так называемая проблема четырех красок — достаточность четырех красок для такой раскраски любой географической карты (иначе говоря, любой конфигурации соприкасающихся площадей), чтобы две соседние страны были окрашены в разные цвета.

Уже из сказанного следует, что разграничение индуктивных и дедуктивных универсалий может производиться методом мысленного эксперимента. Действительно, индуктивная универсальная (языковая) характеристика есть такая характеристика, что, если некоторая знаковая система и не обладает ею, мы все же можем называть эту систему «языком» (ср. наст. сб., стр. 46 и 105).

Более того: индуктивные универсалии суть такие утверждения, относительно каждого из которых мы понимаем, какие случаи могли бы составить к нему исключения*. Иначе говоря, мы способны представить (искус-

* См. J. H. Greenberg, *Synchronic and diachronic universals in phonology*, «Language», vol. 42, 1966, № 2, стр. 509.

ственно построить) противоречащий случай — и здесь различие между индуктивными языковыми универсалиями и ситуацией с проблемой «четырёх красок», о которой говорит Хоккетт.

Целый ряд закономерностей, постулируемых авторами настоящего сборника, можно назвать дедуктивными универсалиями. Сюда относятся, в частности, многие универсалии Ч. Хоккетта; напротив, примером индуктивных универсальных закономерностей могут служить все универсалии Дж. Гринберга и Ч. Фергусона.

Очевидно, что индуктивные универсалии несут больше информации и вообще имеют принципиально большую ценность, нежели закономерности дедуктивного характера, — именно потому, что индуктивные универсалии ни из чего не следуют и никак не предсказуемы.

**Абсолютные и статистические
(полные и неполные) универсалии
(universals *vs.* near-universals)**

В «Меморандуме о языковых универсалиях» (стр. 35—37 наст. изд.) языковые универсалии определяются как высказывания вида: «для всех (абсолютного большинства) X , где X есть язык, имеет место...» Соответственно абсолютные (или полные) универсалии имеют вид: «для всех языков имеет место...», между тем как статистическими (неполными) универсалиями называются высказывания вида: «для абсолютного большинства языков имеет место...». Иначе говоря, абсолютные (полные) универсалии не знают исключений, между тем как в отношении статистических (неполных) универсалий известны единичные случаи исключений; однако такие случаи не нарушают высокой статистической вероятности постулируемого явления. Случаи исключений, если они единичны, можно рассматривать как нехарактерные, но не противоречащие общим универсальным законам и тенденциям языка.

Случаи исключений к неполным универсалиям могут представлять специальный интерес как в силу их высокой характеризующей способности (информативности) в отношении того языка, в котором представлено соответ-

ствующее исключение, так и с точки зрения их интерпретации.

В одних случаях можно считать, что исключения возникают на переходном этапе от одной устойчивой системы к другой (между тем как сами закономерности, обладающие высокой статистической вероятностью, могут рассматриваться, например, как общие кодовые характеристики). Речь идет тогда о диахронической интерпретации, на основании которой можно предполагать те или иные пути эволюции языка (делая выводы как о его прошлом, так и о будущем состоянии).

В других случаях возможна интерпретация а р е а л ь н а я. Нередко можно обнаружить, что те языки, в которых представлено исключение к некоторой универсалии, локализованы в определенной географической области. Понятно, что подобные случаи могут дать основание сделать вывод о прежних контактах соответствующих языков, выделить явления субстратного характера, наконец, реконструировать древнейшее языковое состояние (не противоречащее данной универсалии) и объяснить аномалию позднейшей интерференцией.

Необходимо заметить, что абсолютные индуктивные универсалии, расширяя наши представления о языке, могут привести к принятию новых исходных допущений, на основании которых они превращаются в дедуктивные. (Именно в связи с этим авторы «Меморандума» имеют возможность утверждать, что эмпирические (индуктивные) универсалии «представляют потенциальный материал для построения дедуктивной лингвистической теории» — см. стр. 42 наст. сб.) Можно сказать, таким образом, что закономерности, верные не статистически, а абсолютно, отражают уровень лингвистической методологии (поскольку они могут явиться результатом общей дедуктивной теории языка).

В то же время в отношении статистических универсалий в ряде случаев можно предполагать, что их неабсолютный характер не противоречит тем или иным дедуктивным предпосылкам, но является следствием плохой формулировки либо этих предпосылок, либо самих универсалий; таким образом, и закономерности этого рода могут быть связаны по своему существу с лингвистической методологией.

Большая часть приводимых в данной книге универсалий носит статистический характер (см. особенно универсалии, предложенные Дж. Гринбергом, где сам исследователь во многих случаях указывает на исключения к постулируемой им закономерности).

Простые и сложные универсалии

Цитированное выше определение универсалии в «Меморандуме»: «для всех (абсолютного большинства) X , где X есть язык, имеет место...» — не покрывает всех возможных видов универсалий. Возможны такие закономерности универсального характера, которые не сводятся к указанной форме, представляя собой, например, высказывания вида: «для всех (абсолютного большинства) X и Y , где X и Y суть языки, имеет место...» (или же аналогичные утверждения, относящиеся не к парам, а к тройкам, четверкам и т. п. языков). Универсалии первого типа можно называть простыми, а универсалии второго типа — сложными.

Иллюстрацией сложных универсалий могут служить, например, известные соотношения обратно пропорциональной зависимости между средней длиной морфемы и общим количеством фонем в языке *, между средней длиной слова и отношением числа фонем к числу слогов, и т. п. ** В самом деле, мы не можем выразить подобное соотношение в виде простой универсалии, то есть в виде утверждения о том, что во всяком языке имеет место соответствующее явление. Универсалия такого рода неизбежно принимает форму сложного высказывания примерно следующего типа: «для всяких языков X и Y , где X характеризуется относительно большей средней длиной морфемы, Y имеет относительно большее количество фонем», и т. п.

Таким образом, простые универсалии утверждают наличие или отсутствие в каждом (или почти каждом)

* Ch. Hockett, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 93.

** P. Menzerath, Typology of languages, «Journal of the Acoustical Society of America», vol. XXII, 1950, № 6 P Menzerath, W. Meyer-Eppler, Sprachtypologische Untersuchungen, «Studia Linguistica», a. IV, 1950, № 1—2.

языке некоторого явления (или соотношения явлений), между тем как сложные универсалии утверждают определенную зависимость между разными языками*.

Абсолютное большинство универсалий, приводимых авторами данной книги, относится к числу «простых», а не «сложных» универсалий. Однако к числу «сложных» универсалий относятся универсальные закономерности диахронического характера.

Синхронические и диахронические универсалии (synchronic vs. diachronic universals)

Если синхронические универсалии определяются авторами «Меморандума» как высказывания типа: «для всех (большинства) X , где X есть язык (то есть синхроническое состояние), имеет место...», то универсалии диахронические строятся как высказывания типа: «для всех (большинства) X и Y , где X есть некоторое раннее, а Y — позднейшее синхроническое состояние одного языка, имеет место...» (см. стр. 40 наст. сб.).

Таким образом, диахронические универсалии по своей форме могут рассматриваться как специальный случай «сложных» универсальных закономерностей.

Между диахроническими и синхроническими универсалиями существует определенная связь**.

Она заключается, в частности, в том, что некоторые синхронические универсальные закономерности проще всего понять, исходя из диахронических предпосылок (см. об этом в «Меморандуме», стр. 40 наст. сб.). Именно поэтому Ч. Фергусон, выдвигая ряд универсальных положений о носовых согласных, в их числе приводит и диахронические закономерности, которые во многом объясняют постулируемые им закономерности синхронические (ср. стр. 108—112 наст. сб.). Точно так же в основе устанавливаемой Дж. Гринбергом зависимости между

* Иначе говоря, если приводить все универсалии к виду импликации (это удобно для единообразной записи универсалий; ср. Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 182—183), то в случае «простых» универсалий в графе «имплицитное условие» условия действия универсалии ставятся для одного языка, тогда как в случае сложных универсалий условия ставятся для нескольких языков.

** См. об этом: J. H. Greenberg, Synchronic and diachronic universals in phonology, «Language», vol. 42, 1966, № 2.

местом определения по отношению к определяемому в языке и наличием в нем предлогов или же послелогов (см. стр. 117 и сл. наст. сб.) лежит предположение диахронического характера о том, что предлоги и послелогии закономерно восходят к именам в функции определяемого (отсюда следует общая связь послелогов с препозицией определения, а предлогов — с его постпозицией).

С другой стороны, синхронические универсальные закономерности имеют определенный диахронический смысл. Действительно, как отмечает Р. Уэллс*, каждая синхроническая универсальная закономерность, сформулированная в виде импликации («если α , то β »), может получить и диахроническую интерпретацию: именно, если имеется язык, в котором есть α , но нет β , мы предскажем либо появление β , либо исчезновение α .

Таким образом, одно и то же общее содержание может выражаться как в форме синхронических, так и в форме диахронических универсалий; в известных случаях возможен и перевод из синхронических универсалий в диахронические или наоборот. Понятно, с другой стороны, что одни явления бывает удобнее выразить в виде структурных закономерностей, тогда как другие легче выражаются в виде универсальных тенденций — в частности, в виде диахронических универсалий (если же их выразить в форме синхронических закономерностей, возникает слишком большое количество исключений).

Некоторые примеры диахронических универсалий приведены в статье Фергусона (стр. 111—112 наст. сб.). В статье Хёнигсвальда обсуждаются общие проблемы, связанные с диахроническими универсалиями.

Универсалии языка и универсалии речи

Мы упоминали, что в тех случаях, когда то или иное универсальное явление проявляется в виде тенденции, а не в виде закономерности абсолютного (или близкого к абсолютному) характера, удобно прибегнуть к форме диахронической универсалии. Однако некоторые универсальные тенденции, проявляющиеся в языке, заведомо

* См. об этом: Sol Saporta, *Phoneme distribution and language universals*, «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1966, стр. 70 (прим. 2).

относятся не к диахронии, а к синхронии; тем не менее их не удастся выразить в форме четких структурных закономерностей, поскольку они представляют собой именно тенденции, характерные в принципе для каждого языка, которые, однако, в отдельных случаях могут и нарушаться. Таким образом, речь идет в данном случае не об исключениях, которые имеют место в случае неполной (статистической) универсалии и представлены в каких-то отдельных языках, тогда как сама универсалия верна для абсолютного большинства языков (см. выше). Мы говорим сейчас о тенденциях, которые могут нарушаться в принципе в каждом языке, но которые универсальны в том смысле, что их проявление характерно для всех языков.

Можно говорить в этом случае об универсалиях речи, противопоставляя их универсалиям языка *. Естественно при этом, что если некоторая закономерность относится к языку в целом, то она проявляется и в живой речи, то есть во всех случаях реализации данного языка, но обратное не обязательно верно.

Именно к сфере речи, а не к сфере языка относятся, например, известные выводы (универсального характера) об ограничениях, накладываемых на количество определений в тексте (в связи с ограниченностью объема кратковременной памяти человека)**; о запрещениях в отношении пересечения стрелок в синтаксической структуре предложения (связанных с так называемым «свойством проективности»***, и т. д. Во всех этих случаях в реальных текстах можно найти нарушения соответствующих правил, но сами тенденции тем не менее могут считаться, по-видимому, характерными для текстов любого языка и, следовательно, универсалиями.

* Ср. Б. А. Успенский, Некоторые гипотетические универсалии из области грамматики, «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языка. Тезисы докладов», М., 1966, стр. 93.

** См. V. H. Yngve, A model and a hypothesis for language structure, «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 104, № 5, 1960.

*** См. И. Лесерф, Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу, «Научно-техническая информация», 1963, № 10; Л. Н. Иорданская, О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры, «Вопросы языкознания», 1963, № 4.

Следует отметить, что универсалии речи, вообще говоря, могут иметь абсолютный, а не статистический характер, — а именно в тех случаях, когда они выражаются в виде утверждений о возможности того или иного явления в речи * (а не утверждений о его невозможности, как в только что приведенных примерах).

Абсолютное большинство приводимых в данной книге закономерностей относится к «универсалиям языка», но отдельные замечания касаются и универсалий речи (ср., например, универсалию Хоккетта 5.1 на стр. 71).

Экстралингвистические и собственно лингвистические универсалии

Языковые универсалии можно постулировать на основании сопоставления языков с неязыками (системами близкого порядка), например сравнения языков с другими знаковыми системами, с другими системами передачи и хранения информации и т. д. В этом случае сравнение производится в терминах, необходимых для описания как всех языков, так и сопоставляемой с ними системы, то есть в определенных экстралингвистических терминах. Соответственно, речь идет тогда не о собственно лингвистической, а о соответствующей экстралингвистической (семиотической, коммуникационной или другой) типологии и о месте языков в этой типологии.

С другой стороны, языковые универсалии можно определять на основании непосредственного сопоставления языков друг с другом, то есть в терминах собственно лингвистических — необходимых и достаточных для описания некоторого языка *А* через сравнение его с любым другим языком *В*. Именно в последнем из указанных случаев и может идти речь о лингвистической типологии в собственном смысле слова. Универсалии такого типа можно называть «собственно лингвистическими» в отличие от первых, «экстралингвистических», универсалий.

Экстралингвистическим универсалиям посвящена значительная часть статьи Ч. Хоккетта, который постулирует универсальные закономерности, в частности ис-

* См. примеры такого рода универсалий в нашей только что цитированной работе.

ходя из сопоставления естественных языков с коммуникационными системами животных, и отчасти также работа У. Вейнрейха, который основывается на сравнении языков с искусственными семиотическими системами; ср. также аналогичные замечания в «Меморандуме», касающиеся эффективности языкового кода, его избыточности и т. п. Остальные же авторы сосредоточены на поисках конкретных лингвистических закономерностей, выявленных на основании сравнения языков между собой (то есть в пределах собственно лингвистического материала) и сформулированных в собственно лингвистических терминах.

Собственно языковые универсалии могут подразделяться, в зависимости от конкретных терминов, в которых они формулируются, на фонологические, грамматические, семантические и т. д. (в соответствии с американской грамматической традицией, восходящей к Э. Сепиру, авторы «Меморандума» выделяют наряду с только что упомянутыми уровнями языка еще и особый, «символический», уровень — см. об этом стр. 38 наст. сб.).

Универсалии разных уровней абстракции

Сравнивая различные универсалии, приводимые в данной книге, нетрудно убедиться, что они сформулированы на разных уровнях абстракции. При этом те из них, которые сформулированы в достаточно конкретных терминах, бывают обычно менее содержательными с точки зрения общелингвистической интерпретации.

Очевидно, с другой стороны, что очень многие универсалии представляют собой проявление каких-то более общих закономерностей также универсального характера и что если формулировать универсалии на этом более общем уровне, число их можно было бы существенно сократить. Так, например, большая часть универсалий, выражающихся в виде импликации («если α , то β »), может быть сведена к утверждениям о том, что если в языке имеется некоторое маркированное явление, то в нем имеется и соответствующее немаркированное явление*. Вообще уже из признания одних явлений

* Ср. В. В. Мартынов, Семиотика, кибернетика, лингвистика, Минск, 1966, стр. 123.

маркированными в отношении других вытекает целый ряд следствий. Обычно, например, немаркированный элемент характеризуется относительно более высокой частотой встречаемости, нежели соответствующий маркированный (это прямо следует из известного закона Ципфа), всевозможные нейтрализации и синкретизмы, как правило, имеют место именно в маркированных формах (ср., например, типичный случай нейтрализации тех или иных грамматических противопоставлений в формах множественного числа, которое маркировано в отношении единственного; в формах будущего времени, которое также выступает обычно как маркированное в языке, и т. д. и т. п.); далее, в качестве архичлена (архифонемы и т. п.) выступает, как правило, не произвольный, а именно немаркированный член оппозиции (характерно, например, что при нейтрализации согласных в исходе слова по признаку глухости — звонкости в русском языке в функции архифонемы выступают именно немаркированные глухие, а не маркированные звонкие); точно так же немаркированный член оппозиции бывает обычно представлен большим количеством вариантов (аллофонов, алломорфов и т. п.), чем противопоставленный ему в языке маркированный член; группа маркированных (по некоторому признаку) элементов не превосходит по количеству группу соответствующих немаркированных; наконец, в определенных случаях естественно ожидать нулевое выражение немаркированного элемента и т. д. и т. п. *

Уже сами связи между данными признаками маркированности (иначе говоря, следствия из признания маркированности одного элемента в отношении другого) имеют универсальный характер, то есть характерны в принципе для любого языка, хотя в отдельных языках и могут встречаться нарушения того или иного из этих следствий.

Можно считать, с другой стороны, что во всех языках одни и те же категории выступают как маркирован-

* См. подробнее: J. H. Greenberg, *Language universals*, «Current trends in linguistics», ed. by T. A. Sebeok, vol. III (Theoretical Foundations), The Hague — Paris, 1966, а также *idem*, *Language universals: with special reference to feature hierarchies*, The Hague — Paris, 1966. Там же и конкретные иллюстрации к только что приведенным положениям.

ные. Например, во всех языках, где представлены соответствующие категории, формы множественного числа выступают как маркированные в отношении единственного числа, а формы двойственного числа — в отношении множественного числа; женский род выступает как маркированный в отношении мужского рода, косвенные падежи — в отношении прямых падежей и т. п. *. Это и выражается в только что приведенных признаках маркированности.

Однако, если данные отношения выразить в столь общей форме, то мы неизбежно должны получить очень много исключений, хотя в общей совокупности языков соответствующие отношения действительно имеют место.

Можно сказать, что соответствующие отношения действительны на уровне общих принципов, по которым мы представляем язык (и, в частности, предполагаем те или иные универсалии, которые могут затем подтвердиться либо не подтвердиться). Если и считать их универсалиями, то очевидно, что они относятся к гораздо более общему уровню абстракции, чем закономерности, говорящие о наличии или связи тех или иных единиц языка.

Универсальные утверждения, предполагающие достаточно высокий уровень абстракции, имеют отношение не столько непосредственно к самим языкам, сколько к процедуре их рационального представления — в том смысле, что если мы описываем неизвестный язык, нам целесообразно прежде всего предполагать в нем соответствующие отношения. В отдельных случаях наши предположения могут и не оправдаться; тем не менее подобную процедуру следует признать целесообразной, а сами отношения — нормальными для языка, поскольку в целом они соблюдаются в абсолютном большинстве языков (можно сказать тем самым, что подобные отношения целесообразно принять в соответствующем языке-эталоне) **.

* См. цитированные работы Дж. Гринберга.

** Ср. Б. А. Успенский, Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии, «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 12—13.

Настоящий сборник отражает не только тот круг проблем, с которым связано исследование языковых универсалий, но и слабые места самого направления. Работа в области систематизации универсальных закономерностей только началась. Чрезвычайно важным представляется составление и постоянное пополнение свода единообразно описанных и рационально расположенных универсалий*; в прямой связи с этим находится проблема оптимальной записи универсалий и их логического преобразования. Очень актуальной является задача разработки методов обнаружения универсалий. Предстоит большая работа по выявлению связей между имеющимися универсалиями (иначе говоря, выявлению закономерностей более общего порядка) и рассмотрению причин тех или иных универсальных явлений (которые могут быть как лингвистического, так и экстралингвистического плана). Сделано пока что очень мало. Но уже сейчас можно сказать, что исследование универсалий представляет собой одно из самых перспективных направлений общего языкознания.

Б. Успенский

* Свод универсалий, предложенный в нашей книге «Структурная типология языков» (М., 1965, стр. 186—222), в настоящее время мог бы быть значительно дополнен.

МЕМОРАНДУМ О ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЯХ

1. Введение

За бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу. Хотя формально описаны лишь некоторые сходные свойства языков, лингвисты во многих случаях осознают их наличие и пользуются ими для описания новых языков. Этим, однако, далеко не исчерпывается сфера приложения языковых универсалий.

Языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке. Поэтому они составляют самые общие законы лингвистики (и противопоставляются отдельным частным методикам или результатам конкретных исследований). Далее, поскольку язык представляет собой форму индивидуального поведения и одновременно форму общечеловеческой культуры, универсалии дают возможность установить связь с психологическими закономерностями (психолингвистика) и сформулировать выводы относительно человеческой культуры в целом (этнолингвистика).

Для того чтобы получить вполне надежные данные о языковых универсалиях, недостаточно, по нашему мнению, усилий отдельных исследователей. Поэтому приведенные в настоящем меморандуме примеры универсалий, основанные на знаниях отдельных авторов, должны все же рассматриваться *cum grano salis*, ибо, как бы глубоки эти знания ни были, они в принципе не могут быть исчерпывающими.

Организация единого центра по сбору материалов, учитывающих большое, достаточно представительное количество языков, могла бы существенно способствовать установлению хорошо обоснованных универсалий и дальнейшему их изучению. В качестве первого шага предлагается, чтобы Комитет по лингвистике и психологии Совета по исследованиям в области общественных наук (Committee on Linguistics and Psychology of the Social Science Research Council) созвал рабочую конференцию по лингвистическим универсалиям. Настоящий меморандум, возникший как результат дискуссий, проведенных в Центре высших исследований в области наук о поведении (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences) в 1958—1959 гг., призван способствовать организации такой конференции и наметить темы, которые на ней следовало бы обсудить.

2. Примеры универсалий

Прежде всего целесообразно, по-видимому, привести несколько примеров универсалий, показывающих объем и многообразие сходных черт между языковыми системами.

В первую очередь можно привести пример из фонологии. Фонема, или отдельная фонологическая единица, может рассматриваться как пучок элементов, называемых *признаками*. Например, в английском языке фонема /b/ характеризуется звонкостью, смычной артикуляцией (то есть имеет место полная смычка, противопоставленная различным типам фрикативных); фонема /b/ является ртовой, то есть не носовой. Другая английская фонема — /p/ — обладает теми же признаками, кроме звонкости. Вообще, та или иная конкретная фонема не имеет особых, только ей присущих признаков, и все множество фонем образуется различными сочетаниями одного и того же небольшого набора признаков. Чаще всего в комбинациях признаков наблюдается параллелизм или симметрия. Это заставляет исследователя строить определенные предположения относительно фонологической системы. Так, например, при исследовании одного до сих пор не изученного языка в Нигерии было обнаружено фонологическое противо-

поставление между двумя велярными смычными согласными /k/ и /k'/, первая из которых неглоттализованная, вторая — глоттализованная, а также между парой зубных /t/ и /t'/.

Поскольку, кроме этого, была обнаружена третья глухая смычная — /p/, то лингвист предположил, что, вероятно, существует и противопоставленная ей глоттализованная /p'/, хотя в обследованном до того момента материале (довольно значительном по объему) она не встретилась. Наконец, было установлено, что эта фонема действительно встречается — всего в нескольких словах.

Конечно, в данном случае результат мог и разочаровать исследователей, но они тем не менее продолжают выдвигать аналогичные гипотезы и считать, что в большинстве случаев их усилия бывают вознаграждены.

Описанная выше тенденция к симметрии в фонетической системе языка имеет, разумеется, психолингвистические предпосылки. Артикуляторные навыки говорящих, используемые для произнесения фонем, состоят из разнообразных сочетаний нескольких основных навыков, с помощью которых продуцируются различные признаки. Это проявляется, например, у ребенка в процессе овладения речью. В тот момент, когда ребенок, родным языком которого является английский, впервые начинает различать b и p как противопоставленные по звонкости — глухости, он одновременно проводит то же различие для d и t, g и k и для других подобных пар. Иначе говоря, он усваивает *различительный признак* «звонкость — глухость» как элементарный навык моторной дифференциации. Подобные явления имеют несомненное значение для теории обучения (learning theory) в психологии.

Не выходя за пределы фонологии, можно привести пример универсалии совсем иного рода. Как указывалось выше, фонему любого языка можно разложить на набор составляющих ее различительных признаков. Определенный интерес для лингвистики и большой интерес для психолингвистики представил бы анализ соотношения между числом различительных признаков, необходимых для порождения фонем данного языка, и числом действительно используемых различительных признаков. Максимально эффективный код (в теоре-

тико-информационном смысле) использовал бы в точности то число признаков, которое необходимо для различения инвентаря фонем данного языка; например, для различения 32 фонем английского языка достаточно было бы пяти двоичных признаков (25 возможных комбинаций позволяют различать 32 объекта). Однако, на самом деле, в английском используется девять двоичных признаков, и, следовательно, эффективность английского языка на фонологическом уровне равна примерно $\frac{5}{9}$, или 56%. Данные по ряду языков дают основания для общего вывода о том, что фонологическая эффективность любого языка колеблется примерно в пределах 50%. Изучение изменений во времени одного из языков (испанского) подтверждает это обобщение, поскольку было показано, что его эффективность для разных временных срезов колеблется около средней величины, равной 50%.

Представляется, что имеется ряд ограничений, действующих на любую фонологическую систему, заставляя ее удерживаться на определенном уровне эффективности. Если язык становится слишком неэффективным, то есть в нем наличествует большое количество признаков, не необходимых для различения фонем, можно пренебречь некоторыми из них и все-таки быть понятым. Предполагается, что такие ошибки появляются все чаще и чаще, и фонологическая система начинает изменяться в сторону упрощения.

С другой стороны, если система слишком эффективна, должны участиться ошибки в восприятии, что, как мы полагаем, заставляет говорящих вводить дополнительные различия с целью достижения ясности. Очевидно, что данная трактовка приводит к сложной статистической функции, которая, по-видимому, отражает универсальный характер динамики коммуникативного процесса.

3. Природа универсалий

Приведенные примеры показывают, что термин «универсалии» употребляется нами в довольно широком смысле. Мы не ограничиваемся утверждениями типа «во всех языках есть гласные», «во всех языках есть фонемы», «все фонологические системы могут быть пред-

ставлены в виде наборов различительных признаков» и т. п. Представляется важным включить в понятие универсалий такие общие законы или тенденции, которые осуществляются с высокой степенью вероятности для разных языков или для одного языка в процессе его существования во времени (ср., например, тенденцию к симметрии фонологических систем). Мы убеждены, что более широкое использование понятия «универсалия» будет весьма плодотворным с психолингвистической точки зрения. Все явления, встречающиеся в различных языках с частотой, выходящей за пределы случайности, могут представлять интерес для психологии.

Чтобы избежать недоразумений, связанных со столь широким пониманием термина «универсалия», укажем, какие типы универсалий следует различать с точки зрения их логической структуры и с точки зрения содержания.

4. Логическая структура универсалий

Со строго логической точки зрения универсалии можно определить как любые высказывания о языке, относящиеся ко всем языкам вообще, а именно высказывания вида « $(x)x \in L \supset \dots$ », то есть «для всех x , где x есть язык, имеет место...».

Эти высказывания делятся на несколько логических подтипов. Подобный анализ полезен тем, что он не только позволяет четко определить, что следует считать универсалией, но и тем, что существование разных подтипов выдвигает ряд новых задач. Ниже мы рассмотрим шесть типов универсалий. Первые три могут быть названы универсальными высказываниями о существовании (например, « X существует или не существует»), а последние три — статистическими универсалиями (например: « X (или некоторое значение X) более вероятно, чем Y (или некоторое другое значение X)»).

4. 1. Неограниченные универсалии

Сюда относятся такие универсальные свойства языков, которые не являются чисто дедуктивными — в том смысле, что некая знаковая система могла бы их не иметь, но мы тем не менее считали бы такую систему языком.

К таким универсалиям следовало бы причислять не только очевидные утверждения типа «во всех языках есть гласные», но и утверждения о количественных границах, например утверждение о том, что в любом языке число фонем лежит в интервале между 10 и 70, или о том, что в любом языке имеется минимум две гласные фонемы*. К этому же типу принадлежат универсальные высказывания об относительных частотах языковых единиц в словаре и в тексте.

4. 2. Импликационные универсалии

Такие универсалии всегда предполагают наличие связи между двумя языковыми явлениями. Утверждается, что если в языке имеет место некоторое явление (ф), то в нем есть и явление (ψ), хотя обратное не обязательно верно, то есть наличие (ψ) не имплицитует (ф). Так, если в языке есть двойственное число, то в нем есть и множественное число, но обратное не всегда верно. Такие отношения между предикатами мы выражаем с помощью стрелки: двойственное число → множественное число. Импликационные универсалии весьма многочисленны, в особенности на фонологическом уровне.

4. 3. Ограниченная эквивалентность

Сюда относятся взаимные импликации между неуниверсальными свойствами языка типа: если в языке есть некоторая неуниверсальная характеристика ф, то в нем есть также и ψ, и наоборот. Так, если в языке есть боковой клик, в нем всегда есть и зубной клик, и наоборот. К сожалению, в данном примере все языки, в которых представлены соответствующие явления, относятся к узкой группе языков Южной Африки, и таким образом эквивалентность выступает здесь как единичный случай. Эквивалентные отношения между более часто встречающимися логически не зависимыми характеристиками трудно обнаружить. Они представили бы большой интерес как показатели важнейших необходимых связей между различными свойствами конкретных языков.

* Более 70 фонем насчитывают в некоторых языках абхазо-адыгской группы: ср. убыхский (85 фонем), а также некоторые абхазские диалекты, например бзыбский (81 фонема). Языками всего с одной гласной фонемой считаются иногда аранта и абазинский. Разумеется, подобные подсчеты в большой степени определяются методом описания. — *Прим. ред.*

4. 4. Статистические универсалии

К таким универсалиям относятся утверждения типа: для любого языка свойство ϕ более вероятно, чем некоторое другое (часто свойство «не- ϕ »). Предельный случай — так называемые «почти универсалии» (near universals): например, среди языков мира носовые согласные отсутствуют только в индейском языке килеут и нескольких соседних с ним салишских языках. Отсюда можно сделать вывод, что вообще вероятность того, что в языке есть хотя бы одна носовая (ϕ), больше (в данном случае — много больше), чем вероятность отсутствия носовых (не ϕ). Это утверждение может быть распространено и на случаи с более чем одной альтернативой. Например, вероятности каждого из трех способов словоизменения — суффиксации, префиксации и инфиксации — существенно различны (мы как раз привели здесь эти термины в последовательности, соответствующей уменьшению их вероятностей). Здесь нет взаимоисключающих альтернатив, поскольку в одном языке могут быть и префиксы и суффиксы.

4. 5. Статистические корреляции

Различие между этим типом и предыдущим в известном смысле параллельно различию между импликационными универсалиями и неограниченными универсалиями. Нас и в данном случае интересуют *отношения* между несколькими свойствами. Статистической корреляцией называется универсальное высказывание вида: если в языке есть некоторое явление (ϕ), то вероятность того, что в нем есть явление (ψ), значительно больше, чем вероятность обратного события. Приведем следующий пример. В языке, где есть различие по роду во втором лице единственного числа, имеется также различие по роду в третьем лице единственного числа, но обратное не обязательно. Если бы это утверждение было всегда верно, то мы имели бы импликацию: второе лицо единственного числа с различием по роду \rightarrow третье лицо единственного числа с различием по роду. Однако имеется несколько языков в Центральной Нигерии с различием по роду во втором лице при отсутствии различия в третьем. Правда, эти языки еще недостаточно изучены. Если указанные

исключения действительно существуют, то мы имеем следующее корреляционное отношение: если в языке есть различие по роду во втором лице единственного числа, то более вероятно (а в нашем примере — намного более), что в нем есть также различие по роду и в третьем лице единственного числа.

4. 6. Универсальные законы распределения

Существуют некоторые количественные оценки, как, например, упомянутая выше избыточность (в теоретико-информационном смысле), которые могут быть получены для любого языка. Возможно, что при условии достаточности выборки такие оценки будут иметь определенные средние значения и средние квадратичные отклонения. Средние значения, средние квадратичные и другие статистические параметры таких распределений также могут рассматриваться как универсалии.

5. Структура универсалий с точки зрения их содержания

Второе основание классификации универсалий, которое приводит к подразделениям, пересекающимся с полученными при классификации по логической структуре, — это языковой уровень. В зависимости от того, в терминах какого языкового уровня сформулирована универсалия, мы получаем четыре основных типа универсалий — фонологические, грамматические, семантические и символические. При такой классификации первые три типа затрагивают или форму независимо от значения, или значение независимо от формы, тогда как последний (имеется в виду фонемный символизм) предполагает связь формы и значения. Например, статистически универсальное высказывание о носовых — это фонологическая универсалия, не связанная со значением тех лингвистических форм, где встречаются или не встречаются носовые. Грамматическое утверждение о том, что суффиксация — более частое явление, чем инфиксация, не зависит от фонемного состава суффиксов. Точно так же и семантическая универсалия, состоящая в том, что во всех языках есть метафорические значения, не связана с тем, что эти значения выражены соответствующими фо-

немами или формами. С другой стороны, статистическая символическая универсалия типа «можно с высокой степенью вероятности утверждать, что слово, обозначающее понятие 'мать', содержит носовую согласную», касается и звуковой формы и значения.

6. Сфера действия универсалий

Все примеры универсалий, приведенные до сих пор в данном меморандуме, рассматривались в плане синхронии; высказывались утверждения об универсальных языковых закономерностях, наблюдаемых в фиксированном состоянии языка, а не в процессе его изменения. Определение универсалий и их деление на фонологические, грамматические, семантические и символические проводилось с точки зрения синхронии. Однако мы считаем крайне важным распространить исследование универсалий и на область диахронии. Было бы нецелесообразно исключать явления диахронии из рассмотрения, несмотря на то, что между синхроническими и диахроническими универсалиями имеется существенное различие, поскольку последние имеют важные психолингвистические предпосылки. С общелингвистической точки зрения некоторые универсалии легче интерпретировать как результат динамических процессов, например семантическую метафору — как результат метафорических семантических изменений; существующие во всех (или почти во всех) языках вариантные формы значимых языковых единиц (например, морфофонологические чередования) — как результат диахронического процесса закономерно обусловленных звуковых изменений. С психологической точки зрения эти универсалии интересны тем, что они помогают нам выделить явления, доступные экспериментальному изучению (например, наблюдаемая в истории языка неустойчивость плавных и носовых выдвигает интересные проблемы в области артикуляции и слухового восприятия, связанные с моторными навыками и особенностями восприятия вообще).

Диахронические универсалии имеют существенные особенности с точки зрения упомянутых выше оснований классификации. Начать с того, что, хотя и имеются важные универсальные гипотезы о языковых изменениях типа «все языки изменяются» или «скорость распада ос-

новного словаря постоянна во времени», конкретные диахронические универсалии носят вероятностный характер. Мы никогда не можем с уверенностью сказать, что какие-то конкретные изменения несомненно произойдут. Это подтверждается различием в изменениях, осуществившихся в родственных языках. Далее, логическое деление, предложенное выше для описания синхронных универсалий, следует значительно видоизменить. Описывая синхронные универсалии, мы обычно утверждаем, что «для всякого x , если x есть язык (то есть одно синхронное состояние), имеет место...». Диахронические же универсалии формулируются с указанием на то, что имеют место два синхронных состояния, из которых одно есть историческое продолжение другого. Обычно считают, что оба состояния представляют собой один язык, за исключением случаев, когда расстояние во времени очень велико, как, например, для латинского и французского. Логическая структура диахронических универсалий такова: «Для всех x и всех y , где x есть более раннее, а y — позднее состояние того же языка...». Далее, для диахронических универсалий сохраняется деление на фонологические, грамматические и семантические, но символические универсалии исключаются, хотя языковые изменения и могут приводить к формам, более или менее сходным с теми универсальными звуковыми нормами, которые описываются символическими универсалиями. Очевидно, синхронические и диахронические универсалии взаимосвязаны. В самой общей форме эта взаимосвязь выражается в том, что не существует такого синхронного состояния, которое не являлось бы итогом каких-либо диахронических процессов (за исключением, быть может, *новообразований* типа искусственных и пиджин-языков), равно как и нет такого диахронического процесса, результатом которого оказалось бы синхронное состояние, не соответствующее универсальным закономерностям. Подчеркнем, что так же, как некоторые синхронические универсалии естественнее всего интерпретировать как итог общих для различных языков процессов, конкретные диахронические изменения не могут быть правильно поняты вне сетки синхронных отношений в языке, который подвергается изменению. В этом состоит основной вклад структурной лингвистики в теорию

языковых изменений. Диахронические универсалии имеют вероятностный характер именно потому, что одновременно с универсальной тенденцией к изменениям определенного типа действуют различные факторы, зависящие от языковой структуры, а структура каждого языка имеет свои, только ему присущие особенности.

Можно привести пример диахронического процесса, имеющего существенные психологические предпосылки. Такова встречающаяся в самых разных языках тенденция к озвончению глухой согласной в позиции между гласными*. Психологу известны экспериментальные данные о процессах *антиципации* (осуществление действия или его части до того момента, как оно должно было произойти) и *персеверации* (продолжение действия после того момента, когда оно должно было завершиться). Поэтому психолог ожидает, что соседствующие фонемы будут влиять друг на друга — общеизвестное явление обусловленной аллофонической вариации. Если согласная находится в интервокальном положении, то, исходя из факторов антиципации и персеверации, психолог может предсказать, что при этом должна наблюдаться сильная тенденция к озвончению согласной, поскольку и предшествующий, и последующий элементы произносятся при участии голоса. Психолог склонен рассматривать последовательность «гласная — глухая согласная — гласная» как «слабое место» в языке, которое более подвержено возможным изменениям, чем последовательность «согласная — гласная» или «гласная — согласная». Отсюда вытекают два следствия: во-первых, что в диахронии глухие согласные в интервокальном положении стремятся к озвончению, и, во-вторых, что (при прочих равных условиях) в синхронии в языке должно быть больше последовательностей «гласная — звонкая согласная — гласная», чем «гласная — глухая согласная — гласная». Проверка указанных положений требует от психолингвиста экспериментального изучения законов звуковой антиципации и персеверации.

* Необходимо заметить, что данная тенденция не является универсальной: в целом ряде языков наблюдается не озвончение, а, напротив, оглушение согласных в интервокальной позиции. Таковы некоторые иранские языки, дардские, бурушаски. — *Прим. ред.*

7. Взаимосвязь языковых универсалий

Исследование языковых универсалий имеет большое значение не только для смежных областей психолингвистики и собственно психологии; оно, кроме того, глубоко связано с выявлением закономерностей языкового аспекта человеческого поведения и потому столь важно для развития наук, связанных с изучением поведения. Изучение универсалий приводит к ряду эмпирических обобщений, касающихся языкового поведения, одни из них гипотетические, другие — окончательно установлены. Все это потенциальный материал для построения дедуктивной лингвистической теории. Некоторые из универсалий, быть может, большая часть, имеют чисто эмпирический характер, то есть на данном уровне наших знаний они не могут быть соотнесены с другими универсалиями и не выводимы из более общих законов. Например, хорошо известно, что в любом языке есть слог вида CV (согласный — гласный), независимо от того, какие еще типы слогов есть в этом языке, но это свойство не выводимо из каких-либо более общих закономерностей и поэтому несколько нестрого. Мы были бы крайне удивлены, если бы кто-нибудь открыл язык без такого типа слога, однако мы не можем обосновать, почему дело обстоит именно так.

Ясно, однако, что универсалии, относящиеся к одному и тому же языковому уровню, связаны между собой. Например, в области структуры слова имеют место следующие цепочки импликаций: $CCCV \rightarrow CCV \rightarrow CV$, где V всегда может следовать за несколькими C, и $VCCC \rightarrow VCC \rightarrow VC \rightarrow V$, где V может предшествовать последовательностям из C. Эти импликации выводимы из общего утверждения о том, что если в языке есть типы слога с последовательностью из n согласных, то в нем есть и типы слога с $n-1$ согласных (в соответствующих позициях — поствокальных или предвокальных), за исключением импликации $CV \rightarrow V$. Возможность получения указанных пяти импликаций дедуктивным путем (по-видимому, они верны и для более длинных последовательностей согласных) придает конкретным высказываниям особую определенность, которой не обладают чисто эмпирические универсалии.

Универсальные высказывания этого типа могут быть

названы собственно лингвистическими, поскольку они содержат предикаты того же типа, что и отдельные частные универсалии, которые должны быть объяснены из более общих универсалий. В других случаях мы имеем дело с экстралингвистическими дедуктивными построениями, как, например, в тех случаях, когда привлекаются психологические принципы, дающие возможность объяснить сущность лингвистического явления с более общих позиций, например в рамках общей науки о поведении, охватывающей также и поведение крысы в лабиринте. Эти более общие принципы необязательно должны быть чисто психологическими. Они могут быть универсалиями в области культуры и социальной психологии, как, например, престиж и сила одного языкового сообщества по сравнению с другим, рассматриваемые как универсальный фактор, объясняющий влияние одного языка на другой.

8. Насущные нужды

Нам представляется, что мы в полной мере раскрыли важность изучения языковых универсалий как для развивающейся психолингвистики, так и для самой лингвистики, если рассматривать ее как одну из областей науки, исследующей поведение человека. Мы указали также, что полученные результаты могут оказаться ценными и для других наук о поведении. Остается решить, следует ли предпринять какие-либо организационные меры, чтобы объединить усилия отдельных исследователей по развитию данной области науки. Прежде всего, надо выработать методологические основы для окончательной формулировки того, что нужно понимать под языковыми универсалиями. Ясно, что для разработки некоторых сложных проблем (например, проверки гипотез, касающихся семантических универсалий) необходимы исследования отдельных ученых по частным вопросам, требующие работы в полевых условиях (ср., например, Программу по сравнительной психолингвистике Юго-Западного университета [Southwest Project in Comparative Psycholinguistics]). Однако для многих типов универсалий — и прежде всего для синхронических, фонологических и грамматических — перекрестные ис-

следования в самых разных языках в значительной мере способствовали бы выявлению и проверке общности языковых универсалий. Отметим, например, что исчерпывающим материалом для установления универсалий в области звукового символизма может служить лишь подборка сведений о всех морфемах во всех языках мира.

Осуществление такой программы требует тщательно разработанного плана. Необходимо рассмотреть следующие вопросы: выбор областей для исследования, порядок отбора и регистрации данных, меры, обеспечивающие доступность полученных данных для всех ученых, которые в них заинтересованы, и, наконец, организационные и финансовые вопросы. Таким образом, целесообразно было бы созвать рабочую конференцию по языковым универсалиям, в которой приняли бы участие лингвисты, психологи и антропологи, занятые в этой области. Организация такой конференции могла бы быть возложена на Совет по исследованиям в области общественных наук, с тем чтобы одновременно были рассмотрены как теоретические проблемы, так и возможные организационные меры по реализации программы исследований типа описанной выше. Кроме решения организационных вопросов, такая конференция могла бы стимулировать творческую деятельность отдельных ученых в этой области.

*Джозеф Гринберг
Чарльз Осгуд
Джеймс Дженкинс*

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ*

1. Введение

Языковая универсалия — это некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом. Утверждение о существовании предполагаемой языковой универсалии представляет собой некоторое обобщение о языке.

«Единственными полезными обобщениями, касающимися языка, являются индуктивные обобщения» (Bloomfield, *Language*, 1933, стр. 20). Это указание весьма важно для нас, потому что наша цель — не изобретать языковые универсалии, а открывать их. Но как открывать их — не очень ясно. Было бы справедливым утверждать, что задачи, которые преследует поиск универсалий, совпадают с общими задачами лингвистики по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, это утверждение истинно в эвристическом смысле: мы не можем быть уверены, и это касается любой области лингвистического анализа, что тот или иной анализ не приведет к обнаружению чего-либо существенного для поиска универсалий. Во-вторых, правдоподобие (если не неизбежная истинность) этого утверждения обнаруживается, когда мы принимаем одно из возможных определений лингвистики как отрасли науки, той отрасли, цель которой определить место человеческого языка во вселенной. Эта формулировка оставляет интересующую нас проблему универсалий неопределенной в той мере, в какой нерешенной является общая проблематика лингвистики. Только в том случае, если (что крайне неправдоподобно) эта проблематика будет полностью решена, мы будем

* При подготовке этой статьи (написанной в начале 1961 г.) для второго издания настоящей книги я ограничился лишь исправлением опечаток и уточнением ряда формулировок. Теперь (в 1965 г.) я бы изложил многие вопросы иначе и некоторые из них вообще бы опустил.

точно знать, что такое лингвистика, и в тот же самый момент исчезнет всякое основание для существования проблемы универсалий. Трудно установить сколько-нибудь заметные различия между «поиском языковых универсалий» и «определением места человеческого языка во вселенной». Скорее, это два пути описания одного и того же — модернистский и старомодный.

Но сама проблема, как бы ее ни формулировать, является важной; показательно, что время от времени мы откладываем в сторону разные наши узкопрофессиональные дела и пересматриваем основы нашей науки. В чем мы действительно можем быть уверены относительно всех языков? Каковы тут наиболее вопиющие пробелы? Можно ли назвать такие исследования, которые могут иметь решающее значение? Каковы важнейшие различия в мнениях специалистов и как они могут быть устранены?

В данной работе мы коснемся пяти вопросов: в разделе «Введение» делается ряд допущений и предостережений и указывается на некоторые опасности; этот раздел можно рассматривать как расширение или даже как разъяснение процитированного ранее сжатого замечания Блумфилда. Раздел второй суммирует некоторые признаки, обнаруживаемые (если автор не ошибается) во всех человеческих языках, но чуждые той или иной системе коммуникаций животных, отличной от человеческой. В разделе третьем предлагается набор признаков, специфичных для языка; иными словами, если коммуникативная система имеет все признаки, входящие в этот набор, то предлагается считать ее языком. В разделах четвертом и пятом перечислены немногочисленные признаки, соответственно фонологические и грамматические, которые, как представляется, присущи всем человеческим языкам, однако они не обусловлены с полной очевидностью теми признаками, которые могут рассматриваться в качестве критерия при определении языка.

1.1. Установление языковой универсалии должно основываться как на экстраполяции, так и на эмпирическом материале.

Естественно, что мы не хотим откладывать обобщения до тех пор, пока мы не получим полной информации обо всех языках мира. Следует поэтому формулировать

обобщения как гипотезы, которые будут проверяться по мере того, как в наше распоряжение будет поступать новая эмпирическая информация. Но это не так просто. Если бы даже мы обладали полной информацией о всех живых языках, то оставались бы только что вымершие языки, информация о которых недостаточна. Представлять, что мы имеем достаточную информацию также и об этих мертвых языках, бессмысленно, поскольку это означало бы представлять себе невозможное. Вселенная, видимо, устроена так, что информация о всей совокупности фактов недоступна — по крайней мере в том смысле, что имеются события в прошлом, оставившие о себе лишь неполные свидетельства. Конечно, мы всегда стремимся расширить эмпирическую базу наших обобщений; мы также постоянно стремимся распространить наши обобщения обо всем, что мы наблюдали, на нечто ненаблюдавшееся и даже вообще ненаблюдаемое.

1.2. Установление языковой универсалии зависит как от определения, так и от эмпирического материала и экстраполяции.

Если в очередном языке, информация о котором становится доступной, отсутствует некоторый признак, ранее считавшийся универсальным, то мы можем считать, что имеем дело с неязыком, и спасти тем самым наше обобщение (ср. Кетпену, 1959, стр. 97—98). Можно избежать проистекающей отсюда тривиальности с помощью разных процедур, но все они предполагают, что решение принято заранее и такие решения суть определения. Мы можем решить, что любая система, обнаруживающая некоторый набор эксплицитно перечисленных признаков (*определяющий набор*), должна быть названа языком. Тогда универсальность некоторых выбранных признаков окажется тавтологией. Конечно, для каждого последующего цикла поиска универсалий сам перечень может быть пересмотрен.

1.3. Признак может быть широко распространенным или даже универсальным, не будучи существенным.

Легче всего это показать с помощью следующего приема. Предположим, что все языки мира, за исключением английского, должны вымереть. С этого момента любое

утверждение, справедливое для английского языка, представляло бы собой и синхронную языковую универсалию. Поскольку мертвые языки могут не обладать признаками, которые мы считаем универсальными или широко распространенными среди живых языков, то одна лишь распространенность признака едва ли может свидетельствовать о его существовании.

1.4. Различие между универсальным и просто широко распространенным не обязательно релевантно.

Обоснование — то же, что для 1.3. Вероятно, все мы чувствуем, что универсальность некоторых признаков можно охарактеризовать как «случайную» — с таким же успехом они могли бы оказаться просто широко распространенными. Это ничего не говорит нам о том, как проводить различие между «случайно» и «существенно» универсальным. С другой стороны, та черта, о которой эмпирически известно, что она просто широко распространена, тем не менее не может считаться «существенной» универсалией, хотя она и может оказаться симптоматичной для универсалии такого рода.

1.5. Поиск универсалий не может быть успешно отделен от поиска содержательной таксономии языков.

Под «таксономией» здесь понимается не генетическая классификация, а то, что можно называть также «типологией». Допустим, что некоторый признак, считавшийся ранее важным и универсальным, отсутствует в каком-то вновь открытом языке. И все же этот признак может оставаться важным — в той мере, в какой его отсутствие в новом языке есть факт, типологически важный для этого языка.

Напротив, если некоторый признак в самом деле является универсальным, тогда он таксономически нерелевантен.

Вот пример, иллюстрирующий пункты 1.4 и 1.5. Когда-то считали, что все языки различают имена и глаголы — в соответствии с некоторым подходящим и достаточно формальным определением этих терминов. Одна из форм данного утверждения — все языки имеют два различающихся типа основ (возможно, в дополнение к разным иным типам), которые в зависимости от их отно-

шения к флексии (если она существует) и к синтаксису могли бы быть отнесены к именам и глаголам. В этой форме обобщение оказывается неверным для языка нутка, где все грамматически не изменяемые основы обладают одним и тем же набором возможных флексий. Различие между именем и глаголом на уровне основ столь широко распространено, что его отсутствие в нутка, безусловно, заслуживает того, чтобы быть отмеченным с типологической точки зрения (1.5). Однако оказывается, что даже в нутка на уровне грамматического изменения слова в целом появляется нечто, очень похожее на противопоставление имя/глагол. Таким образом, хотя нутка вынуждает отказаться от обобщения в одной его форме, оно тем не менее может быть сохранено в модифицированном виде (1.4).

Грамматика Пор-Руаяля представляет собой попытку описания языковых универсалий и основание для таксономии. В основе ее лежит предположение о том, что любой язык должен тем или иным способом выражать все звенья грамматико-логической схемы, описанной в Грамматике. Источником этой эталонной системы, бесспорно, была латынь. Любой другой язык мог бы быть типологически охарактеризован перечислением тех способов, с помощью которых его механизм соответствия универсальной схеме отличается от латинского языка. От этой классической точки зрения на общую грамматику и на таксономию отказались не потому, что она в каком-либо отношении нелогична, а потому, что она оказалась неуклюжей для многих языков: она скрывает различия, которые мы стали считать существенными, и обнажает те, которые сейчас для нас тривиальны.

1.6. *Широко распространенные (или универсальные) признаки скорее всего могут быть существенными, если они проявляются в разнообразных условиях.*

1.7. *Широко распространенные (или универсальные) признаки имеют тем больше оснований считаться существенными, чем с большим трудом они распространяются от одного языка к другому.*

Если при некоторой данной таксономии мы обнаруживаем, что языки самых различных типов тем не менее

обладают некоторым общим признаком, то этот признак, вероятно, является существенным. Едва ли, однако, это так, если речь идет о легко распространяющемся явлении. Так, тот факт, что многие языки мира имеют фонетически сходные слова со значением 'мама', более важен, чем столь же широко распространенный общий фонетический облик слов для обозначения 'чая'. (О первом из двух слов см. R. Jakobson, 1961.)

Следует также учитывать, что даже те признаки, распространение которых затруднено, могут проникать из одного языка в другой, если носители этих языков долгое время находились в тесном контакте. Уже одно это обстоятельство, если бы даже не было никаких других, делает сомнительными любые обобщения, базирующиеся исключительно на языках Западной Европы. И действительно, некоторые из таких обобщений опровергаются даже при поверхностном знакомстве с одним из неевропейских языков. Однако сопоставительное изучение, которое базируется исключительно на европейских языках, также имеет некоторые достоинства: в настоящее время наши сведения об этих языках более глубоки и более детальны, чем сведения о любых других языках, так что и сами обобщения также могут быть более глубокими. Придется дольше ждать момента, когда соответствующее более широкое исследование подтвердит или опровергнет их, но тем не менее эти сведения имеют ценность.

- 1.8. *Универсальные признаки важны, если можно показать, что их наличие в системе не определяется наличием признаков «определяющего набора», а если и определяется, то в неочевидной форме.*

Понятие «определяющий набор» было введено в пункте 1.2. Примеры, иллюстрирующие данное положение, см. в пп. 5.7 и 5.6.

Вторая часть этого положения нуждается в обосновании. Картографы эмпирически установили, что для того, чтобы любые две непрерывные области, имеющие общую границу (а не только точку), надежно отличались по цвету, всегда нужно не более четырех цветов. Вероятно, это топологическое свойство плоскостей и сферических поверхностей, но его связь с математическими определениями этих поверхностей настолько неочевидна,

что ни один математик до сих пор не преуспел в формальном доказательстве этого предположения. Если будет доказано или даже продемонстрировано, что необходимо пять цветов, а не четыре, то значение этого вывода ничуть не уменьшится оттого, что он содержится в самих исходных посылах.

1.9. Универсальный признак имеет больше оснований считаться существенным, если имеются коммуникативные системы (особенно нечеловеческие), которые им не обладают.

Предположение, что мы можем больше узнать о человеческом языке, изучая коммуникативные системы животных, на первый взгляд может показаться странным; но и минутного размышления достаточно, чтобы понять, что мы можем знать, что представляет собой данный предмет, только в том случае, если мы знаем также, чем он не является. Ограничивая свои исследования человеческим языком, мы постоянно рискуем принять случайное совпадение за универсалию — кроме того, мы обходим задачу четкого определения той области вселенной, на которую должны распространяться наши обобщения. Допустим, установлено, что некоторый признак повторяется в каждом из известных языков, но отсутствует в некоторой коммуникативной системе животных. В ряде случаев это может вызвать включение данного признака в наш определяющий набор. В любом случае, это, видимо, один из способов избежать тривиальности при составлении нашего определяющего набора.

Приведенная точка зрения требует обширной программы исследования коммуникативного поведения животных, поскольку зоологам известно около миллиона существующих видов, и никто никогда не может с точностью указать, где именно в этой обширной совокупности можно обнаружить некоторую релевантную особенность (или значимое ее отсутствие). Кто бы мог подумать пятнадцать лет назад, что нечто существенное для лингвистики мы можем узнать, наблюдая пчел!

Можно предложить ограничить задачу, введя соответствующее определение. Мы могли бы просто утверждать, что коммуникативная система не является языком, если она обнаруживается не у человеческих существ. Этого вполне достаточно; однако тогда мы должны

попросить наших собратьев — антропологов и биологов определить для нас вид «человек». Серьезный ответ включал бы утверждение: «человеческие существа — это говорящие гоминиды». Круг замкнулся бы, и мы ничего бы не добились. Лучше определять язык без ссылки на человека. Если при этом окажется, что на нашей планете говорить могут только человеческие существа, это будет важным эмпирическим обобщением.

Сравнение с нечеловеческой коммуникацией полезно и в другом отношении. Замечено, что во многих языках существует слово детской речи типа *мама*. Если мы зададимся вопросом, есть ли в сигнальной системе гиббонов этот признак, мы обнаружим, что дать формально точный отрицательный ответ на этот вопрос довольно трудно. Вопрос был неудачно поставлен. Сомнительно называть «словами» сигналы гиббонов. Тем самым мы приходим к необходимости более внимательного изучения того, что мы имеем в виду, говоря о «словах» в разных языках, и почему, собственно, мы испытываем неловкость, употребляя слово «слово» при рассмотрении сигналов гиббонов; подобные пути исследования могут привести к выработке более содержательных проблем сравнения и некоторого важного обобщения о языке.

1.10. *Проблема языковых универсалий не независима от нашего выбора допущений и от методологии анализа отдельных языков.*

Это очень тривиальное, но тем не менее важное утверждение. Обобщать мы должны, используя нашу информацию об отдельных языках; мы должны собирать сведения о некотором языке в терминах некоторой единой схемы анализа. Последняя включает как методологические понятия, так и представления о том, чем должен быть язык. Таким образом, изучение отдельных языков и поиски универсалий диалектически дополняют друг друга, что может одинаково обусловить перенесение с одного на другое как ошибочных, так и истинных утверждений.

Чтобы приблизить такую систему гипотез к истине, обратимся к способу обработки данных конкретных языков; при этом можно воспользоваться методом взаимоисключающих гипотез. Каково бы ни было излюбленное

представление исследователя об устройстве языка, перед ним всегда возникает вопрос: «Можно ли удовлетворительно описать язык, если допустить, что он *не* соответствует облюбованной схеме?» Если это оказывается возможным сделать, то гипотеза об устройстве языка должна быть либо отвергнута, либо пересмотрена. Если же сделать это не удастся, значит данная гипотеза может быть условно принята. Ведь гипотезы о языковых универсалиях (как и вообще всякие гипотезы) представляют собой, по определению, предположения, которые надо пытаться опровергнуть, а не убеждения, которые надо защищать.

2. Поиски универсалий путем сравнения с системами животных

Перечисленные ниже признаки устройства языка обнаруживаются в каждом языке, о котором имеется надежная информация, и любой из них, видимо, отсутствует по крайней мере в одной из известных коммуникативных систем животных (ср. 1.9). Не все они логически независимы и не все с необходимостью принадлежат к нашему определяющему перечню. Этот пункт будет рассмотрен отдельно в разделе 3.

Все эти признаки, за исключением трех последних, детально описаны в другом месте (Hockett, 1960). Полное их повторение здесь излишне, и автор уклоняется от задачи заменить предшествующее исследование переформулированным и столь же детальным изложением. Поэтому читателю предлагается рассматривать данный перечень как кратчайший конспект, а за более полной информацией обращаться к только что указанному исследованию.

2.1. Вокально-слуховой канал. Канал для любой языковой коммуникации является вокально-слуховым.

Коммуникация у некоторых животных слуховая, но не голосовая (например, у сверчков); другие животные имеют системы с совершенно отличными каналами (танцы пчел кинетико-осознательно-химические).

Формулировка этого первого признака исключает из категории «человеческий язык» письменный язык точно

так же, как и африканские сигналы барабанов. Это исключение сделано сознательно (обсуждение мотивировки см. ниже, в разделе 3).

2.2. Рассеянная передача и направленный прием: все языковые сигналы передаются широковеЩательно и воспринимаются направленно.

Эти свойства — следствие самой природы звука, бионаурального слуха и способности к перемещению, и таким образом, они вытекают из сказанного в пункте 2.1. Узкоканальная передача редка в животном мире, но встречается в нервных клетках колоний кишечнoполостных. Направленный прием — это общее правило, исключением из которого является случайная маскировка. Пример последнего: там, где много сверчков, установить местоположение сверчка по его сигналу затруднительно даже другому сверчку.

2.3. Быстрое затухание: все языковые сигналы недолговечны.

Чтобы слышать чью-либо речь, необходимо быть в соответствующее время в пределах слышимости. Следы человека или животного стираются гораздо медленнее. Это свойство затухания также следует из 2.1.

2.4. Чередуемость: взрослые члены языкового коллектива являются поочередно то передатчиками, то получателями языковых сигналов.

У некоторых видов сверчков стрекочут только самцы, однако реагируют на это стрекотание как самцы, так и самки.

2.5. Полная обратная связь: передающий языковой сигнал сам получает это сообщение.

Имеются патологические исключения (ср., например, 2.4). В некоторых видах кинетико-визуальной коммуникации, как, например, в брачном танце колюшек, передающий не всегда может воспринимать некоторые основные признаки посылаемого им сигнала,

2.6. Специализированность: *прямые энергетические следствия языковых сигналов обычно биологически несущественны; существенны лишь пусковые эффекты (triggering effects).*

Даже шум горячего спора не может хоть сколько-нибудь поднять температуру воздуха в комнате на благо присутствующим в ней. Самец колюшки не будет ухаживать за самкой, если ее брюшко не раздуто от икры; раздутость является здесь составной частью ее сигнала самцу; прямые следствия этой раздутости биологически явно релевантны.

2.7. Семантичность: *языковые сигналы функционируют, обеспечивая корреляцию и организацию жизни общества, поскольку существуют ассоциативные связи между сигнальными элементами и признаками мира; короче — у некоторых языковых форм есть денотаты.*

Раздутость (заполненность икрой) брюшка самки колюшки является частью действующего сигнала, но не «символизирует» ничего другого.

2.8. Произвольность: *отношение между значимым элементом языка и его денотатом не зависит ни от какого физического или геометрического сходства между ними.*

Итак, по нашему мнению, семантическая связь является скорее *произвольной*, чем *иконической*. Есть маргинальные исключения, в том числе следы звукоподражания. В танце пчел направление к цели соответствует направлению танца; этот способ является, таким образом, иконическим. Связь между пейзажем и изображающей его картиной иконическая; связь между пейзажем и словом 'пейзаж' произвольная.

2.9. Дискретность: *допустимые сообщения в любом языке составляют скорее набор дискретных, чем непрерывных единиц.*

В языке любое высказывание должно отличаться от любого другого, равного по длине высказывания, по крайней мере на целый фонологический признак. Высказывания не могут быть безгранично подобны друг другу.

А танцы пчел могут: набор возможных танцев составляет двойной континуум.

В непрерывной семантической системе (обладающей признаком 2.7, но обратной системам с признаком 2.9) семантика должна быть скорее иконической, чем произвольной. Но дискретная семантическая система не предполагает с необходимостью ни иконичности, ни произвольности; таким образом, для языка 2.8 независимо от 2.7 и 2.9.

2.10. *Перемещаемость: языковые сообщения могут носиться к вещам, удаленным во времени или пространстве от времени и места сообщения.*

Имеется в виду удаленность от перцептивного поля участников коммуникации. Сигналы гиббонов никогда не перемещаемы; танцы пчел перемещаемы всегда. Языковые высказывания с одинаковой свободой могут быть как «перемещаемыми», так и «неперемещаемыми».

2.11. *Открытость: новые языковые сообщения создаются легко и свободно.*

Мы можем передавать сообщения (то есть создавать предложения), никогда не передававшиеся ранее, и быть при этом понятыми. У пчел это тоже возможно, у гиббонов — нет.

На самом деле это свойство отражает два отдельных языковых факта, которые заслуживают особого рассмотрения.

2.11.1. *В языке новые сообщения свободно создаются комбинированием или трансформацией старых сообщений или по аналогии с ними.*

Это означает, что каждому языку присуще грамматическое структурирование (структурная организация на грамматическом уровне, *grammatical patterning*).

2.11.2. *В языке как новые, так и старые элементы легко получают новую семантическую нагрузку под влиянием языкового или ситуационного контекста.*

Это означает, что в каждом языке постоянно появляются новые идиоматические выражения.

Открытость танцев пчел может быть описана как следствие особого вида структурной организации;

бесспорно, нет никаких свидетельств создания пчелами новых идиом.

2.12. Традиция: условности языка передаются обучением и научением, но не по наследству.

Гены обеспечивают возможность овладения языком и, очевидно, обобщенный стимул, поскольку животные не могут выучиться человеческому языку; в то же время едва ли можно предотвратить усвоение языка человеком. Танцы пчел, вероятно, передаются по наследству.

2.13. Дуальность (структурной организации): каждый язык имеет как кенематическую подсистему, так и плерематическую подсистему.

На более привычном языке это скорее фонологическая и грамматическая (или лексико-грамматическая) подсистемы языка. Говорить о коммуникации в общем виде более удобно с помощью вышеназванных необычных терминов, заимствованных у Л. Ельмслева, поскольку они устраняют нежелательное здесь дополнительное указание на то, что физическим каналом системы с дуальной организацией должны обязательно быть звуковые волны.

Благодаря дуальности структурной организации громадное количество минимальных семантически функциональных элементов (плерем, морфем) может выражаться и выражается в комбинациях относительно малого количества минимальных, бессмысленных, но смысло-различающих элементов (кенем, фонологических компонентов). Ни одна система коммуникации животных, из известных автору, не обнаруживает сколько-нибудь значительной дуальности структурной организации.

Некоторые современные исследователи подозревают, что человеческий язык имеет не две, а по крайней мере три основных подсистемы, например: фонемную, морфемную и семемную*. Для целей настоящей работы

* Дж. Л. Трейгер и С. М. Лэмб занимались изучением понятия троичности (или даже большей сложности структурной организации), однако какие-либо печатные отчеты об этих занятиях, на которые можно было бы сослаться, отсутствуют. Детальное обсуждение дуальности содержится в работе автора настоящей статьи (см. N o s k e t t, 1961).

этой возможностью можно пренебречь; заметим лишь, что система с тройным характером структурной организации будет обладать а fortiori теми же свойствами дуальности. Существенно лишь противопоставление между системой коммуникации с одной подсистемой и системами более чем с одной подсистемой.

2.14. *Уклончивость: лингвистические сообщения могут быть ложными или бессмысленными с точки зрения логики.*

Я могу утверждать, что от Земли до Луны десять миль или что все непрозрачные твердые тела внутри зеленые до тех пор, пока их не выставят на свет. В мире животных сознательное искажение истины, видимо, крайне редкое явление.

Этот признак не является независимым. Вероятно, он зависит от семантической (2.7), перемещаемости (2.10) и открытости (2.11). Без семантической нельзя проверить осмысленность и истинность сообщения. Без перемещаемости ситуацией, к которой отсылает сообщение, всегда будет непосредственный контекст, так что ложное сообщение обнаруживается мгновенно. Без открытости вряд ли возможно порождение бессмысленных сообщений, хотя ложные сообщения возможны: гиббон, в принципе, может послать сигнал о пище, хотя она и не была найдена. Можно, однако, представить себе такую систему (используемую каким-то биологическим видом или комплексом машин), которая обладала бы этими тремя основными признаками, но никогда не давала бы ложных сообщений.

Следует отметить также, что без признака, названного здесь «уклончивостью», невозможна формулировка гипотез.

2.15. *Рефлексивность: в языке предметом сообщения может быть само сообщение.*

Предметом танцев пчел является местонахождение (добычи), но сами танцы не могут быть предметом их танцев. И это свойство также, по-видимому, производно и основывается в большой мере на 2.11.2.

Соблазнительно переформулировать это свойство как «универсальность»: на (человеческом) языке можно сообщать о чем угодно. Рефлексивность, по-видимому, вытекает из универсальности. Трудность здесь чисто эмпири-

ческая: если действительно существуют вещи, о которых мы не можем сообщать, то уже самый факт, что мы не можем сообщить о них, может помешать нам узнать, что они существуют. В любом случае механизм открытости (2.11.2), позволяющий порождать идиоматические выражения, гарантирует возможность сообщать с помощью языка все, что может быть достоянием нашего опыта.

2.16. Способность к обучению: говорящий на одном языке может выучить другой язык.

В одном из научно-популярных рассказов (не без основания отвергаемых издателями) однажды были изображены неземные существа с коммуникативной системой, подобной человеческому языку во всех отношениях, за тем исключением, что ее условности передавались от поколения к поколению только по наследству. Эти существа могли выучить новый язык, но ценой невероятных усилий. Похоже, что относительная легкость, с которой люди на Земле усваивают другие языки, является следствием самого устройства языка и обусловлена свойством 2.12.

Вполне возможно, что животные обладают этой способностью гибкой реадaptации в большей степени, чем мы предполагаем, но по крайней мере некоторые системы совершенно не допускают такой возможности (танцы пчел, брачный танец колюшки).

3. Определение языка и основные гипотезы

Признаки устройства языка, описанные выше, по общему признанию, достаточно разнообразны. Перечисление этих признаков первоначально не было ориентировано на поиск языковых универсалий. Этот перечень, скорее, является результатом ряда сопоставлений человеческой речи с коммуникативным поведением некоторых других животных. Он включает все, что давало подобное сопоставление. Поэтому оказалось, что некоторые положения прямо относятся к языку как «абстрактной» системе (хотя «абстрактное» по-разному понимается разными исследователями). Другие положения относятся, скорее, к организмам, использующим эту систему, третьи, наконец, — к тому, как эти орга-

низмы используют или усваивают эту систему. По этой же причине в одних положениях упоминались физика и биология (наименее «абстрактный» способ изложения), в других — нет.

При осмыслении этих шестнадцати признаков устройства языка с позиций задач настоящей работы прежде всего нужно решить вопрос о письме. Следует ли нам попытаться выделить определяющий набор свойств, который охватывал бы системы письма (по крайней мере, некоторые из них) наряду с языками в устной форме? Или нам следует отнести системы письма к тому же классу, в который входят и сигнализация барабанами, и другие, без сомнения, вторичные и производные явления, стоящие вне «языка»?

Каждая из альтернатив могла бы быть оправдана. В конце концов, мы могли бы принять их обе. Однако в настоящей работе я не буду учитывать письмо. Причины следующие:

1) Язык в устной форме — это часть «общего знаменателя культур», и его древность не подлежит сомнению. Любое обобщение о языке в устной форме представляет в то же время предположение об универсалиях человеческой культуры (Murdock, 1945). Письмо — позднейшее изобретение, и оно не получило еще распространения во всех человеческих обществах. Хотя это само по себе и не мешает попытке определить, что общего у всех устных и письменных языков, представляется разумным разделить всю задачу на две части: 1) явления, соотносящиеся с универсальностью культуры, и 2) явления, такой соотносительности не имеющие.

2) Одним из важнейших признаков систем письма является их относительное постоянство, прямо противоположное быстрому затуханию и исчезновению, характерному для устной речи (2.3). Если попытаться охарактеризовать устный и письменный языки одновременно, то нужно опустить из характеристики и быстрое затухание, и исчезновение, и относительное постоянство. Но относительное постоянство письма — важнейший источник его грандиозной силы, а быстрое затухание речи (и ее дочеловеческих праформ) было тем решающим фактором, который определил эволюцию человеческой коммуникации во всем ее многообразии. Анализ устно-

го и письменного языка как единого целого таким образом лучше всего проводить после детального рассмотрения каждого из них в отдельности.

3) Системы письма крайне разнообразны по своему устройству, так что трудно быть уверенным в том, какие именно признаки являются общими для всех систем письма.

Обладают ли системы письма дуальностью (2.13)? С известной точки зрения обладают лишь немногие. В древнеирландской и кельтской графике, например, есть кенемы, состоящие из некоторых элементарных штрихов, и плеремы, репрезентируемые некоторыми комбинациями этих штрихов; денотатами плерем были фонемы древнеирландского языка. С этой точки зрения английское письмо не характеризуется дуальностью, поскольку плеремы (буквы) английского языка не построены из какого-то малого набора более простых кенем. Если же считать, что дуальность системы письма состоит в том, что она имеет общую с соответствующим устным языком плерематическую подсистему, которая манифестируется кенематически «звуковой субстанцией» в устной речи и «графической субстанцией» в письменной речи, то тогда встает вопрос, как различать древнеирландское и современное английское письмо или английское и китайское письмо?

Понятно, на все эти вопросы можно дать ответ. Автор считает себя вправе не рассматривать эти вопросы здесь.

Приняв это решение, определяющим множеством для языка мы можем считать набор следующих признаков: 2.11. открытость; 2.10. перемещаемость; 2.13. дуальность; 2.8. произвольность; 2.9. дискретность; 2.4. чередуемость; 2.5. полную обратную связь; 2.6 специализированность; 2.3. быстрое затухание; 2.2 широко-вещательность с направленным приемом. Любая система, обладающая этими десятью свойствами, будет называться в таком случае языком; любой язык, носителями которого являются подобные нам существа, будет называться человеческим языком. Каждый язык обладает также семантической (свойство 2.7), поскольку противопоставление произвольности (свойство 2.8, входящее в определяющий набор) и иконичности было бы

бессмысленным без нее. По-видимому, но не столь очевидно, каждый язык обладает уклончивостью (2.14) и рефлексивностью (2.15) — по крайней мере это справедливо для каждого человеческого языка.

Для того чтобы показать значимость признаков определяющего набора, можно принять язык таким, каким мы его знаем, и посмотреть, к чему привело бы очередное удаление каждого из этих признаков.

Язык, лишенный открытости, порождал бы только конечное число целостных сообщений. Порождение ложных высказываний было бы возможным, формирование гипотез — нет.

Язык, лишенный перемещаемости, не позволил бы его носителям говорить о прошлом и будущем. Планирование было бы невозможно. Вымыслы — а потому размышления, литература, наука — были бы исключены.

Язык, лишенный дуальности, был бы чрезвычайно неуклюж, поскольку все плеремы должны были бы отличаться друг от друга. Трудно вообразить какие-либо существа, хотя бы отдаленно похожие на нас, которые были бы в состоянии пользоваться подобной системой или по крайней мере воспроизводить ее. Возможно, однако, что дуальность — просто обычный для млекопитающих путь создания коммуникативной системы, обладающей всеми другими релевантными свойствами. Не исключено, что неземные существа могут быть отличны в этом отношении.

Система, лишенная произвольности, или совершенно не обладает семантической, или же имеет иконическую семантику. Первая из этих возможностей совершенно чужда языку. Система с иконической семантикой ограничена кругом лишь тех предметов и ситуаций, которые могут быть скопированы, нарисованы или изображены в виде диаграмм. Решающее значение произвольности убедительно показывается в рассказе Свифта о встрече Гулливера с лапутянами.

Вместо дискретности мы можем встретить непрерывный набор сигналов (что, например, наблюдается у пчел). Однако непрерывная семантическая система обязательно должна иметь иконическую семантику (Nockett, 1960, стр. 413).

Именно чередуемость позволяет человеку переплощаться в других говорящих или вести беседы с самим собой.

Полная обратная связь также важна для человеческого языка.

Специализированность — это признак, настолько общий для коммуникативных систем (человеческих и животных), что по отношению к типам поведения, лишенным этого признака, некоторые исследователи не решаются даже применять термин «система» или термин «коммуникация». Во всяком случае, специализированность делает возможной коммуникацию на том энергетическом уровне (в прямом физическом смысле слова), который удобен для участвующих в коммуникации особей. Нет необходимости повышать энергетический уровень, сообщая о крупномасштабных предметах коммуникации, и понижать его, сообщая о мелочах.

Быстрое затухание означает, что уже переданные сообщения не загромождают канал и не препятствуют передаче новых сообщений (как это бывает, когда есть доска, но нет тряпки, чтобы стереть написанное). Таким образом, чрезвычайно срочные сигналы смогут проходить по каналу. С другой стороны, это означает, что (сведения о) важности того или иного сообщения должны храниться внутри приемника (если они вообще должны где-либо храниться). Если измерять «период внимания», нужный слушателям для восприятия длинного и разветвленного предложения, по общей для всех животных шкале, то он будет весьма значительным. Эволюция способности обладать таким «периодом внимания», бесспорно, обуславливается свойством быстрого затухания вокально-слуховой коммуникации и связана с развитием перемещаемости, а также с такими не-лингвистическими явлениями, как изготовление орудий и пользование ими. Быстрое затухание — не «случайное» свойство человеческого языка. Поэтому развитие письма, позволившее преодолеть нежелательные последствия быстрого затухания, было настоящей революцией.

И рассеянная передача, и направленный прием также имеют свои достоинства и недостатки. Крик предостережения может сообщить собратьям нечто о местонахождении опасности, но в то же время если

опасность — это хищник, то крик сообщит ему о местонахождении передатчика.

Если принимать во внимание только современный «цивилизованный» мир, переживающий период мирного развития, то быстрое затухание, рассеянная передача и направленный прием могут показаться относительно несущественными. Но стоит задуматься о жизненных условиях, характерных для большей части человеческой истории, и тотчас видишь, что эти признаки важны и не могут считаться второстепенными. Они — часть нашего наследия от доисторических времен, они обусловили нашу эволюцию и эволюцию языка; они и сейчас с нами, и их потенциальные вредные последствия устраняются лишь при наличии специальных технических условий.

Тем не менее в определенном смысле открытость, перемещаемость и дуальность (вместе с тем свойством — оно не включено в определяющий набор, — что язык передается по традиции), можно считать определяющими, или ядерными, или центральными свойствами человеческого языка. Анализ того, что известно о вокально-слуховой коммуникативной системе современных гоминидов (исключая человека), позволяет думать, что вокально-слуховая система прото-гоминидов, должно быть, была лишена по крайней мере этих трех или четырех признаков. Последние являются инновациями человека или гоминидов. В других отношениях человеческий язык нельзя четко выделить из коммуникации гоминидов в целом.

Теперь мы готовы сделать некоторые обобщения, находящиеся за пределами определяющего множества.

3.1. Любое человеческое общество имеет язык.

Неверно было бы приводить в качестве контрпримера монастырь монахов-траппистов*: не было бы необходимости в запрете на разговор, если бы не существовала возможность разговора.

3.2. Ни один (биологический) вид, за исключением человека, не имеет языка.

С течением времени это утверждение может быть опровергнуто новыми зоологическими открытиями. В этом

* Монахи-трапписты давали обет молчания. — Прим. ред.

утверждении не содержится никаких предположений относительно вымерших видов и родов гоминидов (*неандертальцев, питекантропов, австралопитеков*).

3.3. Любая человеческая коммуникативная система, обычно именуемая (устным) языком, в нашем понимании тоже является языком.

Автора беспокоит возможность того, что под определение языка может подойти ряд человеческих систем, которые обычно не именуются «устным языком» (*spoken language*) и которые он не хотел бы сюда включать, например язык свиста у масатеко (*Cowap*, 1948). Производный характер таких систем очевиден, но неясно, как же формально оправдать их исключение.

3.4. У любого человеческого языка есть вокально-слуховой канал (2.1).

Этот признак был исключен из определяющего перечня, поскольку обусловленные им признаки (рассеянная передача, направленный прием, быстрое затухание) представляются гораздо более важными в структурном отношении. Можно вообразить другие каналы — скажем, свет или тепловые колебания, которые давали бы те же следствия. Поэтому данное утверждение не тривиально.

3.5. У любого человеческого языка есть традиция (2.12).

Если мы сконструируем и построим комплекс машин, общающихся между собой при помощи языка, то данный признак у них будет отсутствовать.

3.6. Любой человеческий язык можно выучить (2.16).

Возможно, это следует из предшествующего.

3.7. В любом человеческом языке есть как интонационная система, так и не-интонационная система; эта дихотомия пронизывает как кенематику, так и плерематику.

В английском, например, есть сегментные (не-интонационные) морфемы, которые получают отражение в

сегментных фонологических признаках, и интонационные морфемы, которые получают отражение в интонационных фонологических признаках. Говорящий одновременно передает и не-интонационное, и интонационное сообщение. Гипотеза состоит в том, что такая организация присуща всем человеческим языкам. Отсюда не следует, что фонетическим «сырьем» для интонации непременно является высота голосового тона, как это имеет место в английском языке.

Если это обобщение верно, то оно весьма знаменательно, поскольку представляется (в данный момент), что нет абсолютно никаких причин, почему бы система, подобная языку во всех других отношениях, должна была бы обладать этим свойством. Большая часть письменных систем им не обладает.

Соблазнительно другое обобщение об интонации, но оно базируется на весьма ограниченном материале: большое число самых разных языков (английский, другие европейские языки, китайский, японский, самоа, фиджи) имеют «весьма бесцветную» утвердительную интонацию, несмотря на: 1) различие фонематических структур интонации (при фонетическом подобии интонации в этих языках) и 2) большое несоответствие остальных элементов интонационной системы.

3.8. В любом человеческом языке как плерематическая, так и кенематическая системы (независимо друг от друга) — иерархические.

Грамматически высказывание состоит, например, из предложений (clauses), предложение — из синтагм (phrases), синтагма — из слов, слово — из морфем. Фонологически высказывание состоит из макросегментов, макросегмент — из микросегментов, микросегмент — из слогов, слог — из фонем, фонема — из фонологических компонентов. (За исключением «морфемы», «фонологического компонента» и, возможно, «высказывания», термины, употребленные в разъяснении данного обобщения, не принадлежат самому обобщению.)

3.9. *Человеческие языки сильнее различаются кенематикой, чем плерематикой.*

3.10. *Человеческие языки различаются сильнее на низших уровнях. По крайней мере это верно для плерематики.*

Эти два утверждения не являются универсалиями, но, может быть, свидетельствуют о некоторых универсалиях. Например, в 3.10 утверждается, что все языки обладают некоторыми общими крупными синтаксическими структурами, как бы разнообразны не были мелкие структуры, из которых строятся компоненты крупных структур. Утверждение 3.9 можно оспаривать на том основании, что у нас нет надежного способа измерять и сравнивать указанные различия. В настоящее время это, бесспорно, так; но интуитивно данное утверждение представляется автору верным, и, вероятно, могут быть найдены формальные средства для подтверждения (или же опровержения) этого впечатления.

4. Грамматические универсалии

В обобщениях предшествующего раздела упоминается грамматика (или плерематический уровень), но эти обобщения не принадлежат к числу обобщений о собственно грамматике, потому что они касаются соотношений грамматики и других аспектов языковой структуры. Из сказанного ранее мы знаем (или допускаем), что в любом языке существует грамматическая система и что грамматическая структура является иерархической. В дополнение можно с достаточной уверенностью предложить еще следующее.

4.1. *Любой человеческий язык содержит инвентарь единиц, которые меняют свои денотаты в зависимости от элементарных признаков речевой ситуации.*

Иначе говоря, любой язык имеет деиктические элементы (по терминологии Блумфилда — «субституты»): в английском — это личные местоимения, указательные местоимения, местоименные наречия и т. д.

4.2. В любом человеческом языке среди деиктических элементов представлен элемент, обозначающий говорящего, и элемент, обозначающий адресата.

Первое лицо и второе лицо местоимений единственного числа универсальны. Кажется, нет внутренней (кроющейся в самом определении языка) причины, почему это должно быть так; и все-таки, если мы попытаемся вообразить систему, лишенную их, мы получим нечто очень непохожее на систему естественного языка.

4.3. Каждый человеческий язык содержит такие элементы, которые, ничего не обозначая, обуславливают различия в обозначаемом тех сложных форм, в состав которых они входят.

Подобные элементы суть *маркеры* (markers), например англ. and: Match and book обозначает нечто отличное и от match or book, и от match book, но само and ничего не обозначает. Допущение, что такие элементы должны обозначать нечто точно так же, как man, sky, hopog или unicorn, породило менталистское философствование, населяющее вселенную абстрактными сущностями, а человеческий ум понятиями такими же бесполезными, как и светородящий эфир.

Существуют также и *нечистые маркеры*, например англ. in, on, которые обозначают некую сущность и одновременно обладают функцией маркера. Возможно, что следует высказать допущение лишь об универсальном наличии маркеров (чистых или нечистых).

4.4. Каждый человеческий язык имеет имена собственные.

Собственное имя есть форма, которая обозначает только то, что она обозначает. Если она обозначает более чем одну вещь в разных встречаемости, то класс вещей, который может быть ею обозначен, не обладает ни одним общим критериальным свойством, кроме несущественного свойства быть обозначенным именем собственным. Все американцы с именем *Ричард*, по всей вероятности, мужчины, но многих мужчин не зовут *Ричардом*; поэтому, впервые встретив какого-то человека,

никоим образом невозможно на основе его свойств заключить, что его имя должно быть *Ричард*.

Форма может быть именем собственным и в то же время не только им: Robin/robin «Робин/малиновка», John/john «Джон/парень», Brown/brown «Браун/коричневый». Данное обобщение не отрицает этой возможности.

4.5. *Во всех языках имеются грамматические элементы, которые не принадлежат ни к одной из трех, только что перечисленных специальных категорий.*

В целях сравнения полезно отметить, что все сигналы в танцах пчел — деиктические элементы и что ни один из выкриков гиббона не принадлежит ни к одному из трех перечисленных типов элементов.

4.6. *В каждом человеческом языке имеется по крайней мере два основных уровня грамматической организации.*

Там, где их ровно два, вполне хороши и традиционные термины «морфология» и «синтаксис». Там, где граница между морфологией и синтаксисом размыта, более пристальный анализ часто вскрывает особый, промежуточный между морфологией и синтаксисом уровень. Приведем пример из такого языка, как испанский. Внутренняя организация dando, me и lo — это морфология; участие dándomelo в более крупных формах — это синтаксис; структуры объединения dando, me и lo в dándomelo обычно не относят ни к морфологии, ни к синтаксису.

Однако 4.6 сомнительно в другом отношении: более глубокое проникновение в языки типа китайского может показать, что их лучше описывать, не прибегая ни к дихотомии «морфология — синтаксис», ни к более сложной трихотомии.

Во многих языках с четкой дихотомией «морфология — синтаксис» фонологическая и грамматическая структуры скоррелированы, то есть грамматические элементы в основном являются также и различающимися фонологически единицами. Из этого правила есть, однако, много исключений, так что данное утверждение указывает скорее на морфофонологическую таксономию, чем на универсалии.

4.7. *Ни один человеческий язык не имеет грамматически однородного словаря, даже если исключить уже упомянутые три специальные категории элементов (деиктические элементы, маркеры и собственные имена).*

Всегда существуют формы, различающиеся степенью употребительности. Поэтому всегда можно говорить с полным основанием о формальных классах слов.

4.8. *Основное противопоставление классов форм «имя» — «глагол» является универсальным, хотя не всегда на одном и том же уровне.*

Об этом уже говорилось в связи с 1.5.

4.9. *В каждом человеческом языке можно встретить тип предложения двучленной структуры, конститuenty которой разумно было бы именовать «тема» и «рема» («topic» and «comment»).*

Порядок конститuentов может быть различным. Для китайского, японского, корейского, английского и многих других языков типично упоминание сначала того, о чем пойдет речь, а затем того, что о нем говорится. В других языках наиболее типичная аранжировка — предшествование ремы или ее части теме. Это обобщение относится, конечно, только к простому предложению. В каждом языке, очевидно, существуют предложения также и иных типов.

4.10. *В каждом языке различаются одноместные и двухместные предикаты.*

В предложении *Mary is singing* одноместным предикатом является *is singing*. В предложении *John struck Bill* предикат двухместен.

Пункты 4.9 и 4.10 в некотором отношении вызывают сомнение. Мы склонны находить эти структуры в каждом языке, но, вообще говоря, возможно, что мы находим их потому, что мы их ожидаем, а ожидаем мы их потому, что они предполагаются некоторыми наиболее известными нам глубинными свойствами языка. Для некоторых языков иная схема, значительно менее очевидная для нас, может на самом деле более соответствовать фактам. Хотя это справедливо для всех предложенных

обобщений, это, видимо, в особенности справедливо для указанных двух обобщений.

5. Фонологические универсалии

Из уже сказанного мы знаем (или допускаем), что каждый человеческий язык обладает фонологической системой, что фонологическое структурирование всегда иерархично. Тогда собственно фонологические обобщения следует рассматривать в пределах этих предварительных допущений.

5.1. В каждом человеческом языке избыточность, измеряемая в фонологических терминах, близка к 50%.

Суть дела в том, что, если избыточность значительно превышает эту величину, коммуникация становится неэффективной, и люди говорят быстрее или неряшливее; значительное снижение этой величины ведет к непониманию, и люди замедляют темп речи и артикулируют более отчетливо.

Возможно, что, если измерить избыточность в лексико-грамматических терминах, ее величина будет примерно такой же; возможно также, что эта приблизительная величина характерна для самых различных коммуникативных систем, по крайней мере для используемых людьми. Печатный английский текст (Shannon, 1951) дает эту же величину избыточности для букв.

5.2. Малопродуктивно считать универсалиями фонемы

Мы можем, конечно, говорить вполне обоснованно о фонемах при рассмотрении любого языка. Но их положение в иерархии фонологических единиц меняется от одного языка к другому, и, кроме того, оно в некоторой степени зависит от предубеждений или симпатий исследователя. Но, с другой стороны, статус фонологических компонентов установлен раз и навсегда по определению: фонологические компоненты суть минимальные (далее неделимые) единицы фонологической системы. Если вся фонологическая структура иерархична, то точная организация этой иерархии, меняющаяся от одного языка к другому, становится важным основанием для классифи-

кации, но не основанием для обобщений рассматриваемого типа.

На Кавказе имеются языки (Kuipers, 1960), фонологические системы которых можно описать с помощью дюжины фонологических признаков, объединяющихся в 70—80 фонем, которые в свою очередь соединяются в примерно вдвое большее количество слогов. Каждый слог состоит из одной из семидесяти с лишним согласных фонем, за которой следует одна из двух гласных фонем. В подобном случае очевидно, что гласные «фонемы» лучше рассматривать просто как два дополнительных фонологических признака, так что единица, подобная /ka/, оказывается просто фонемой. В качестве альтернативы можно отказаться от термина «фонема» и говорить о признаках непосредственно в слогах. В любом случае ни в понятии «фонема», ни в понятии «слог» нет необходимости. Это крайний случай, но он реален и подчеркивает важность тех «антиуниверсалий», о которых говорилось в разд. 5.2.

5.3. Каждый человеческий язык использует различия в окраске гласных.

Окраской гласных называется комбинация формант. Из акустики известно, что в языках типа английского различия окраски гласного очень важны для разграничения согласных, равно как и для различения гласных фонем.

5.4. Историческая тенденция к фонологической симметрии универсальна.

Р. Якобсон предложил ряд синхронных обобщений о фонологических системах. Для некоторых из них, кажется, существуют немногочисленные маргинальные исключения. Например, в соответствии с одним из утверждений язык не имеет спиранта типа [θ], если в нем нет ни [t], ни [s], или в языке нет аффрикаты типа [tʃ], если в нем нет ни [t], ни [ʃ]. Однако в языке кикапу есть [t] и [θ], но нет [s]. Другое обобщение состоит в том, что в языке нет носовых непрерывных, более контрастных по месту артикуляции, чем смычные некоторого способа артикуляции. Можно проанализировать некоторые разновидности португальского языка в Бразилии так, что это обобщение будет нарушено. Третье обобщение состоит в

том, что в языке аспирированные и неаспирированные взрывные не противопоставляются, если в нем нет отдельной фонемы /h/. Пекинский диалект китайского языка представляет собой почти исключение, потому что в нем согласным, ближайшим к [h], является дорсо-велярный спирант.

Все же представляется, что имеется слишком много разнообразных подтверждений этим обобщениям, чтобы их можно было отбросить из-за горсточки исключений. Если факты не соответствуют гипотезе, то, прежде чем отказаться от нее, следует попытаться ее модифицировать. Все приведенные выше случаи, видимо, представляют собой указание на историческую тенденцию к некоторой симметрии в системе. Эта тенденция может быть нарушена, так что не каждая система с синхронной точки зрения будет подчиняться некоторому правилу, но диахронически эта тенденция существует.

5.5. В любой фонологической системе, когда бы мы ее ни анализировали, обнаруживаются пробелы, случаи асимметрии, или «конфигурационного натяжения».

Большинство языковых систем в результате полу-магической логистики исследователя могут быть приведены к состоянию четкости и симметричности. К подобным ухищрениям всегда стоит прибегать, но не для того, чтобы навязать симметрию там, где она отсутствует, а в силу их эвристической ценности. Они помогают вскрыть отношения внутри системы, которые в противном случае были бы не замечены. Однако элементы асимметричности, хотя и теснимые со всех сторон, все-таки остаются в системе.

5.6. Звуковое изменение универсально. Оно определяется основными признаками устройства языка, в частности — дуальностью.

Под «звуковым изменением» понимается механизм языкового изменения, не сводимый к другим механизмам (см., например, Hockett, 1958, главы 52—54). Когда система характеризуется дуальностью, основной ролью ее кенематической (под)системы является идентификация и разграничение сообщений.

Обычно высказывание, порождаемое при некоторых обстоятельствах, далеко не незначительно отличается от любого другого высказывания, которое может быть порождено в том же языке при тех же самых обстоятельствах. Поэтому есть все возможности для появления неразличительной вариативности и в деталях артикуляции, и, в еще большей степени, в форме речевого сигнала к тому времени, когда он достигнет ушей слушателя. Таким образом возникает звуковое изменение. Роль звуковых изменений в фонологической и грамматической системах языка — это уже другой вопрос (см. указанное выше исследование).

5.7. В любой фонологической системе противопоставлены типичные смычные согласные фонемы и фонемы, которые никогда не являются смычными.

Смычные согласные — это звуки, образуемые при полной ротовой смычке и полной гортанной смычке. Под «типичными смычными согласными фонемами» понимаются фонемы, которые являются смычными в медленной тщательной речи или в сильных позициях (key environments), тогда как в некоторых других позициях или в ускоренной речи они могут быть ослаблены или спонтизованы. Противопоставляемые им несмычные широко варьируются от языка к языку. В некоторых языках Новой Гвинеи ближайшими к несмычным являются носовые непрерывные. Гораздо чаще ими являются спонты.

5.8. В любой фонологической системе имеется не меньше двух противопоставляемых позиций артикуляции смычных.

Засвидетельствованы лишь два случая с двумя позициями — это гавайский язык и несколько архаичный самоа, где лабиальные противопоставлены язычным. (В современном самоа развилось новое противопоставление апикальные/дорсальные).

5.9. Если в языке есть система гласных, то в этой системе есть противопоставления по высоте подъема языка.

5.10. Если, по определению, система гласных включает все слогообразующие сегментные фонемы, тогда система гласных есть в любом языке.

Для того чтобы распространить 5.10 на упоминавшиеся ранее кавказские языки, необходимы некоторые уточнения. Если, по определению, система гласных включает все те сегментные фонемы, которые используются *только* как слогообразующие, то по крайней мере один язык — вишрам — имеет одноэлементную вокальную систему, которая лишь в тривиальном смысле может быть названа «системой». С этой оговоркой 5.9 становится истинной универсалией, применимой ко всем человеческим языкам.

Иная формулировка 5.9 состояла бы в утверждении: если в языке есть противопоставления гласных, не являющиеся противопоставлениями по высоте подъема, то в нем есть и противопоставления по высоте подъема, но не обязательно наоборот.

По всей видимости, можно было бы сформулировать дальнейшие обобщения, аналогичные последним трем, хотя все они в любой момент могут потребовать модификации с учетом эмпирической информации о каком-нибудь пока еще не исследованном языке. В целом же они указывают на нечто весьма загадочное. Казалось бы, достаточно легко придумать систему фонем, в которой не было бы совсем смычных согласных или гласных и тому подобное. Несмотря на большое разнообразие, фонологические системы мира имеют больше общего, чем это строго «необходимо». Иначе говоря, степень существующего между ними сходства оказывается более высокой, чем это требуется лишь определяющими признаками языка и известными культурными и биологическими особенностями человеческого рода. Даже с учетом того, что на самом деле разнообразие может оказаться несколько значительней, чем мы представляем себе в данный момент, столь высокая степень сходства все-таки остается загадкой. Нет ли здесь ограничений, вызванных пока еще не известными особенностями органов речи и человеческого слуха? Не обусловлено ли сходство общностью происхождения, причем в относительно недавнее время — скажем, сорок или пятьдесят тысяч лет назад, — всех человеческих языков, о которых

у нас есть или могут быть прямые свидетельства? (Последняя из этих гипотез, разумеется, не означает, что возраст языка ограничен этими цифрами; она лишь предполагает, что все другие более древние ветви отмерли.) Эти вопросы остаются открытыми; может быть, ответы на них в действительности следует искать совсем в другом направлении.

* * *

Автор признателен Сиднею Лэмбу за детальные критические замечания и советы. Он хотел бы также поблагодарить Фреда Хаусхолдера и Джозефа Г. Гринберга за дополнительные замечания по некоторым вопросам данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Bloomfield L., Language, New York, 1933. (Русск. перев.: Блумфилд Л., Язык, М., издательство «Прогресс», 1968.)

Cowan G. M., Mazateco whistle speech, «Language», 24, 1948, стр. 280—286.

Hockett C. F., A course in modern linguistics, New York, 1958.

Hockett C. F., Logical considerations in the study of animal communication, «Animal sounds and communication», Publication № 7 of the American Institute of Biological Sciences, 1960, Washington, стр. 392—430.

Hockett C. F., Linguistic elements and their relations, «Language», 37, 1961, стр. 29—53.

Jakobson R., Why 'mama' and 'papa'?, «Perspectives in psychological theory», 1961, стр. 124—134.

Kemeny J. G., A philosopher looks at science, Princeton, N. J., 1959.

Kuipers A. H., Phoneme and morpheme in Kabardian, The Hague, 1960.

Murdock G. P., The common denominator of cultures, «The science of man in the world crisis», ed by R. Linton, New York, 1945, стр. 123—142.

Shannon C., Prediction and entropy of printed English, «Bell System Technical Journal», 30, 1951, стр. 50—65.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ УНИВЕРСАЛИИ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ?

1. Введение

В эволюции лингвистических взглядов на синхронические универсалии (см. Casagrande, 10.2)* можно выделить три этапа. На первом этапе — он непосредственно предшествовал современной лингвистике, и поэтому она обнаружила в нем так много недостатков — господствующей системой взглядов, видимо, был глоттоцентризм. Если в группе родственных языков обнаруживались общие свойства (а их поиск чаще всего диктовался нуждами орфографии, риторики или логики, но не собственно лингвистики), то с легкостью принималось, что эти свойства присущи языку как таковому. При таком чисто описательном подходе вопрос о языковых универсалиях не мог даже возникнуть: ведь в каком-то смысле любое явление языка считалось универсалией.

Для следующего этапа характерен крайний релятивизм. О каких бы языках ни шла речь, ничто не принималось на веру. Каждый исследователь старался избегать конкретных формулировок. Формулировки должны были быть как можно более формальными и отвлеченными, чтобы избежать предвзятого подхода и в каждом данном случае сделать возможным объективное изучение фактов. Быть может, без особого риска можно было утверждать, что во всех языках есть фонемы, морфемы и конструкции, но еще менее рискованно было понимать под этим только то, что любой язык можно рассматри-

* Автор ссылается на доклад: Joseph B. Casagrande, *Language universals in anthropological perspective*, «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1966, который не вошел в настоящее издание. — *Прим. ред.*

вать как состоящий из высказываний, причем одни из них противопоставлены друг другу, а другие — нет. Подобные результаты позволяют заключить, что у всех рассматриваемых языков есть нечто общее, и тем самым по индукции мы можем вывести некоторые универсалии.

Нам представляется, что именно здесь возникает третий этап в трактовке синхронных универсалий. Возможно, что универсалии и можно было строить по индукции, взяв в качестве базиса какое-либо отвлеченное свойство. Но что будут представлять собой универсалии, обнаруженные таким методом? Существует глубокое убеждение, что универсалии — это не просто случайные совпадения, и, когда говорят об универсалиях, предполагают, что любой новый материал не будет противоречить соответствующему утверждению; иными словами, полагают, что универсалии могут образовывать своего рода замкнутую систему.

Сказанное выше, разумеется, не новость для участников настоящей конференции. Перейдем теперь к описанию эволюции взглядов на диахронические универсалии. Прежде всего, мы должны подчеркнуть, что темпы эволюции этих взглядов были совсем другими. Правда, и здесь наблюдались все те же три этапа, но, как неоднократно отмечалось, историческая лингвистика XIX в. еще на первом, дорелятивистском, этапе все-таки уже далеко ушла от логики стоиков, грамматики Александрийской школы и «рациональной грамматики» (Пор-Руаяля). Это была молодая и готовая к завоеваниям наука, с плодотворными, хотя и несколько сырыми рабочими гипотезами. Идеи младограмматиков об общих (то есть универсальных) закономерностях языковых изменений опирались на самые тщательные исследования. Младограмматиков с первого взгляда гораздо труднее обвинить в глоттоцентризме, поэтому многие из их идей живы и поныне. Любой труд по историческому языкознанию содержит детально разработанные формулировки общих законов языковых изменений. Если бы сказанное выше нуждалось в доказательстве, то достаточно было бы напомнить о дихотомическом подходе к описанию звуковых явлений, который стал почти традиционным. Например, в «Исторической грамматике греческого языка» Швайзера¹ звуковые изменения рассма-

триваются в двух разделах — один из них озаглавлен «Общезыковые явления», другой посвящен более частным вопросам. Классическая работа Граммона «*Traité de phonétique*» (в которой, между прочим, можно видеть предвосхищение многих структурных работ) посвящена именно универсальным законам звуковых изменений. Лингвисты уже давно не сомневаются в существовании универсальных законов семантических изменений. Излюбленным утверждением является, в частности, тезис о том, что всегда и во всех языках существовали такие явления, как расширение или сужение значений, переход слова из одного лексического пласта в другой, более высокий или более низкий, образование метафор и метонимий.

Скрупулезность методики исследования в исторической лингвистике и обусловленная этим надежность результатов не требовали, казалось бы, пересмотра сложившихся в ней понятий. Это и послужило причиной того, что второй этап в диахронических исследованиях, не говоря уже о третьем, наступил так поздно. Мы только сейчас начинаем строить исходное множество основных формальных понятий: это отнюдь не таблица универсалий, а всего лишь некоторое простейшее построение из неразложимых далее элементов, задача которого — свести к минимуму число предположений о закономерностях языковых изменений, которые могут быть типичны для одних языков и нетипичны для других. Это позволит нам, идя от противного, раскрыть универсалии языковых изменений, если таковые действительно существуют. Я не хочу этим сказать, что теоретические построения, свойственные описанному выше периоду (а в них есть много ценного), не имеют значения вне его пределов. Как и всегда в истории науки, не стоит забывать о том значении, которое имеют достижения данного хронологического периода для последующих стадий развития науки. И все же справедливо будет сказать, что возможности установления общих законов в диахронической лингвистике сильно ограничены теми факторами, которые были упомянуты выше.

Даже при попытке сделать простейшие обобщения мы сталкиваемся со значительными трудностями, что говорит о слабых местах в основаниях самой науки. Представляется, например, разумным утверждать, что все

языки изменяются. Однако что в точности означает это утверждение? Его нельзя понимать в том смысле, что если существует некоторый идиолект *i*, то по прошествии определенного времени нельзя будет обнаружить идиолект *i'*, для которого подходило бы описание, данное для идиолекта *i*. Ведь и среди одновременно существующих идиолектов нельзя найти два разных идиолекта, для которых одно и то же описание было бы в равной мере удовлетворительным. Быть может, утверждение «все языки изменяются» означает, что спустя длительное время нельзя обнаружить идиолект *i'*, который был бы похож на *i* в том, допустим, смысле, что носители каждого из них понимали бы друг друга, но при этом можно обнаружить несколько идиолектов, представляющих собой последовательный ряд переходных форм, связывающих *i* и *i'*. Чтобы сделать более конкретные утверждения, надо уметь устанавливать для любых двух форм существования языка (одна из которых отстоит от нас во времени более, чем другая) отношения «предшествование — следование», а в случае, когда различие во времени менее значительно, нужно уметь установить их принадлежность к разным периодам существования «одного и того же» языка. Только в этом случае мы можем констатировать, что имело место языковое изменение. Нескончаемая полемика по этим вопросам показывает, что речь идет отнюдь не об игре абстрактными понятиями вокруг самоочевидных вещей. Сколько было сломано копий, чтобы доказать, что итальянский язык не является более поздней ступенью классической Цицероновой латыни или что среднеперсидский язык действительно восходит к староперсидскому. Интересно отметить, что решение таких вопросов зависит от применения так называемого метода сравнительной реконструкции. Как это ни парадоксально, преемственность между языками составляет особый вид языкового родства: для некоторых пар родственных языков применение метода реконструкции к одному из членов пары иногда приводит к тому, что реконструированный язык практически совпадает с другим членом пары. В таком случае этот последний объявляется его предком (или представляющим более раннюю стадию развития второго члена пары). Из сравнения двух подобных языков делается вывод о наличии *языковых изменений*.

2. Языковые изменения

Языковые изменения являются всеобщим свойством в том смысле, что для всякого языка (исключение составляют, пожалуй, *сравнительно недавние* языковые образования типа языка иврит или стандартного норвежского языка *; все пиджин-языки как раз не являются исключением) можно указать несчетное число предшествующих состояний. Обратное, конечно, неверно, ибо языки исчезают. Все это тривиально.

В последние 10—20 лет был поставлен более конкретный вопрос — о скорости языковых изменений. Не стоит говорить о крайностях: естественно, что за длительный промежуток времени в языке всегда происходят значительные изменения, а за один день язык не изменяется. Разумно предположить, что в языке взаимодействуют две силы: одна из них всегда препятствует его изменению с целью сохранить возможность взаимопонимания между носителями языка, другая — более скрытая — действует в направлении изменения языка, и притом весьма ощутимым образом. Все это не следует представлять себе слишком упрощенно — это видно из известных экспериментов Чарми (Charmey) и его последователя Херманна (Hermann). Они показали, что, когда молодое поколение становится старше и попадает в окружение более пожилых людей, оно охотно отказывается от языковых нововведений, которыми характеризовалась ранее его речь, и таким образом принимает соответствующий субдиалект почти в том же виде, в каком он прежде существовал.

Сейчас, когда удалось устранить часть трудностей, возникших при проведении подобных исследований, исследования эти необходимо продолжить. Так или иначе, Сводеш и его сотрудники поставили вопрос о том, не является ли отдаленным следствием указанного равновесия сил постоянная скорость языковых изменений, которую в таком случае следовало бы считать подлинной универсалией². Стоит заметить, что глоттохронология — это, преимущественно, лексикостатистика. Подсчету подлежит число замен в составе так называемого основного

* По-видимому, под норвежским языком (standard Norwegian) автор имеет в виду Landsmål. — *Прим. ред.*

словаря — роль этого фактора в общем процессе языковых изменений некоторым представляется весьма незначительной. Сказанное выше не следует рассматривать как критику глоттохронологии с противоположных позиций — напротив, мы считаем необходимым вначале изучить предмет хотя бы поверхностно, чтобы затем постичь его сущность. Быть может, явные и зачастую (но не всегда!) многочисленные случаи внезапных изменений в словаре резко сталкиваются с той тенденцией к сохранению взаимопонимания, которая регулирует процесс языковых изменений — если только последнее верно. Иначе говоря, близкая к постоянной скорость изменений — это характеристика, которая, видимо, более типична именно для изменений в словаре. Была высказана мысль, что если эта скорость и не является подлинной универсалией, то она по крайней мере постоянна в пределах некоторой группы родственных языков или данного языкового ареала. Отметим, наконец, что косвенным образом лексикостатистика по-новому освещает известное мнение о том, что письменная традиция сдерживает процесс языковых изменений. Конечно, само по себе это мнение не имеет оснований; однако в тех частных случаях, когда имеется письменная традиция, связывающая живой язык с его предком, и это дает возможность заимствовать слова непосредственно из памятников в неизменном виде, процесс изменений в словаре (мы говорим только об изменениях этого вида) действительно может замедляться. Ведь по крайней мере некоторые из таких «ученых» заимствований нельзя отличить от слов, вообще не подвергшихся изменениям. Таким образом, речь идет не о влиянии письменной традиции вообще, но о ее значении для итальянского языка или языка хинди в отличие от незначительного ее влияния на английский или японский языки.

Особая заслуга Сводеша состоит в том, что он подчеркнул различие между процессами замены и другими процессами в языке. Чтобы не потерять правильной ориентации, вернемся на некоторое время ко второму этапу поиска универсалий. Процесс языковых изменений можно условно представить себе как «перевод» текстов предшествующего периода существования языка на язык последующего периода³. (Представляется, что нет необходимости оговаривать, что под «текстами» подра-

зумеваются не литературные тексты или записи речи на пленку, а «замкнутая совокупность речевых произведений».) Нельзя ожидать, что *все* тексты более раннего периода имеют подобные «переводы», — и обратно: не всем текстам, принадлежащим к последующей стадии существования языка, можно поставить в соответствие тексты, относящиеся к предшествующей стадии. Это объясняется тем, что условия для появления определенных высказываний могли уже исчезнуть или, напротив, еще не появиться. Отсутствующий текст как бы незримо существует в языке, но нет стимула для его воспроизведения. Изменения, как говорится, происходят не в языке, а в мире. И действительно, мерой постоянства языка служат обстоятельства, изменяющие шансы появления стимулов для возникновения одних высказываний и исчезновения других. То, что верно для текста в целом, верно и для его компонентов. Вместе с устаревшими текстами отмирают и содержащиеся в них слова: так исчезли из английского языка слова, связанные со средневековой техникой и торговлей. С появлением новых текстов появляются и новые слова. Заимствования типа coffee ‘кофе’ и giraffe ‘жираф’ были когда-то неологизмами. Есть элементы и другого рода, о которых говорят, что они сохранились частично (точнее, в определенных условиях). Так, whelm ‘шлем’ сохранилось лишь в позиции после over- (overwhelm ‘ошеломлять’); во всех других позициях оно исчезло вместе с текстами, в которых раньше употреблялось. В railsplitter ‘кузнец, изготавливающий железные прутья для изгородей’ слово rail ‘железный прут’ довольно старое, а railroad ‘железная дорога’ и rails held firm at closing ‘рельсы не расходятся на стыках’ — уже новые образования.

3. Модели замещения

Подлинное языковое изменение непременно приводит к *замещению*. Не имеет смысла вопрос о том, какое слово было заменено словом coffee или же какое слово современного языка заменило слово fuller ‘сукновал’. Ясно, однако, что в соответствии с нашей гипотезой о квазипереводе замена староанглийского inwit на conscience как будто ничем не отличается от замены вчерашнего употребления слов coffee и conscience их сегод-

няшим употреблением. Существуют довольно веские причины для определенной расплывчатости границ между аморфным понятием о появлении одних слов и исчезновении других и понятием замещения. Однако разграничение этих понятий имеет фундаментальное значение для выработки единой теории языковых изменений. Если действительно речь идет о замещении — например, везде, где исчезает *inwit*, оно заменяется словом *conscience* — и если это замещение однозначно, то это и есть подлинное языковое изменение. Типичный пример процесса замещения представляют собой звуковые изменения. За сто лет существования научного описания языка мы вполне освоились с такими формулировками, как: общегерманское /d/ «переходит» (то есть замещается) в /t/ в современном немецком или: прото-алгонкинские /t/ и /θ/ «переходят» в /t/ в языке кри. Те элементы, которые исчезли из системы языка, не будучи замещены, или возникли в порядке замещения на месте исчезнувших, малозначительны.

Далеко не все равно, к чему относятся утверждения типа приведенных выше: к морфемам, фонемам, различительным признакам, конструкциям и т. п. сравниваемых языков или же к морфам, фонам, упорядоченным последовательностям, нулевым элементам и проч., даже если эти последние могли бы соответствовать элементам или частям элементов типа перечисленных выше. Для элементов первого ряда наиболее важна сама модель замещения. Поскольку, например, общегерманское /d/ во всех случаях перешло в немецкое /t/ и поскольку единственным источником, к которому восходит немецкое /t/, является общегерманское /d/, то мы имеем здесь взаимно-однозначную замену, а это значит, что в определенном отношении⁴ в структуре не произошло изменений. Точно так же не претерпевает изменений и структура лексики, если *conscience* «совесть» появилось только там, где исчезло *inwit*⁵. Мы могли бы сказать, что данная фонема или морфема (или последовательность морфем, если слово состоит более чем из одной морфемы) остались на тех же местах с точки зрения сосюровской системы взаимно противопоставленных элементов и что изменился только их фонетический ($t > d$) или морфический состав (морф *conscience* при этом изменился весьма существенно). Однако не все замены

однозначны: существуют еще такие явления, как слияние и расщепление. Морфема множественного числа в современных индоевропейских языках соответствует и морфеме двойственного числа, и морфеме множественного числа праиндоевропейского. Испанское *tío* «дядя» и французское *oncle* заменили сразу две латинские морфемы, одна из которых означала «дядя со стороны матери», другая — «дядя со стороны отца». Мы уже говорили о том, что в языке кри и /θ/, и /t/ были заменены одной фонемой /t/. С другой стороны, такое латинское слово, как *hominem* «человека» (вин. п.) «переводится» в современном испанском в зависимости от контекста, то как *un hombre*, то как *el hombre*, то просто *hombre*. Другой пример: общегерманское /u/ в древнеанглийском выступает в одних окружениях в виде /u/, в других — в виде /i/.

Таковы примеры различных моделей замен в фонологии и морфологии. Для фонологии это привычный способ рассуждений, что касается морфологии, он тоже, пожалуй, не совсем непривычен. Например, часто говорят, что «понятие, выраженное словом *inwit*, позднее стало выражаться словом *conscience*», или что часть тела, которая в древнеанглийском обозначалась словом *wonge*, теперь обозначается словом *cheek* «щека». Но гораздо чаще встречается совсем иная трактовка этих изменений. В таком случае главное внимание уделяется эволюции морфов — последовательностей, характеризующихся прежде всего определенным фонемным обликом, а не тем, как они друг другу противопоставлены. Рассматривается перемещение морфов внутри системы морфемных противопоставлений, которая сама может оставаться неизменной или претерпевать изменения в виде слияний и расщеплений. С такой общепринятой точки зрения *conscience* «совесть» считается «заимствованием». *Tío* «дядя» тоже рассматривается как заимствование, хотя модель замены здесь совсем иная, чем в случае с *conscience*. Слово *oncle*, которое по типу замены ничем не отличается от *tío*, объявляется случаем расширения, поскольку данный морф полностью совпадает (звуковые изменения на этом уровне не принимаются во внимание) с латинским морфом, входившим в одну из морфем (со значением «дядя с материнской стороны»), которые позднее слились в единую морфему со значением «дядя».

Морф *cheek* с этой точки зрения является примером семантического изменения: ранее он обозначал 'челюсть', а затем был заменен соответствующим морфом 'jaw'.

Учитывая сказанное выше, какова должна быть сущность вякой диахронической универсалии? Теоретически рассуждая, можно представить себе три типа универсалий. Во-первых, универсальными свойствами может обладать сам процесс замены⁶. Во-вторых, могут существовать универсальные свойства, позволяющие предсказывать характер структуры языка, образовавшегося в результате происшедших изменений. Эти прогнозы могут иметь либо более общий характер, в том смысле, что все языки изменяются примерно в одном и том же направлении, либо более частный — в том смысле, что данная результирующая структура может быть в той или иной мере предсказана по исходной структуре. В-третьих, можно сделать некоторые прогнозы относительно характера перемещений языковых элементов более низкого уровня — фонов и морфов⁷ — в позициях, где они способствуют неизменности языка, и в позициях, где они способствуют возникновению структурных инноваций.

Итак, рассмотрим вначале процесс замены как таковой. До сих пор мы исходили из того, что само понятие замены вполне пригодно. Конечно, как лингвистическое понятие оно типично для «второго этапа» эволюции учения о языковых универсалиях и настолько общо, что заслуживает названия «универсалии», вероятно, ничуть не более, чем положение о том, что ко всем языкам применим синхронический фонологический анализ. Но есть и некоторые вполне очевидные доводы в его пользу. Прежде всего, существуют и довольно тщательно исследованы «законы» языковых изменений. Например, известно, что звуковые изменения — это прежде всего слияние фонем, и только во вторую очередь — расщепление. Так, две фонемы могут быть заменены одной без расщепления, но две фонемы не могут заменить одну без того, чтобы где-то не произошло слияния (мы отвлекаемся в данном случае от вопросов, связанных с заимствованиями и с «аллофоническими аналогиями»). Возможно, истинный характер процесса здесь не совсем ясен, но кажется очевидным, что огромное число слияний должно происходить вследствие взаимодействия в одном

и том же речевом сообществе всевозможных вариантов, противопоставленных не на фонологическом уровне⁸. Можно ожидать, что уже наличие самых минимальных различий будет способствовать появлению чего-то похожего на «тотальные заимствования», к которым добавляется «неверное толкование» диафонов, столь часто встречающееся при более явных ситуациях языкового заимствования. Так называемая регулярность звуковых изменений чаще всего прямо вытекает из общего для всех языков явления — неуловимой изменчивости процессов речевой деятельности. Проведенная недавно работа по сопоставлению многих языков мира дает основание полагать, что звуковые изменения — явление действительно регулярное в любом языке. Это означает, помимо всего прочего, что метод сравнительной реконструкции, основанный на этой регулярности, применим ко всем языкам. Пренебрежительное отношение к нарушениям этой регулярности, даже если его разделяют серьезные ученые, свидетельствует о наивности.

Было бы ошибочно думать (и, кроме того, мы были бы крайне ограничены в действиях при таких взглядах), что регулярный характер фонетических «законов», открытие которых так поражало ученых прошлых поколений, является таинственным свойством именно фонетических изменений. Наличие почти аналогичных морфологических изменений бросается в глаза настолько, что остается интересным лишь для тех, кто специально занимается вопросами взаимосвязи этих двух аналогичных явлений. В самом деле, как все /θ/ в алгонкинском переходят в /t/ в языке кри, так и *inwit* везде заменяется на *conscience*. Ту же аналогию можно проследить и для случая условной замены (расщепление): как /u/ перешло в /y/ только в тех окружениях, где следующий за /u/ слог начинался с /i/, так и *flesh* ‘мясо, плоть’ раннего периода современного английского языка было позднее заменено на омонимичный морф *flesh* в конструкциях типа *fleshwound* ‘рана на теле’ или *mortify the flesh* ‘умерщвлять плоть’, а во всех других случаях — на морф (и морфему) *meat* ‘мясо’. Мы уже рассматривали определенные случаи несоответствий в подобных сравнениях⁹; я считаю, что существует теория, вполне удовлетворительно объясняющая все такие случаи, — и это будет скорее подтверждением, чем отрицанием нашей

аналогии. По мнению Леманна, механизм семантических изменений во многом сходен с тем механизмом, который, по нашему предположению, лежит в основе звуковых изменений¹⁰: семантические изменения — это преимущественно искажения, появляющиеся при заимствованиях из одного диалекта в другой и вытекающие из неправильного понимания [misunderstanding]. Мартине высмеял идею о том, что если изолировать какой-нибудь однородный язык, то он останется неизменным. Но поскольку ни однородных, ни изолированных языковых групп не существует, не так уж неразумно связывать универсальность изменений с наблюдаемой универсальностью синхронических дифференциаций и внешних влияний.

Здесь, видимо, необходимо коснуться учения о ступенчатом характере языковых изменений. Хорошо известно, что такие изменения имеют вначале бесконечно малое распространение, представляя собой неслучайные отклонения от некоторой нормы; затем сфера употребительности этих отклонений все расширяется («неощутимо», как любят обычно говорить) до тех пор, пока не достигнет некоторого предела. Возможно, подобный взгляд является отголоском лингвистических учений деструктуралистской эпохи. Сейчас мы предпочитаем представлять себе картину языковых изменений в виде последовательности дискретных шагов, причем одни из них весьма незначительны, а другие с точки зрения физических изменений равны нулю. (Например, в тех случаях, когда решающим становится новое, структурное толкование «одной и той же» физической сущности, аллофоны начинают противопоставляться друг другу, алломорфы типа *shade* и *shadow* 'тень' начинают принимать разные значения и т. д.) Поскольку эти дискретные шаги зависят от количества существующих в данном речевом сообществе вариантов (не противопоставленных по различительной функции), их должно быть немного. Возможно даже, что одновременно они должны затрагивать только один различительный признак (это тонко подметил В. Остин¹¹, изучая один специальный случай звуковых изменений). Если это — диахроническая универсалия, то она является следствием одной из синхронических универсалий, определяющих типологию диалектного распределения.

4. Конечная структура

Здесь мы подходим к рассмотрению диахронических универсалий с точки зрения того, что определенные структуры не всегда могут выступать в качестве результирующих. Типология изменений является в данном случае производной от типологии существующих состояний языка. Таким образом, установление дескриптивных универсалий — самое большее, что мы можем сделать в этой области. Обсудим вначале следующие два вопроса: «изменения по аналогии», которым приписывается способность к упорядочению, и принцип расширения условий для изменений.

В традиционном историческом языкознании звуковые изменения и так называемые изменения по аналогии часто рассматриваются, а иногда и прямо определяются как противоположные процессы (изменения по аналогии нельзя смешивать с фактором построений по аналогии, который присущ всем процессам изменения и который в какой-то степени связан с внутренним механизмом этих процессов, уже описанным здесь в общих чертах). Мы говорим, что (обусловленное) звуковое изменение порождает «неправильные парадигмы» или морфофонемы, а изменения по аналогии способствуют устранению морфофонемных чередований. Таким образом, получается — и это привычный подход, — что этим двум формам языковых изменений свойственна примерно одна и та же функция. Однако указанный подход к изменениям по аналогии является весьма неточным. Изменения по аналогии заключаются преимущественно в замене одного алломорфа другим в пределах одной морфемы; при этом как следствие возможны любые морфофонемные изменения. Когда, например, *shoen* 'ботинки' изменилось в *shoes*, алломорф *-en* перестал появляться еще в одной позиции и постепенно число его появлений свелось к минимуму (в *охеп* 'волы' и, возможно, в формах множественного числа нескольких других слов). В то же время алломорф *-z* стал употребляться в новом классе окружений, а именно, во всех случаях, когда после *shoe* следует морфема множественного числа. Было бы неверным утверждать, что при такой строго взаимосвязанной дистрибуции алломорфов в пределах одной морфемы одни алломорфы или группа алломорфов с неизбежностью зай-

мут господствующее положение по сравнению с другими, резко сократив тем самым число неправильных чередований и «выровняв» парадигму. Известно, что изменения по аналогии приводят к возникновению новых алломорфов (хотя, возможно, и не новых морфонемам) и к увеличению числа неправильных (грамматически обусловленных) алломорфов за счет того, что сокращается число правильных, фонологически обусловленных алломорфов. Из окончаний множественного числа в английском языке наибольшее предпочтение отдается обычно окончаниям -s, -z, -iz. Однако множественное число недавно заимствованных названий рыб (например, muskellunge — название рыбы) выражается нулевым окончанием (ср. уже существующие в языке trout 'форель, форели', bass 'морской окунь, морские окуни' и, наконец, само слово fish 'рыба, рыбы'). С другой стороны, и звуковые изменения не всегда ведут к увеличению числа вариантов. Предположим, что данное звуковое изменение заключается в том, что сливаются две фонемы, которые раньше различались. Это упростит, а не усложнит морфонеменные закономерности. История известных языков пестрит примерами такого рода. Другими словами, и звуковые изменения, и изменения алломорфов по аналогии служат одной и той же цели — становлению структуры языка (эта фраза имеет телеологический уклон, которого трудно избежать на сегодняшнем уровне наших теоретических познаний). Создается впечатление, что языковая структура как бы заранее предопределяет конечную цель всех процессов, подчиняя себе действие всех языковых механизмов. Эти конечные цели вновь и вновь поражают нас — настолько они специфичны, настолько, видимо, присущи данному языковому ареалу и данному длительному периоду. Они — увы! — вовсе не выглядят универсалиями. Можно предположить, что древние индоевропейские языки, которые относятся к наиболее изученному периоду мировой истории, изменялись в направлении создания такого типа структуры, который, помимо прочих черт, характеризуется относительно небольшим числом алломорфов: можно представить дело так, что на достижение этой цели были специально направлены и изменения по аналогии, и значительное число слияний. К сказанному можно было бы кое-что добавить, но мы не рискуем делать утверждения с такой

же уверенностью, как Пауль и Стертевант, — у них на это были большие основания.

Гринберг и другие считают, что звуковым изменениям свойственна тенденция к непрерывному нарастанию¹². По их мнению, звуковые изменения могут вначале быть «спорадическими», затем стать фонологически обусловленными и, наконец, необусловленными. Прежде чем высказываться по поводу этого утверждения, я хотел бы, с вашего позволения, усилить его, проведя одну, как представляется, существенную параллель. Пример выбран на уровне морфем (и, к сожалению, опять из индоевропеистики). Одной из самых всеобъемлющих тенденций в истории индоевропейских языков (быть может, надо говорить о территориях, где распространены эти языки) является слияние двух форм неединственного числа (то есть двойственного и множественного) в одну. Различные морфы, в которых путем компонентного анализа можно выделить компоненты морфем двойственности и множественности, начинают дополнять друг друга тем или иным образом и обретают одно новое значение, вобравшее в себя оба старых (по привычке эту новую категорию называют множественным числом, как если бы она была синонимичной с прежним множественным, в которое не входило понятие «двойственное число»).

Но не все морфы такого рода сразу подчиняются указанному закону: в некоторых случаях противоположение двойственности и множественности держится значительно дольше. По аналогии с соответствующими (видимо, еще более простыми) процессами звуковых изменений мы должны были бы сказать, что возможности для слияния все расширяются, пока не становятся максимально благоприятными. В некоторых диалектах греческого языка форма двойственного числа у существительных сохранилась дольше, чем у глаголов. В классической латыни подобное явление наблюдалось еще раньше, а когда окончания двойственного числа уже совсем исчезли, еще сохранялось противопоставление форм 'который из двух' (*uter*) и 'который из многих' (*qui*). Явные следы двойственного числа есть и в современном английском языке (ср. сравнительную и превосходную степени, а также слова *either* и *neither* ('любой' и 'никакой' из двух) в противоположность *any* и *none* ('лю-

бой' и 'никакой' из многих)¹³). В некоторых индоевропейских языках не осталось никаких следов двойственного числа. Здесь мы, несомненно, имеем дело с очень важным законом, который действует только в одном направлении. Мы не можем предсказать, что все обусловленные изменения станут необусловленными или (как следовало бы ожидать) что они вызовут параллельные изменения, то есть будут все время уменьшать обусловленность определенного различительного признака, содержащегося в данной фонеме (или морфеме). Но, во всяком случае, есть все основания полагать, что любое необусловленное или почти необусловленное слияние имеет в своей истории подобные этапы.

Рассматривая звуковые изменения, мы легко можем сделать так называемый первый шаг*: от предполагаемой лексической «спорадичности» до фонемной, но все еще узкой, обусловленности. Так называемые «спорадические» звуковые изменения можно считать результатом диалектных заимствований. При благоприятных условиях это утверждение перестает быть чисто теоретическим построением и переходит в область доказуемых фактов, если есть данные о распределении диалектов в тот период времени, когда произошло соответствующее изменение.

Как мы уже пытались показать, переход от спорадических к систематическим изменениям, когда в роли изменяющейся единицы оказывается «фонема в данном окружении», то есть аллофон, есть не что иное, как переход от обычного избирательного заимствования к своего рода полному заимствованию, для осуществления которого в истории языка, видимо, имеются специфические благоприятные условия. Сущность дальнейшего уже не столь ясна. Почему аллофон, покинувший свое семейство, продолжает притягивать к себе бывших родственников?¹⁴ Ответить на этот вопрос не так просто, хотя некоторые соображения все же можно привести. Так, можно предположить, что наряду с полными диалектными заимствованиями некоторые явные звуковые изменения на самом деле являются крайними проявлениями выравнивания по аналогии. Для различения этих про-

* Имеется в виду переход от анализа звуков к анализу фонем. — *Прим. ред.*

цессов мы располагаем весьма тонкими теоретическими критериями, но имеющиеся в нашем распоряжении фактические данные таковы, что в ряде случаев эти критерии неприменимы, отсюда и многочисленные неясности. Как только истинное обусловленное языковое изменение привело к фонематическому выделению определенного аллофона или группы аллофонов, созданы возможности для возникновения новой морфофонемы.

Теперь становится возможным дальнейшее выравнивание по аналогии. При некоторых условиях, которые я не буду сейчас уточнять, в результате подобных процессов «новый» компонент морфофонемы может попасть в такую позицию, что можно подумать, исходя из вида полученных морфов, что произошло новое фонетическое изменение.

Следующее рассуждение, пожалуй, имеет чисто априорный характер. Допустим, что имеет место первоначальное расщепление фонем, обусловленное в какой-то мере диалектными заимствованиями и затрагивающее, например, какой-либо особо уязвимый диафон. Результатом этого может быть структурно слабая, асимметричная, легко распадающаяся фонологическая система с тенденцией к изменению в ее слабых местах.

Обратное направление начального процесса (в обычных условиях вещь едва ли возможная) гораздо менее вероятно, поскольку фонема, возникшая в результате слияния, теперь, по-видимому, представляет собой наиболее устойчивый элемент выведенной из равновесия подсистемы, а это заставляет думать, что тенденция к изменению будет действовать в том же направлении с еще большей силой. Заметим, что мы снова очутились во власти синхронической типологии — возможно, в области синхронических универсалий, а скорее всего, в области частных типологических явлений. Рассмотрим теперь случаи, когда процесс расширения останавливается где-то посередине. В нескольких алгонкинских языках исчезли гласные в исходе слова; для других позиций это явление гораздо более редкое. В результате слова получают строго определенную каноническую форму¹⁵. Именно поэтому подобный процесс изменений не может распространяться сколь угодно далеко, захватывая гласные в любых других позициях, и, во всяком случае, он, видимо, не может привести к полному исчезновению глас-

ных: по имеющимся наблюдениям, это редкий и даже недостоверный тип структуры.

Здесь вновь возникает вопрос о том, не изменились ли в процессе своего существования сами структурные типы, доступные для синхронного изучения (мы рассматриваем их в данном случае как конечный продукт изменений)? Конечно, мы располагаем сведениями лишь о незначительном отрезке истории существования человечества, да и в пределах этого периода наша осведомленность чудовищно неравномерна. Имеющиеся данные едва ли дают основание считать, что бытовавшие когда-то идеи «языкового прогресса», если воспользоваться этим известным выражением, означают нечто большее чем повсеместное проявление этноцентризма и замены реальных фактов привычными представлениями. Тем, кто считает, что прогресс материальной культуры рано или поздно непременно находит свое выражение во всех языках мира, приходилось в своих доводах опираться исключительно на тот тип языкового изменения, при котором не происходит замещения, то есть на аморфное множество лексических инноваций или выпадений, которые приводят в восторг студентов-историков, но по существу не изменяют языка. Более сильные утверждения еще более сомнительны. В некоторых языковых ареалах можно наблюдать тенденцию перехода от так называемого синтетического строя к так называемому аналитическому строю. Однако существует и противоположная тенденция — и иногда ее можно наблюдать в пределах одной и той же языковой семьи или одного и того же ареала. Идея прогресса (или вырождения) индоевропейских языков, проявляющегося в переходе от флективных форм к аналитическим, от морфологии к синтаксису, от связанности элементов к их свободной сочетаемости, стала общим местом. Возможно, что именно поэтому не менее распространенное понятие «грамматикализации» не было выдвинуто в противовес данной идее (под «грамматикализацией» понимается потеря некоторыми морфемами, например в составе словосочетаний, собственного лексического значения и превращение их в «служебные» элементы). Однако явление грамматикализации в определенной степени способствовало созданию форм, напоминающих флективные новообразо-

вания (например, романские наречия на -mente от mente 'данным способом', оскско-умбрские формы локатива, слившиеся с энклитическими наречиями и превратившиеся в падежную парадигму, и т. д.). Я не хочу сказать, что подобное противопоставление тенденции к аналитизму и грамматикализации было бы достаточно обоснованным, но оно было бы ничуть не хуже прочих известных попыток объяснить факты лингвистической истории человека.

Гринберг, Осгуд и Сапорта полагают, что при прочих равных условиях «чем реже некоторая фонема встречается в речи, тем больше шансов, что она сольется с другой фонемой»¹⁶. Что они имеют в виду? Оставляя в стороне вопрос о необходимости подтвердить эту точку зрения фактами, хотелось бы понять, следует ли отсюда, что имеют место только процессы, приводящие к исчезновению «редких фонем», или, кроме того, существуют еще и какие-то процессы, порождающие новые редкие фонемы. (Другие обобщения, приведенные в том же списке, не исключают возможности существования последних.) Если имеется в виду наличие лишь процессов первого типа, то пришлось бы заключить, что на протяжении всей своей истории человечество последовательно придерживалось принципа унификации, по крайней мере в области звуковой структуры. Не означает ли это, что мы должны экстраполировать процесс [то есть отнести его] в прошлое, к филогенетической стадии лепетания, и в будущее, вплоть до резкого сокращения существующих типов языковых ареалов? П. Фридрих напоминает нам, что в этом случае многие поразительные аномальные явления, обнаруженные современными типологами (возьмем, например, южноафриканские кликсы), могли бы быть интерпретированы как пережиточные — но не в терминах микроистории с ее взаимно компенсирующей путаницей по принципу *plus-ça-change-plus-c'est-la-même-chose*, а как подлинные реликты на фоне всеобщей эволюции.

5. История отдельных морфов и т. д.

Обратимся теперь к самой микроистории. Конечно, и здесь происходят те же процессы, которые рассматрива-

лись выше, а именно — замены, согласно различным моделям. Насколько нам известно, такие процессы очень редко приводят (или вовсе не приводят) к языковым изменениям, существенным для языка, как такового. В действительности они, скорее, приводят к изменениям в структуре, которые являются, как правило, не более чем частными эпизодами в истории существования ареала (примером могут служить многие из более или менее систематических изменений, коснувшихся за последние два тысячелетия индоевропейских и семитских языков). Более ярко структурные изменения проявляются тогда, когда происходит перемещение языка из одного ареала в другой или изменение его позиции (например, окраинной на центральную) в пределах одного ареала. Как было сказано выше, типология таких структурных изменений ограничена типологией возможных или вероятных структур. Обмен мнениями между Якобсоном и Алленом на VIII Международном конгрессе лингвистов выявляет наличие двух точек зрения по этому вопросу: положительной и критической.

Обычно в истории языка замены служат средством сохранения, а не изменения основной системы. Они «заполняют брешы», образовавшиеся в результате действия других процессов изменения, либо «восстанавливают равновесие», которое было нарушено временно или даже только потенциально — ведь отделить диагноз болезни от определения методов лечения на деле не так-то просто.

В тех случаях, когда интерпретация зависит не только от выбора одного из возможных способов сегментации текста на последовательности фонем или морфем, тогда «сдвиги», «прогрессивные» и «регрессивные» перемещения в фонологической системе, «ходы» лексических элементов на шахматной доске из семантических полей — все это часто можно представить как реальные факты, имеющие точную хронологию и проливающие свет на динамику языковой истории. Изучая эти факты, следует, конечно, обращать внимание не на «эмические» точки структуры, а на находящиеся на более низком уровне «этические» цепочки высказываний, которые появляются то в одной, то в другой точке структуры. Мы уже отмечали, что именно в этой области появились первые уверенные и убедительные утверждения. Мы рас-

полагаем «общей» классификацией звуковых изменений (типа классификации Граммона), где критерии основаны на фонетических закономерностях, а не на моделях замены или характере конечных структур. Существует сходная классификация семантических изменений, основанная на изменениях в значении (или грамматических «функциях»), где опорой являются морфы, выделяемые на основе фонемного состава (а не морфемы, выделяемые на основе противопоставлений!). Классификации подобного типа иногда строятся просто из соображений удобства. Гораздо чаще, однако, при этом преследуется цель построить некоторую систему, притом обладающую предсказуемостью силой. Это видно из таких работ, как руководство по «объяснительному синтаксису» Хаверса, где приведен перечень «условий» и «движущих сил»; теория изменений под действием аналогии Куриловича; структурные теории языковых изменений Мартине и ряда других. В этих трудах говорится не только о сохраняющихся и изменяющихся структурах, но также и об изменении отдельных фонов (а в исследованиях, касающихся грамматики и лексики, — об изменении морфов). Именно эти непрерывные колебания образуют в совокупности ту реальную систему, которая в конечном счете является единственно важной.

Очень многие сходятся в том, например, что звуковые изменения носят преимущественно ассимилятивный характер. Данная последовательность звуковых сегментов часто заменяется последовательностью, представляющей в определенных отношениях меньше трудностей для артикуляции. К этому надо добавить (что и сделал Мартине), что это остается верным и для данных сочетаний различительных признаков, появляющихся одновременно.

По этой причине принцип ассимиляции оказывается не так уж тесно связанным с поверхностной категорией «обусловленного» языкового изменения (в отличие от «спонтанного», или необусловленного), как некоторые склонны думать. Чем шире используется компонентный анализ, тем все большее число языковых изменений, считавшихся ранее не обусловленными, оказывается обусловленным. Тем, кто отстаивает мнение об уникальности фонологических процессов, эта разница, конечно, кажется более значительной. Часто упрощение артикуляции

приводит к появлению «длинных компонентов»: последовательность согласных между гласными вокализуется; последовательность слогов, образованных задними и передними гласными, приобретает характер последовательности, состоящей из слогов только с передними гласными; в конце высказываний наблюдается исчезновение или оглушение звуков, что приводит к полной или частичной ассимиляции данной последовательности с последующей паузой, и т. д. *ad infinitum*. Вынося на обсуждение этот широко известный факт только сейчас, я не имею в виду, что ассимилятивные изменения не «используются» в целях создания устойчивых трансформаций или же для микроисторических изменений. Но я не думаю, чтобы кто-нибудь стал серьезно защищать мысль о том, что постоянно действующий процесс ассимиляции приводит ко все большему упрощению артикуляции в языках всего мира. Так или иначе новые «трудности» возникают, видимо, непрерывно. Существует и другое мнение, а именно: ассимиляция составляет (разрушительный) вклад говорящего в историческое развитие; слушающий, который заинтересован в избыточности речи и который не замечает тенденции говорящего облегчить артикуляцию, не склонен расширять границы ассимиляции. Ясно, что при отсутствии количественных оценок наличие пары решающих факторов, действующих в прямо противоположных направлениях, может поставить в тупик: про любое звуковое изменение можно будет сказать, что оно в равной степени способствует и разрушению и сохранению. Возможно, что численные оценки, к которым стремится теория информации, помогут сделать эти представления менее тривиальными.

Кент и другие ученые заметили, что среди известных примеров ассимиляции антиципация, видимо, встречается чаще, чем прогрессивная ассимиляция (то есть идущая в направлении потока речи, а не против него) или взаимная ассимиляция (типа [sk] > [š])¹⁷. Однако попытки найти какие-нибудь особые компенсирующие черты в еще весьма многочисленных случаях прогрессивной ассимиляции не привели к определенным результатам, и весьма вероятно, что преобладание антиципации над «запаздыванием» окажется специфической чертой тех языковых ареалов, к которым относятся более глубоко

изученные языки. Много ли толку от универсалии, полученной на ограниченном материале и довольно недостоверной с точки зрения статистических оценок? С целью подтверждения данной мысли Гринберг, например, пытался найти корреляцию между склонностью к регрессивной ассимиляции и обнаруженной Сепиром тенденцией к суффиксации в синхроническом плане: в результате регрессивной ассимиляции, происходящей в корне слова, префиксы могут поглощаться корнем¹⁸. Однако надо было бы еще показать, что корни слов не подвержены тому же в результате действия известной разновидности регрессивной ассимиляции, а именно антиципации последующей паузы, что может привести к слиянию фонем в конце слова или вообще к их исчезновению. Совершенно верно и то, что причиной оговорок чаще всего бывает антиципация; однако такие оговорки изучались преимущественно в языках примерно одного типа. Насколько мне известно, языки другой типологии, где морфофонематическим изменениям подвержены начальные, а не конечные элементы слова (то есть начальные, а не конечные элементы являются менее устойчивыми), с этой точки зрения не рассматривались. Во всяком случае, вопрос о взаимоотношениях индивидуальных оговорок и звуковых изменений является чрезвычайно тонким.

Предпринималась попытка уточнить с позиций структурализма положение об ассимилятивном характере большинства звуковых изменений: предлагалось учитывать при этом различительный характер той или иной артикуляции. Мартине считал, что «вокализованный контекст, в котором вокальность не является различительным признаком, не представляет... в обычных условиях возможности для вокализации глухих звуков и тем самым для нейтрализации противопоставлений "голос — отсутствие голоса"»¹⁹. Однако тот факт, что примеры обратного характера (скажем, переход $pt > pd$ в позднем греческом) весьма многочисленны, предъявляет большие требования к термину «обычные условия».

Вполне естественно было бы полагать, что приведенных доводов еще недостаточно. Но, поскольку у нас нет удовлетворительной теории, дополнительные факты — в лучшем случае это будут статистические данные — вряд

ли могут вселить в нас особую уверенность. В этой связи следует помнить, что в истории языка происходили также и другие процессы, отличные от ассимиляции. Я не имею в виду главным образом диссимиляцию, хотя она и относится к «регулярным звуковым изменениям» в гораздо большей мере, чем принято думать. Впрочем, возможно, что диссимилятивным процессам свойственны некоторые различительные черты, которые не только делают их в определенной степени непохожими на более типичные процессы, но и противопоставляются им по существу²⁰. *Гиперформы* тем не менее являются неотъемлемой частью языковой истории, а суть гиперформ именно в том и состоит, чтобы действовать в направлении, прямо противоположном фонетическому благозвучию. Так, отличие итальянского *dimestico* 'домашний' от латинского *domesticum* заставляет искать здесь ассимилятивное изменение от *im*, при котором округление губ играло роль «долгого компонента». Наблюдаемая диссимиляция «о» в «i» была, возможно, результатом последующего диалектного заимствования.

Как обычно, мы гораздо более уверены в наших знаниях по истории отдельных замен, чем в общих выводах, которые мы стремимся сделать относительно фонов при фонологических изменениях.

При рассмотрении семантических изменений те же проблемы встают в еще более острой форме. Ранее мы видели, как в результате неверных аналогий лишается смысла вопрос о «семантических законах» (то есть вопрос о регулярности «семантических изменений»). Если мы станем рассматривать семантические изменения на уровне морфем, они окажутся такими же регулярными, как звуковые изменения, которые мы обычно действительно формулируем на фонологическом, а не на фонетическом уровне. Однако в случае семантических изменений мы с сожалением констатируем отсутствие значимых результатов. Одна из причин этого кроется в многочисленности одно-однозначных замен (без слияния или расщепления) в грамматике и лексике. Когда мы вместо фонем рассматриваем фоны, наши обобщения наталкиваются на ряд препятствий. Так, было бы чрезвычайно трудно, если вообще это возможно, хоть как-нибудь предсказать передвижение отдельных морфем в

таблице морфем. Идея поляризации Куриловича, согласно которой предпочтительным оказывается тот из соперничающих алломорфов, который обладает большим числом различительных признаков, является, возможно, наиболее многообещающей для объяснения частных случаев изменений по аналогии. Я думаю, что нет нужды останавливаться на слабостях классификаций семантических изменений, ориентирующихся на содержание. Наверное, достаточно упомянуть метафору как самую, видимо, известную квазиуниверсалию. Несомненно, во многих языках часть лексики подверглась примерно одинаковым изменениям, для которых «метафора» — весьма подходящее название. Но вероятность того, что данный морф будет употребляться «метафорически», — это вероятность того же рода (хотя и не обязательно той же величины), что и вероятность, с которой данный фон подвергается определенному звуковому изменению.

В некотором смысле мы вновь вернулись к тому, что синхроническая типология является главной движущей силой. Мы не должны забывать, что основные термины и понятия, в которых описываются изменения значений, являются в то же время полезными и для синхронической семантики. В самом деле, метафора обозначала риторическую фигуру задолго до того, как она стала обозначать тип семантических изменений.

Таким образом, неудивительно, что все попытки найти в истории языка семантические законы изменения морфов и их значений оканчиваются неудачей. Поиски таких законов не были напрасными — примером может служить работа Стерна, в частности его вывод о том, что «английские наречия, которые до 1300 г. уже имели смысл 'rapidly' ('быстро'), в дальнейшем всегда приобретают значение 'immediately' ('немедленно')». Это происходит тогда, когда наречие подчинено глаголу и т. д.»²¹. Следует обратить особое внимание на то, в какой мере этот закон основан на семантической (то есть относящейся к морфемам, а не к морфам) идентификации анализируемых единиц. Но если мы хотим глубже изучить общие свойства семантических изменений, то от некоторых слишком привычных понятий придется отказаться.

6. Заключение

Более глубоко обоснованные исторические и сравнительные исследования, чем те, которые велись в последние десятилетия, — вот что необходимо для изучения диахронических универсалий. Сейчас в этом направлении уже ведется большая работа.

Далее, необходимо понять, что многим поколениям ученых были свойственны три типа представлений о сущности языковых изменений: или это была модель замен (чисто внешних инноваций и выпадений); или это был процесс, приводящий к возникновению новых структур; или процесс передвижения по соссоровской «шахматной доске» (притом часто без окончательных результатов) отдельных элементов, противопоставленных по акустическим, артикуляторным и прочим поддающимся измерению характеристикам. Для нас наибольший интерес представляют второй и третий (но не первый) типы представлений. Возможно, что новые методы, как, например, трансформационная грамматика, которая стремится совершенно новым способом внести единство в синхроническую типологию, создадут новые основы для понимания универсалий языковых изменений.

* * *

Помимо Чарльза Ф. Хоккетта, чьи ценные замечания представлены в моих примечаниях, я хотел бы выразить благодарность Джозефу Г. Гринбергу, Рулону С. Уэллсу, Эйнару Хаугену и Роману Якобсону, которым я обязан рядом поправок.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Schwyzer, Historical Greek grammar, 1, стр. 234 и сл.

² См. S. C. Gudschinsky, «Word», vol. 12, стр. 175 и сл.
О Чарми см. геттингенские «Nachrichten», Phil.-Hist. Klasse, 1929, стр. 195—214

³ Выражаю признательность Чарльзу Ф. Хоккетту за его глубокие замечания по этому и другим вопросам. Хотя я и принял к сведению все его замечания, все же здесь не представляется возможным подробно обсуждать их, соглашаться с ними или их опровергать. Хоккетт возражает против понятия квазиперевода в том виде, как оно было употреблено выше, подчеркивая, что язык есть не множество «текстов», а совокупность навыков. Но «есть» — труд-

ное слово. В конце концов, мы пытаемся лишь анализировать подход историка, который, по существу, представляет собой противопоставление («сравнение») частей двух или большего числа высказываний. Совсем неочевидно, что такой подход нерелевантен для понимания указанных навыков, хотя бы и было ясно, что навыки и тексты не одно и то же. Хоккетт далее замечает, что *виды* изменений должны быть самым строгим образом отделены от *механизма* изменений. Характер этого возражения таков, что можно заключить, что Хоккетт отошел от позиции, занятой им в его «Курсе» (гл. 52 и др. *), — если, конечно, я его правильно понял. Этот вопрос требует подробного обсуждения.

⁴ С точки зрения принципа экономии (Хоккетт).

⁵ Для удобства изложения мы примем, что каждое из этих слов состоит из одной морфемы. Действительно, относительно *in-*, *-wit*, *con-* можно сказать, что они участвуют в процессах обусловленной замены.

⁶ «Самое главное, — считает Хоккетт, — это то, что *замена имеет место*. Это не тривиальное утверждение. Существуют коммуникативные системы, в которых замены не происходит или где механизм замены столь разительно отличается... что эту разницу нельзя оставить без внимания».

⁷ В той мере, в какой дело касается их отношений к морфемам. Сами морфы следует представлять в виде цепочек фонем.

⁸ Звуковые изменения не могут быть, очевидно, предсказаны только на основе внутренних, системных факторов. Нельзя их интерпретировать и как результат разброса вокруг некоторой средней точки, или нормы. Процесс изменений имеет определенную направленность и является в этом смысле специфичным, как и многие другие явления истории. Факторы, которые приводят к изменению престижа данного языка, к развитию региональных центров, к демографическим изменениям и т. п., являются в этом смысле специфическими и уникальными (то есть они не сводимы к представлению об упрощении структуры языка, противопоставляемому столь часто упоминаемому «экстралингвистическому миру»).

⁹ «Language change and linguistic reconstruction», стр. 38, 75 и сл.

¹⁰ «Indogermanische Forschungen», Bd. 45, стр. 105 и сл.

¹¹ «Language», vol. 33, стр. 538 и сл.

¹² «Psycholinguistics», стр. 148.

¹³ Внимательность Фреда Хаусхолдера позволила устранить возможность сугубо неправильного толкования этого предложения.

¹⁴ См. M. J o o s, Readings in linguistics, стр. 376.

¹⁵ Ограниченную постольку, поскольку исключаются гласные исходы. С другой стороны, после того как произошло изменение, «в исходе слова может стоять любой согласный или группа согласных», то есть получается гораздо большее разнообразие, поскольку тогда возможны четыре гласных исхода (Хоккетт).

¹⁶ «Psycholinguistics», стр. 148.

¹⁷ «Language», vol. 12, стр. 245 и сл.

¹⁸ «Essays in linguistics», гл. 8.

* Автор ссылается на книгу: Ch. F. H o c k e t t, A course in modern linguistics, New York, 1958. — *Прим. ред.*

¹⁹ A. Martinet, *Economie des changements phonétiques*, Berne, 1955, стр. 111. [Русск. перев.: А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960.]

²⁰ Учение об определенной беспорядочности диссимиляций, метатез и т. п. занимает в лингвистической истории особое место. Но на самом деле даже диссимиляция плавных, характерная для индоевропейских и семитских языков, является не такой уж нетипичной, как о ней говорят. Она лишь частично прогрессивна; ее «регулярность» весьма значительна (примеры обратного часто встречаются лишь в парадигмах), и, даже если бы было верно, что регулярные звуковые изменения должны быть постепенными, о многих процессах диссимиляции (например, о так называемом законе Грассмана) можно без труда сказать, что они происходят постепенно, тогда как существуют недиссимилятивные процессы изменения, которые вряд ли допускают такую характеристику (см. Hoenigswald, *Phonetica*, 11, стр. 202—215).

²¹ «Meaning and change of meaning», стр. 190.

ДОПУЩЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НОСОВЫХ: К ВОПРОСУ О ФОНОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЯХ

1. Введение

Несмотря на то что лингвисты, как правило, не решаются делать универсальные (панхронические или межязыковые) утверждения относительно деталей фонологических структур, тем не менее в своих собственных полевых работах или же при оценке чужих описаний они нередко поступают так, как если бы они исходили из каких-то общих допущений этого рода. Некоторые признаки, общие для звуковых систем естественных языков, настолько существенны, что если бы определенная знаковая система ими не обладала, то лингвисты не назвали бы ее языком. Такие универсалии можно рассматривать как дедуктивные в том смысле, что они имплицитно присутствуют в понятии «язык», независимо от того, формализованы они или нет в лингвистическом описании. Так, лингвист будет считать невозможным существование языка без фонемных противопоставлений, без наличия небольшого числа различительных признаков (или фонетических и дистрибутивных классов), в терминах которых можно было бы описать элементы фонологической последовательности, или, наконец, языка, в котором бы эти фонологические элементы встречались с одинаковой частотой.

2. Значение недедуктивных высказываний

В настоящей работе делается попытка сформулировать несколько недедуктивных высказываний в пределах той области фонологии, которой занимается автор. Возможно, что с большинством этих высказываний согласятся многие лингвисты, а некоторые другие высказывания не представят большой ценности. Несмотря на

то что никакого теоретического обоснования для сформулированных ниже универсальных высказываний не предлагается, мы думаем, что сводка высказываний такого типа может оказаться полезной, по меньшей мере, в трех отношениях.

Во-первых, в любой области науки полезно эксплицитно сформулировать допущения, существующие в неявном виде. Благодаря этому можно будет выявить ошибочные или противоречащие друг другу допущения, а также осуществить более глубокий теоретический подход к исследованиям в определенной области.

Во-вторых, следует указать, что недедуктивные универсалии могут быть полезными для языковой типологии. Например, обыкновенно полагают, что в любом языке число фонемных противопоставлений в безударных слогах не меньше, чем в слогах ударных¹. Попытка более точно сформулировать это утверждение и проверить эмпирически его адекватность немедленно приводит к тому, что все языки с фонологически значимым ударением распадаются на три группы:

1) языки типа испанского, в которых ударение не оказывает существенного влияния на качество гласных. В языках этого типа, если отвлечься от случайных пробелов в дистрибуции, имеется только одна система гласных, функционирующая как в ударных, так и в безударных слогах;

2) языки типа английского и русского, в которых гласные под ударением удлиняются, а их характеристики становятся резче очерченными. В таких языках ударные гласные чище и, по существу, имеется две системы гласных: одна — для ударных слогов, а другая — для безударных, причем в этой последней контраст между разными гласными менее отчетлив и наблюдается некоторая тенденция к образованию (по аналогии) безударных гласных из ударных (например, русск. /e/) или, наоборот, к переходу некоторых нейтральных гласных из системы безударных в систему ударных (например, английское /ɪ/);

3) языки типа отдельных таджикских диалектов² и некоторых разновидностей сирийского арабского, в которых гласные под ударением сглаживаются. В таких языках ударные гласные не удлиняются в сколько-нибудь значительной степени и являются менее чистыми,

чем безударные. В языках этого типа большая часть противопоставлений приходится обычно на безударные слоги³.

В-третьих, значение эксплицитной формулировки фонологических универсалий заключается в том, что это дает материал для экстралингвистической интерпретации. Недедуктивная лингвистическая универсалия может служить подтверждением положений, полученных в других областях знаний, или натолкнуть на мысль о необходимости пересмотра этих положений. Так, общепризнанно, что нейтрализация имеет место обычно в конечной позиции и никогда — в интервокальной позиции⁴. Или, например, из диахронических исследований известно, что фонема типа /s/ может переходить в фонему типа /h/, но не наоборот, а фонема типа /k/ — в фонему типа /t/, но не наоборот, и т. д. Лингвистическим наблюдениям такого рода можно попытаться дать физиологическую или психологическую интерпретацию.

Опытный лингвист, работающий в области фонологии, использует, видимо, в неявной форме большое число допущений, которые можно было бы выявить и сформулировать. Это видно из того, с какой легкостью решается задача построения искусственной системы фонем, которая будет вполне адекватной для коммуникативных целей и которую, тем не менее, лингвисты единодушно признают недостоверной⁵.

3. Фонологические универсалии в области носовых фонем

Полный перечень фонологических универсалий мог бы включать более ста универсальных высказываний. Пятнадцать универсалий, перечисленных ниже (они занумерованы римскими цифрами), касаются только носовых фонем и являются не более, чем примерным перечнем⁶. Три универсалии из этого списка — диахронические, две — синхронические статистические, а остальные — абсолютные синхронические универсалии. Все утверждения формулируются в терминах «всеобщности», хотя в большинстве случаев они, по-видимому, носят статистический характер, то есть предполагается, что исключения есть, но их вероятность настолько мала, что

язык с такими исключениями можно в некотором смысле считать «аномальным» или «патологическим».

Носовые фонемы подразделяются на 4 следующих типа: простые носовые согласные, сложные носовые согласные, носовые гласные и носовые слогаобразующие. Определение типов приводится ниже, а универсалии формулируются относительно каждого типа в отдельности. Из рассмотрения были исключены:

1) носовые или назализованные аллофоны или фонемы, наиболее характерными аллофонами которых являются неносовые;

2) просодические признаки носовых.

Первые, по существу, не входят в систему носовых фонем, и потому универсалии типа приводимых ниже к ним не приложимы; вторые обычно рассматриваются в терминах сегментных фонем, и в этом случае формулируемые нами универсалии сохраняют адекватность.

3. 1. Первичные носовые согласные (ПНС)

Определение: ПНС называется фонема, наиболее характерный аллофон которой представлен звонким носовым смычным, то есть звуком, образующимся в результате полной смычки в ротовой полости (например, апикальный, лабиальный и т. п.) при свободном проходе воздуха через носовую полость и вибрации голосовых связок.

Если в языке нет носовых фонем других типов, по своим фонологическим признакам противопоставленных фонемам ПНС, то фонема ПНС может иметь аллофоны без полной смычки в ротовой полости, с неполным опущением мягкого нёба или без включения голосовых связок. Однако даже в подобном языке, если ПНС встречается в такой фонологической позиции или речевой последовательности, которая требует максимальной ясности, она будет иметь обычные свойства звонких носовых. В некоторых языках ПНС выполняют функции, подобные тем, которые обычно выполняют гласные фонемы: они могут, например, образовывать вершину слога или нести ударение. Однако эти функции являются второстепенными по сравнению с их функциями в качестве согласных.

I. Каждый язык содержит, по меньшей мере, одну

ПНС. (Полное отсутствие ПНС обнаружено в трех языках салишской группы⁷, где, как предполагают, более ранние ПНС развились ныне в звонкие смычные.)

В тех редких случаях, когда в языке есть только /m/, в языке всегда, кажется, есть и апикальное /p/ как аллофон чего-то другого (Хоккетт, анализируя язык виннебаго, трактует [p] в виннебаго как назализованное /r/⁸; в описании йоруба у Лейдефоджеда [p] рассматривается как /l/, следующая за носовыми гласными⁹. Примеры языков, в которых /p/ выступает в качестве единственной ПНС, следует искать среди языков западного полушария, например тлингит, ряд ирокезских языков, арапахо).

III. Если в языке существует только две ПНС, то второй из них является /m/, то есть ее наиболее характерным аллофоном является лабиальный. Языки с фонемами /m/ и /p/ чрезвычайно распространены; примеры можно найти в индоевропейских, семитских, различных индейских, алтайских и кавказских языках.

IV. Количество ПНС в языке не превышает количества шумных. Так, если язык допускает четыре позиции для смычных и аффрикат (например, /p t ʧ k/), то в нем будет четыре или меньше ПНС (например, /m n ɲ ŋ/, /m n ŋ/, /m n ɲ/ или /m n/), но никогда не больше. При этом возможны самые различные варианты:

бенгальский	p	t	t̃	c̃	k	нуэр	p	t̃	t	c	k
	m	n	ŋ				m	n̄	n	n̄	ŋ
французский	p	t	k			фиджи		t	k		
	m	n	n̄				β	ð			
							m	n	n̄		

V. Если в языке существует нейтрализация ПНС в некотором предложении, то такая нейтрализация происходит в позиции перед связкой или перед согласной.

(Примерами могут служить испанский, древнегреческий; ряд других примеров содержится у Трубецкого¹⁰.)

3. 2. Вторичные носовые согласные (ВНС)

Определение: ВНС называется фонема, наиболее характерный аллофон которой *не* является простым звонким носовым. Во многих случаях ВНС может быть описана как группа (например, /hn/, /mb/ и т. д.). Сформулированные ниже универсалии относятся к языкам, для которых требуется однофонемный анализ (monophonemic analysis) либо в силу противопоставления с группами согласных, либо в связи с параллельной дистрибуцией. Существует, по меньшей мере, 6 подтипов:

- глухие носовые (например, в куанъяма¹¹)
- придыхательные носовые (например, в маратхи¹²)
- глоттализированные носовые (например, в чонтал (оаксака)¹³)
- палатализованные носовые (например, в русском)
- «эмфатические» носовые (например, в сирийском арабском¹⁴)
- пренасализованные (звонкие) смычные (например, в фиджи¹⁵)
- назализованные кликсы (например, в зулу¹⁶).

VI. Если в языке есть ВНС, то в нем обязательно существует одна или несколько ПНС (как следует из I).

VII. Количество ПНС в языке не меньше количества ВНС.

VIII. Частота встречаемости ПНС в данном языке всегда бывает большей, чем частота встречаемости ВНС.

IX. За исключением случаев заимствований и образований по аналогии, ВНС всегда являются результатом диахронического развития каких-либо групп согласных (clusters). (Эта универсалия основана на анализе небольшого количества примеров, позволяющих проследить лишь историю отдельных ВНС. Вероятно, возможны и другие интерпретации; так, представляется, что в некоторых языках пренасализованные смычные (prenasalized stops) восходят к звонким смычным.)

3. 3. Носовые гласные (НГ)

Определение: НГ называется фонема, наиболее характерный аллофон которой произносится при открытом ротовом и носовом проходе и вибрации голосовых связок. Если в языке нет других НГ с контрастирующими фонетическими признаками, данная НГ может иметь соответствующие аллофоны с ротовой или носовой смычкой или без включения голосовых связок; однако в позициях и ситуациях максимальной отчетливости появляются нормальные носовые гласные (примеры языков: французский, бенгальский, таос).

X. Если в языке существует НГ, то в нем обязательно будет существовать одна или несколько ПНС (как следует из универсалии I).

XI. Число неносовых гласных в данном языке не может быть меньшим, чем число НГ.

XII. Частота встречаемости неносовых гласных в данном языке всегда больше частоты встречаемости НГ. (Надежные подсчеты частоты встречаемости фонем имеются для небольшого числа языков с НГ. Подсчет по небольшой выборке для бенгальского¹⁷ показывает, что в нем отношение частоты встречаемости ротовых гласных к носовым составляет 50 : 1.)

XIII. Если в данном языке существует нейтрализация носовых и неносовых гласных, то эта нейтрализация происходит в позиции непосредственно перед носовой согласной. (Много примеров такой нейтрализации можно найти в бенгальском¹⁸ и йоруба¹⁹.)

XIV. За исключением случаев заимствований и образований по аналогии, НГ всегда появляются вследствие исчезновения ПНС. (Эта универсалия основана на данных тех немногочисленных языков, для которых известна история развития НГ. Это, в основном, индоевропейские языки — индийские, славянские, романские. Вполне возможно, что данная универсалия претерпит некоторые изменения, когда будут получены данные об истории развития НГ в языках других групп. Ирокезский язык содержит, например, НГ, которая имеет, по-видимому, совершенно иное происхождение: одна из НГ этого языка, судя по реконструкции для протоирокезского, развилась, очевидно, из более раннего /a/ + /i/ или из группы типа /awa/.)

3. 4. Носовые слогообразующие

Определение: Носовой слогообразующей называется такая носовая фонема, которую следует рассматривать скорее как слог, а не как отдельную согласную или гласную (например, / \bar{n} / в японском языке²⁰ и / m / в эве, хоса²¹).

XV. За исключением случаев заимствований и образований по аналогии, носовые слогообразующие фонемы всегда являются следствием исчезновения гласной.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ К стр. 106. Ср. Trubetzkoy, *Principes de phonologie*, Paris, 1949, стр. 255—256. [Русск. перев.: Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, М., 1960].

² К стр. 106. Ср. Соколова, *Фонетика таджикского языка*, М., 1949, стр. 19.

³ К стр. 107. Интересно отметить, что в ливанском арабском, на котором говорят в Мараджауне, где сохраняется противопоставление i — u (которое исчезло в большинстве ливанских говоров), фонетическое различие между / i / и / u / менее значительно, чем разница между i — u в безударных слогах.

⁴ К стр. 107. До конца удовлетворительная формулировка была бы гораздо более сложной и потребовала бы учета очень редких случаев нейтрализации в начальной позиции (отмеченных Трубецким в одном из мордовских диалектов) и нейтрализации в начале и в конце (отмеченной в киргизском языке). Ср. Trubetzkoy, *Principes de phonologie*, Paris, 1949, стр. 254—255.

⁵ К стр. 107. Автор предлагал многим своим коллегам лингвистам следующую систему фонем: \check{c} k k^w v s \check{z} $\check{\theta}$ m' n' \bar{n} η' l λ y ? \bar{u} \bar{u} \bar{a} \bar{a} \bar{e} \bar{e} \bar{u} \bar{u} . Она вызывала различные реакции — от легкого удивления до полного недоверия.

⁶ К стр. 107. Автору известны два источника, где содержится краткий разбор фонологических универсалий: книга Трубецкого (указ. раб., стр. 189—196) и книга Хоккетта «*Manual of phonology*», Baltimore, 1955, стр. 119—120.

⁷ К стр. 109. Ср. Hockett, *Manual of phonology*, Baltimore, 1955, стр. 119.

⁸ К стр. 109. Ср. Hockett, *Manual of phonology*, Baltimore, 1955, стр. 80—81. И без дополнительных доказательств очевидно, что анализ Хоккетта менее убедителен, чем традиционный анализ, согласно которому / n / и / r / являются разными фонемами. Другие исследователи виннебаго признают существование в нем / m /, / n / и / r /, предполагая наличие дополнительного / n_2 / или наличие морфофонемного чередования / n / с / r /.

⁹ К стр. 109. Ср. Ladefoged, *A phonetic study of West African languages*, Cambridge, 1964, стр. 23—24.

¹⁰ К стр. 110. Ср. Trubetzkoy, *Principes de phonologie*, Paris, 1949, стр. 193.

¹¹ К стр. 110. Ср. Westermann and Ward, *Practical phonetics*, London, 1957, стр. 65.

- ¹² К стр. 110. Ср. Lambert, Introduction to the Devanagari script, London, 1953.
- ¹³ К стр. 110. Ср. «International Journal of American Linguistics», 16, 1950, стр. 35.
- ¹⁴ К стр. 110. Ср. «Language», 30, 1954, стр. 566—567.
- ¹⁵ К стр. 110. Ср. Hockett, Manual..., стр. 124.
- ¹⁶ К стр. 110. Ср. Doke, The phonetics of the Zulu language, Witwatersrand, 1926.
- ¹⁷ К стр. 111. Ср. «Language», 36, 1960, стр. 51.
- ¹⁸ К стр. 111. Ср. «Language», 36, 1960, стр. 44.
- ¹⁹ К стр. 111. Ср. Ward, An introduction to the Yoruba language, Cambridge, 1952, стр. 13.
- ²⁰ К стр. 112. Ср. «Language», 26, 1950, стр. 112.
- ²¹ К стр. 112. Ср. Doke, The Southern Bantu languages, London, 1954, стр. 92.

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО КАСАЮЩИЕСЯ ПОРЯДКА ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

1. Введение

Предлагаемые ниже утверждения, в чем читатель убедится из дальнейшего, носят гипотетический характер. Без более полного охвата разных языков отсутствие исключений для большинства универсалий, установленных здесь, не может быть полностью гарантировано.

Как указано в заглавии работы, свое внимание мы сконцентрировали главным образом, но отнюдь не исключительно, на вопросах, касающихся порядка слов и морфем. Это объясняется тем, что предшествующий опыт позволил нам сделать вывод о большой степени упорядоченности в этом частном аспекте грамматики. В настоящей статье предложен ряд универсалий. Значительная их часть представляет собой импликационные универсалии, и их можно выразить в следующем виде: «если в данном языке есть *x*, в нем всегда есть и *y*». Если ничего больше не сказано, то имеется в виду, что обратное, а именно — «если в языке есть *y*, в нем всегда есть *x*», не имеет силы. Когда два ряда характеристик бинарны, типичная дистрибуция в четырехклеточной таблице — это пустая клетка (с нулевым заполнением) как одна из четырех возможностей¹. С точки зрения научной методологии подобный подход* представляется вполне оправданным по двум причинам. Во-первых, закономерности на самом низшем уровне, как это указывается в руководствах по научной методологии, выражаются именно в такой** форме².

* То есть формулирование универсалий в форме импликаций. — *Прим. ред.*

** То есть импликационной. — *Прим. ред.*

Во-вторых, те языковые универсалии, которые представляются нам неимпликационными, на самом деле имеют импликационный характер, поскольку они следуют из каких-то дедуктивных предпосылок относительно языка³. Между тем формулировать эти предпосылки непосредственно было бы очевидной тавтологией.

Вероятно, необходимо указать, что ряд универсалий второго типа, то есть универсалий, следующих из определенных дедуктивных предпосылок относительно языка, хотя они формально и не постулированы в настоящей статье, фактически следуют из общего допущения о сравнимости языков на грамматическом уровне. Например, целая серия универсалий имплицитно предполагается в таком утверждении, как нижеследующее: если в языке основным порядком слов для главного повествовательного предложения является порядок «глагол — субъект — объект», то определение в родительном падеже всегда следует за управляющим существительным. Здесь предполагается, в частности, что все языки имеют субъектно-предикативные конструкции, разные классы слов и конструкции с родительным падежом, или генитивные конструкции. Я хорошо понимаю, что при идентификации таких явлений в языках различной структуры в основном используется семантический критерий. Вероятно, определенное формальное сходство дает нам возможность сравнивать указанные явления в различных языках. Однако концентрация внимания на этой задаче, важной самой по себе, помешала бы мне, в силу ее сложности, двигаться вперед к тем специальным гипотезам, которые основаны на эмпирическом исследовании и представляют главный интерес для лингвиста. Более того, адекватность некоторого межъязыкового (то есть относящегося к различным языкам) определения понятия «имени» должна в любом случае проверяться с точки зрения тех семантических явлений, для обозначения которых предназначался данный термин. Если, например, в результате формального определения понятия «существительного» класс слов одного языка, содержащий такие слова, как 'мальчик', 'нос' и 'дом', будет отождествлен с классом слов другого языка, содержащим такие единицы, как 'есть', 'пить', 'давать', то такое определение будет тотчас отвергнуто, и это будет сделано на основании семантики. На практике по-

добные вопросы никогда не вызывают сомнений. Представляется, что это имеет достаточно глубокое основание. Если бы, например, кто-нибудь захотел проверить утверждение о связи порядка слов и конструкции с родительным падежом, постулируемое в настоящей статье, то в общем достаточно ясно, на каком материале такое утверждение может быть принято или отвергнуто.

Для многих утверждений в этой статье был использован список из следующих 30 языков: баскский, сербский, уэльсский, норвежский, новогреческий, итальянский, финский (Европа); йоруба, нубийский, суахили, фуль, масан, сонгаи, берберский (Африка); турецкий, иврит, бурушаски, хинди, каннада, японский, тайский, бирманский, малайский (Азия); маори, лоритя (Океания); майя, сапотек, кечуа, чибча, гуарани (языки американских индейцев).

Этот список был выбран главным образом для удобства. В основном он содержит языки, с которыми я имел раньше некоторое знакомство или для которых я располагал достаточно надежным грамматическим описанием. Этим и объясняется мой выбор языков, хотя при этом была еще сделана попытка получить как можно более широкий генетический и пространственный охват. Привлечение данного списка языков подсказано следующими соображениями. Во-первых, казалось, что любое утверждение, верное для этих 30-ти языков, может с большой степенью вероятности рассматриваться как универсалия или неполная универсалия. Во-вторых, этот список дает возможность составить некоторое представление о вероятностной связи определенных грамматических признаков. При рассмотрении ряда вопросов я выхожу за рамки данного списка.

Основная часть настоящей статьи посвящена установлению универсалий на основе рассмотрения эмпирического языкового материала. Оно сопровождается минимальным теоретическим комментарием. Последняя часть статьи — исследовательская; в ней предпринимается попытка найти какие-то общие принципы, из которых могли бы быть выведены хотя бы некоторые обобщения, сделанные в первых разделах. Для удобства описания универсалий, разбросанные по тексту, приведены в систему в Приложении III. Теоретический раздел более

умозритель и менее точен, чем разделы, посвященные самим универсалиям. В некотором смысле мы предпочли бы иметь как можно меньше, а отнюдь не больше универсалий, то есть мы хотели бы вывести их из относительно меньшего числа общих принципов. Однако вначале в целом должно быть установлено как можно большее число эмпирических обобщений. Вывести частную универсалию из кажущегося действительно общим принципа было бы затруднительно по той причине, что обобщение может не быть эмпирически правильным.

2. Типология основного порядка ⁴

Лингвистам в общем хорошо известно, что в некоторых языках наблюдается тенденция помещать определяющие или ограничивающие элементы перед теми, которые они определяют или ограничивают, тогда как в других языках происходит противоположное. Пример первого типа: в турецком языке прилагательные ставятся перед именами существительными, которые они определяют, объект глагола — перед глаголом, зависимый генитив — перед управляющим именем существительным, наречия — перед прилагательными, которые они определяют, и так далее. Более того, подобные языки имеют тенденцию употреблять послелогии для понятий, выраженных в английском предлогами. Язык противоположного типа — это тайский, в котором прилагательное следует за именем существительным, объект следует за глаголом, генитив — за управляющим именем и есть предлоги. Большинство языков, как, например, английский, не так характерны в этом отношении. В английском, как и в тайском языке, есть предлоги, и объект, выраженный существительным, следует за глаголом. С другой стороны, английский похож на турецкий в том отношении, что прилагательное в нем предшествует существительному. Более того, в генитивной конструкции сосуществуют оба типа порядка: John's house «Джонов дом» и the house of John «дом Джона».

Более детальное рассмотрение этих и других явлений порядка слов приводит к тому выводу, что некоторые факторы тесно связаны один с другим, тогда как другие относительно независимы. По причинам, которые

вскроются в ходе изложения, весьма результативно выявлять типологию некоторых основных факторов порядка слов. Такая типология будет называться типологией основного порядка. При этом будут использованы три вида критериев. Первый из них — наличие предлогов или послелогов. Предлоги и послелоги будут обозначены соответственно как *P_г* и *P_о*. Второй — относительный порядок субъекта (*S*), глагола (*V*) и объекта (*O*) в повествовательных предложениях с именными субъектом и объектом. Громадное большинство языков обладает не одним, а несколькими типами порядка, но один из них является доминирующим в языке. Логически существует 6 возможных типов порядка: *SVO*, *SOV*, *VSO*, *VOS*, *OSV* и *OVS*. Однако из этих шести лишь три встречаются обычно как доминирующие. Остальные три не встречаются совсем или, во всяком случае, чрезвычайно редки; к ним относятся: *VOS*, *OSV* и *OVS*. Все они имеют одно общее: в этих типах объект предшествует субъекту. Это дает нам нашу первую универсалию.

Универсалия 1. В повествовательных предложениях с именными субъектом и объектом почти всегда преобладает порядок слов, при котором субъект предшествует объекту⁵.

Таким образом, мы получаем три общих типа: *VSO*, *SVO* и *SOV*. Они обозначаются, соответственно, как I, II и III и отражают относительную позицию глагола.

Третьим критерием является позиция определяющих прилагательных, указывающих на качество, по отношению к существительному. Как мы увидим далее, позиция указательных местоимений, артиклей, числительных и количественных определителей (например, «некоторые», «все») часто отличается от позиции таких прилагательных. И здесь иногда бывают отклонения, но в громадном большинстве языков имеется какой-то один доминирующий порядок слов. Доминирующий порядок с прилагательным, предшествующим существительному, мы обозначим как *A*, а доминирующий порядок, при котором существительное предшествует прилагательному, — как *N*. Таким образом, мы приходим к типологии, которая дает $2 \times 3 \times 2$, то есть 12 логических

возможностей. 30 языков списка распределяются по этим двенадцати классам следующим образом⁶.

Т а б л. 1

	I	II	III
Po-A	0	1	6
Po-N	0	2	5
Pr-A	0	4	0
Pr-N	6	6	0

Таблица устроена так, что «крайние» типы Po-A и Pr-N находятся в первом и четвертом ряду соответственно. Очевидно, что в отношении к этим крайностям I и III — полярные типы, первый соотносится с Pr-N, а последний — с Po-A. Тип II более связан с типом Pr-N, чем с типом Po-A. Ясно также, что позиция прилагательных имеет менее непосредственное отношение к типам I, II и III, чем противопоставление Pr/Po. Таблица, я надеюсь, дает ясное представление об относительной частоте этих альтернатив на широкой основе языков мира. Тип II — наиболее частый, тип III — почти такой же частый, тип I, несомненно, свойствен меньшинству языков. Это означает, что именной субъект обычно предшествует глаголу в большинстве языков мира.

Обращаясь теперь к генитивному порядку, можно заметить, что и эта характеристика с успехом могла бы быть использована для целей типологии. Отказ от нее объясняется крайне высокой степенью соотнесенности ее с противопоставлением Pr/Po — факт, в общем известный лингвистам. Генитивный порядок фактически копировал бы последний критерий. Он не был выбран, потому что противопоставление Pr/Po в целом более тесно соотносится с другими явлениями. Из приведенного списка в 30 языков 14 языков имеют послелог, и в каждом из них генитивный порядок состоит в том, что генитив предшествует управляющему существительному. Из 14 языков с предлогами 13 имеют генитив, следующий за управляющим существительным. Единственное исключение — норвежский язык, в котором генитив находится в препозиции. Таким образом, 29 из 30 случаев подчиняются правилу. При всех условиях 1/30 — это слишком преувеличенная цифра для исключений в мас-

штабе всех языков мира. Таким образом, мы можем сформулировать следующую универсалию:

Универсалия 2. В языках с предлогами генитив почти всегда следует за управляющим существительным, тогда как в языках с послелогами он почти всегда предшествует ему*.

Обратившись снова к данным табл. 1, мы видим, что из 12 возможностей 5; то есть почти половина, не представлены примерами в списке. Все эти типы или довольно редки или вовсе не существуют⁷. В типе I мы видим, что все 6 языков списка принадлежат к типу Rg/N. Это относится, с очень небольшими исключениями, ко всем языкам мира. Существует, однако, несколько ярких примеров типа I/Rg/A, так сказать, зеркальное отражение очень частотного типа III/Рo/N. С другой стороны, насколько я знаю, не обнаружено ни примеров типа I/Рo/A, ни примеров типа I/Рo/N. На основании этого мы можем сформулировать следующую универсалию:

Универсалия 3. Языки с доминирующим порядком VSO характеризуются наличием предлогов.

Языки типа III, как мы видели, полярно противоположны языкам типа I. Поскольку в типе I языков с послелогами нет, мы ожидаем, что в типе III не будет языков с предлогами. В подавляющем большинстве случаев это верно, но я знаю несколько исключений⁸. Поскольку, как мы видели, позиция генитива в высокой степени соотносима с противопоставлением Rg/Рo, мы ожидаем, что языки типа III обычно имеют порядок GN**. Но имеется и несколько исключений. Однако всякий раз, когда генитивный порядок нарушается, то же происходит и с порядком адъективным, тогда как соответствующее утверждение не имеет силы для противопоставления Rg/Рo⁹. И таким образом, мы получаем следующие универсалии:

* Помимо скандинавских языков данная универсалия не выполняется еще в балтийских (литовском, латышском). — *Прим. ред.*

** Генитив предшествует имени существительному. — *Прим. перев.*

Универсалия 4. С вероятностью, гораздо большей, чем случайная, языки с нормальным порядком SOV имеют послелогои.

Универсалия 5. Если язык имеет доминирующий порядок SOV и генитив в этом языке следует за управляющим существительным, тогда прилагательное также следует за существительным.

Важное различие может быть отмечено между языками типов I и III. Что касается наречий и словосочетаний, определяющих глагол, а также наречных предложений, то языки типа I не проявляют нерасположенности к тому, что наречие ставится перед глаголом, и глагол таким образом не обязательно начинает предложение. Кроме того, все языки с порядком слов VSO, очевидно, имеют альтернативные типы основного порядка, среди которых всегда встречается порядок SVO. С другой стороны, в значительном количестве, а, возможно, и в большинстве языков типа III глагол следует за всеми своими определителями, и если допускается какой-нибудь другой основной порядок слов, то таким порядком является порядок OSV. Следовательно, глагол — если не принимать в расчет, может быть, несколько видов слов, определяющих предложение в целом (например, вопросительных частиц), — всегда стоит в конце глагольных предложений. Конечно, логика не требует, чтобы во всех языках, где в соответствии с основным порядком глагол стоит на третьем месте, также и все глагольные определители предшествовали бы глаголу, но это как будто имеет место эмпирически. Таким образом, языки с таким порядком слов, при котором глагол стоит в конце предложения, могут быть названы «жестким» подтипом типа III. В приведенном списке языки бурушаски, каннада, японский, турецкий, хинди и бирманский относятся к данной группе, а нубийский, кечуа, баскский, лоритья и чибча к этой группе не относятся¹⁰. Эти соображения позволяют нам сформулировать следующие универсалии:

Универсалия 6. Все языки с доминирующим порядком VSO имеют порядок SVO как один из альтернативных или как единственно альтернативный основной порядок слов.

Универсалия 7. Если в языке с доминирующим порядком SOV нет альтернативного основного порядка или в качестве альтернативы встречается только порядок OSV, то все наречные определители глагола будут также предшествовать глаголу. (Это «жесткий» подтип типа III.)

3. Синтаксис

Определив типологические возможности основного порядка слов и сформулировав несколько универсалий, которые были установлены в процессе рассмотрения этих возможностей, мы обратимся теперь к ряду синтаксических универсалий, из которых многие, но не все, связаны с типологией порядка слов. Одним из критериев, которым мы пользовались, является порядок именного субъекта, именного объекта и глагола в повествовательных предложениях. Установление этого критерия именно в такой форме объясняется тем, что вопросительные предложения определенным образом отличаются от повествовательных предложений. Существует две основные категории вопросов: общие вопросы, требующие ответа «да» или «нет», и специальные вопросы, содержащие особые вопросительные слова. Обычно общие вопросы бывают противопоставлены в языке соответствующим утверждениям по интонационному рисунку (как, например, в английском). Область интонации все еще изучена плохо. Однако следующее утверждение кажется достаточно обоснованным:

Универсалия 8. Когда вопрос, требующий ответа «да-нет», отличается от соответствующего утверждения интонационными различиями, дифференциальные интонационные признаки выявляются в конце предложения отчетливей, чем в начале.

Например, в английском общий вопрос отмечается повышением тона на последнем ударном слоге предложения, а соответствующее утверждение — понижением тона. Таким образом, интонация, присущая концу предложения, выступает как различительный признак для всех интонационных моделей.

Общий вопрос может также распознаваться по вопросительной частице или аффиксу. Некоторые языки

используют этот способ и интонацию как альтернативные. Позиция таких вопросительных показателей в предложении является закрепленной — или относительно какого-то определенного слова, чаще всего глагола или эмфатического вопросительного слова, или относительно предложения в целом. В языках «жесткого» подтипа типа III, конечно, невозможно отделить позицию после глагола от позиции конца предложения. В рассматриваемом списке языков мы находим 12 языков с такими начальными или конечными частицами. В соответствии с типологией основного порядка слов эти 12 примеров распределяются следующим образом ¹¹.

Табл. 2

	I	II	III
Начальная частица	5	0	0
Конечная частица	0	2	5

Два примера с конечной частицей в типе II представлены языками с предлогами (тайский и йоруба). Таблица включает только те случаи, когда в языке имеется лишь одна такая частица или аффикс или же несколько, следующих одному и тому же правилу. В двух языках списка существует более, чем один такой элемент, и каждый следует своему правилу. Язык сапотек (I/Pr) имеет или одну начальную частицу, или эту же самую частицу в соединении с конечной частицей. Язык сонгаи (II/Pr) имеет три такие частицы, две из них начальные и одна конечная. Эти осложнения, так же как и тот факт, что по крайней мере один язык из списка, принадлежащий к типу II/Pr, а именно, литовский, имеет начальную частицу, вызывают следующее довольно осторожное утверждение:

Универсалия 9. Если вопросительные частицы или аффиксы закреплены в позиции относительно предложения в целом, то с вероятностью большей, чем случайная, начальные элементы обнаруживаются в языках с предлогами, а конечные — в языках с послелогами.

Там, где специфика предложения зависит от какого-то особого слова, частица почти всегда следует за ним.

Такие частицы обнаруживаются в 13 языках настоящего списка¹².

Примеры «жесткого» подтипа типа III включаются как в эту, так и в предыдущую категорию. Из этих 13 языков 12 суффиксированы. Они включают как языки с предлогами, так и языки с послелогами, но не из группы I. Поэтому, возможно, имеет место следующее положение:

Универсалия 10. Вопросительные частицы или аффиксы, которые относятся к определенному слову в предложении, почти всегда следуют за этим словом. Такие частицы не встречаются в языках с доминирующим порядком VSO.

Другой основной вид вопросительных предложений содержит вопросительное слово и также имеет определенное отношение к типологии основного порядка слов. Во многих языках порядок слов в предложениях этого типа отличается от порядка в соответствующих повествовательных предложениях. Характерно при этом, что вопросительное слово стоит на первом месте (исключение составляет лишь стремление сохранить обычный порядок слов в пределах более мелких единиц, например словосочетаний). Этого правила придерживается, например, английский, где объект, представляющий собой вопросительное слово, стоит на первом месте в вопросительном предложении *What did he eat?* 'Что он ел?', в отличие от утверждения *He ate meat.* 'Он ел мясо'. Второе положение иллюстрируется вопросом *With whom did he go?* 'С кем он шел?' в противоположность *He went with Henry.* 'Он шел с Генри', где вопросительное сочетание находится на первом месте, но порядок внутри самого сочетания не нарушен. Многие языки, помещающие вопросительные местоимения на первое место, меняют также порядок глагола и субъекта (например, немецкий: *Wen sah er?* 'Кого он видел?'). Такие языки меняют иногда порядок и в общем вопросе, требующем ответа «да-нет» (например: *Kommt er?* 'Он пришел?'). Представляется, что только языки с вопросительным словом* всегда меняют порядок слов в начале предложения и только языки, которые меняют порядок в

* Так в тексте. По-видимому, автор имеет в виду: «только языки с вопросительным словом в начальной позиции». — *Прим. ред.*

вопросительных предложениях с вопросительным словом, меняют его и в общих вопросах ¹³.

В приведенном списке 16 языков помещают вопросительное слово или сочетание на первое место. Они распределяются следующим образом:

	Т а б л. 3		
	I	II	III
Вопросительное слово на первом месте	6	10	0
Вопросительный и утвердительный порядок одинаковы	0	3	11
	Pr	Ро	
Вопросительное слово на первом месте	14	2	
Вопросительный и утвердительный порядок одинаковы	2	12	

Таким образом устанавливается определенное отношение, и мы получаем следующие универсалии:

Универсалия 11. Инверсия утвердительного порядка, состоящая в том, что глагол предшествует субъекту, встречается только в тех языках, где вопросительное слово или словосочетание стоят на первом месте. Та же самая инверсия встречается в общих вопросах, требующих ответа «да-нет», если только она встречается также и в вопросительных предложениях с вопросительным словом.

Универсалия 12. Если язык имеет доминирующий порядок VSO в повествовательных предложениях, то в вопросительных предложениях с вопросительными словами в этом языке вопросительные слова или словосочетания стоят на первом месте; если в повествовательных предложениях язык имеет доминирующий порядок SOV, то это правило обязательно.

Далее будут рассматриваться формы, подчиненные глаголу. Семантически понятия, учитываемые здесь, включают время, причину, цель и условие. Формально они могут быть выражены следующим образом: вводящие слова (то есть «союзы») и глагольные флексии, соответствующие личным формам, включающим категории лица и числа (например, формы сослагательного наклонения), или неличным, таким, как глагольные

имена, герундивы и т. д. Кажется вероятным, что союзы чаще встречаются в языках с предлогами, неличные глагольные формы — в языках с послелогоми, а личные глагольные формы представлены и в тех и в других, но это еще не доказано. В соответствии с общей направленностью статьи мы сосредоточили свое внимание на рассмотрении относительного порядка подчиненных и главных глагольных форм. Поскольку подчиненный глагол определяет главный глагол, мы должны ожидать, что он должен предшествовать главному глаголу во всех языках «жесткого» подтипа типа III. Так как этот подтип был определен только как характеризующийся постоянным предшествованием именного объекта, необходима эмпирическая проверка. Действительно, это оказывается верным для всех языков данного подтипа в нашем списке и в общем не вызывает сомнения¹⁴. В языках других типов выявляются некоторые характеристики индивидуальных конструкций. Нормальный порядок везде — протазис условных конструкций предшествует аподозису, то есть условие предшествует заключению. Это присуще всем 30 языкам списка. В языках «жесткого» подтипа типа III протазис никогда не следует за главной частью, но в других языках это изредка случается.

С другой стороны, в конструкциях цели и желания нормальный порядок состоит в следовании подчиненных частей за главным глаголом; исключение составляют лишь языки «жесткого» подтипа типа III. Таким образом, мы получаем следующие универсалии:

Универсалия 13. Если именной объект предшествует глаголу, то глагольные формы, подчиненные главному глаголу, также предшествуют ему.

Универсалия 14. В условных конструкциях условная часть предшествует заключению. Такой порядок является нормальным порядком слов для всех языков.

Универсалия 15. В конструкциях желания и цели подчиненная глагольная форма всегда следует за главным глаголом, и это нормальный порядок слов; исключение составляют лишь те языки, в которых именной объект всегда предшествует глаголу.

Другим видом связи двух глаголов является отношение спрягаемого вспомогательного глагола к главному.

Для наших целей такую конструкцию можно определить как конструкцию, в которой замкнутый класс глаголов (вспомогательные глаголы), изменяющихся по лицам и числам, сочетается с открытым классом глаголов, не изменяющихся по лицам и числам. Примером такой конструкции в английском является *is going*. Конечно, это определение исключает возможность подобной конструкции в тех языках, где глагол не имеет категории лица и числа (например, в японском языке). В списке 30-ти языков 19 имеют такие спрягаемые вспомогательные глаголы. Они распределяются по типам порядка слов, как показано в таблице 4¹⁵.

			Т а б л. 4		
			I	II	III
Вспомогательный глагол предшествует главному глаголу			3	7	0
Вспомогательный глагол следует за главным глаголом			0	1	8
			Pr	Ро	
Вспомогательный глагол предшествует главному глаголу			9	1	
Вспомогательный глагол следует за главным глаголом			0	9	

На этих данных основывается следующая универсалия:

Универсалия 16. В языках с доминирующим порядком VSO спрягаемый вспомогательный глагол всегда предшествует главному глаголу. В языках с доминирующим порядком SOV спрягаемый вспомогательный глагол всегда следует за главным глаголом.

Неспрягаемые вспомогательные глаголы будут рассмотрены в дальнейшем, в связи с глагольными флексиями.

В именных словосочетаниях позиция определительных прилагательных (А) по отношению к определяемому имени существительному (N) является ключевым фактором. Позиция качественного прилагательного имеет

определенное, хотя только статистически устанавливаемое отношение к двум другим основаниям типологии (порядка слов). Суммарно эти данные для языков списка представлены в таблице 5.

Т а б л. 5

	I	II	III
NA	6	8	5
AN	0	5	6
	Pr	Pr	
NA	12	7	
AN	4	7	

В общем, тенденция такова, что прилагательные следуют за существительным в языках с предлогами и наиболее последовательно — в языках типа I, которые, как было отмечено, характеризуются наличием предлогов. Есть несколько редких исключений в языках типа I (не из данного списка языков) с прилагательным, стоящим перед именем. На основании этого мы устанавливаем следующую *неполную* универсалию (*near universal*):

Универсалия 17. С вероятностью, большей, чем случайная, можно ожидать, что в языках с доминирующим порядком VSO прилагательное стоит после существительного.

По данным табл. 5 также можно обнаружить, что существует 19 языков с прилагательным, следующим после существительного, в противоположность 11 языкам с прилагательным, стоящим перед существительным. Это — образец общей тенденции, которая почти одерживает верх над противоположным правилом, ожидаемым в языках типа III.

Позиция указательных местоимений и числительных в отдельных языках связана с позицией описательных прилагательных. Однако эти элементы показывают заметную тенденцию к предшествованию, даже когда описательное прилагательное следует за существительным. С другой стороны, когда описательное прилагательное предшествует существительному, то указательные местоимения и числительные фактически также

всегда предшествуют ему. Данные о языках списка следующие:

Т а б л. 6

	NA	AN
Указ. мест. — сущ.	12	7
Сущ. — указ. мест.	11	0
Числ. — сущ.	8	10
Сущ. — числ.	11	0

В одном из языков, языке гуарани, обозначения числа могут как предшествовать существительному, так и следовать за ним, и этот случай не включен в таблицу. В этом же языке, то есть в языке гуарани, прилагательное следует за существительным, как можно было ожидать. Что касается числительных, то нужно отметить, что для языков с классифицирующими нумеративами во внимание принималась именно позиция числительного по отношению к нумеративу¹⁶. Кажется, нет связи между позицией числительного и позицией указательного местоимения, кроме той, которую осуществляет позиция прилагательного. Языки, в которых прилагательное следует за существительным, могут иметь числительное, предшествующее существительному, а указательное местоимение — не предшествующее ему, или указательное местоимение — предшествующее, а числительное — не предшествующее существительному; в других случаях и местоимение и числительное могут предшествовать существительному или оба не предшествовать ему. Однако вне списка встречается небольшое число примеров (к ним относится язык эфик), в которых указательное местоимение следует за существительным, в то время как прилагательное предшествует существительному. Можно отметить, что количественные местоимения (например, «некоторый», «все»), вопросительные местоимения и притяжательные прилагательные проявляют ту же самую тенденцию предшествовать существительному, что наблюдается, например, в романских языках, но такие случаи не изучены. В связи с этим получаем следующие универсалии:

Универсалия 18. Когда описательное прилагательное предшествует существительному, указательное местоимение и числительное в подавляю-

щем большинстве случаев также предшествуют существительному.

Можно сделать дополнительное, связанное с этим замечание:

Универсалия 19. Общее правило, устанавливающее, что описательное прилагательное следует за существительным, может не распространяться на небольшое число прилагательных, которые обычно предшествуют существительному; но когда общее правило гласит, что описательные прилагательные предшествуют существительному, то это правило не имеет исключений.

Эта последняя универсалия иллюстрируется в нашем списке уэльским и итальянским языками.

Порядок внутри именного словосочетания определяется очень жесткими правилами. Когда какой-нибудь один или все три типа определителей предшествуют существительному, они всегда стоят в одном и том же порядке: указательное местоимение, числительное и прилагательное, как, например, в английском: *these five houses* 'эти пять домов'.

Когда какой-нибудь один или все определители следуют за существительным, то порядок слов обычно прямо противоположен: существительное, прилагательное, числительное, указательное местоимение. Менее распространенная альтернатива — это тот же самый порядок, данный для примеров, в которых указанные элементы предшествуют существительному. Последний встречается в кикуйу и языках банту (восточная Африка), где имеет место порядок слов: *houses these five large* 'дома эти пять большие' вместо более распространенного *houses large five these* 'дома большие пять эти'. Таким образом, мы получаем следующую универсалию:

Универсалия 20. Когда какой-нибудь один или все элементы (указательное местоимение, числительное и описательное прилагательное) предшествуют существительному, они всегда располагаются именно в указанном порядке. Если они следуют за существительным, порядок будет или тем же самым или прямо противоположным.

Теперь рассмотрим порядок наречий, определяющих прилагательные, относительно прилагательных. Этот порядок также находится в определенной связи с порядком, который существует между описательным прилагательным и существительным, как видно из следующей таблицы 7. В третьем ряду приведены случаи, в которых одни наречия предшествуют прилагательным, а другие — следуют за ними¹⁷.

Табл. 7

	AN	NA
Наречие — прилагательное	11	5
Прилагательное — наречие	0	8
Прилаг. — наречие и наречие — прилаг.	0	2

Как показывает табл. 7, наречие имеет тенденцию предшествовать прилагательному; оно может перемещаться лишь в некоторых случаях, когда прилагательное следует за существительным. Ситуация, таким образом, сходна с той, какая существует относительно указательных местоимений и числительных. Однако если мы будем продолжать свои наблюдения, то заметим, что все те языки, в которых некоторые или все наречия следуют за прилагательным, не только имеют существительное, за которым следует прилагательное, но принадлежат еще к языкам типов I и II. Таким образом, мы получаем универсалию:

Универсалия 21. Если в каком-то языке некоторые или все наречия следуют за прилагательным, которое они определяют, то тогда данный язык принадлежит к тем языкам, в которых определяющее прилагательное следует за существительным, а глагол предшествует своему именному объекту, и такой порядок является доминирующим.

Рассмотрим теперь еще один вопрос из сферы прилагательного, который касается степеней сравнения, особенно сравнительной степени, выраженной, как, например, в английском, предложениями типа «X is larger than Y» ('X больше, чем Y'). Такая флективная сравнительная форма прилагательного представлена в относительно меньшем числе языков. Чаше форму прилагательного определяет какое-то отдельное слово, что так-

же имеет место в английском (*X is more beautiful than Y* 'X более прекрасен, чем Y'), но во многих языках это не является обязательным или не встречается вовсе. Кроме того, всегда существует какой-то элемент, который выражает сравнение как таковое, слово ли это или аффикс, соответствующий английскому *than*, а также, очевидно, существуют прилагательное и тот объект, с которым производится сравнение. Таким образом, мы имеем три элемента, порядок которых необходимо рассмотреть, например, в английском: *larg(er), than, Y*. Данные элементы мы назовем: *прилагательное, показатель сравнения и образец сравнения*. При этом обычными порядками слов будут следующие: прилагательное, показатель сравнения, образец (как в английском) или же противоположный порядок — образец, показатель сравнения, прилагательное. Приведенные альтернативы связаны с типологией основного порядка слов, о чем свидетельствует следующая таблица¹⁸.

Т а б л. 8

	I	II	III
Прилагательное — показатель сравнения — образец	5	9	0
Образец — показатель сравнения — прилагательное	0	1	9
Оба типа порядка	0	1	0
	P _r	P _o	
Прилагательное — показатель сравнения — образец	13	1	
Образец — показатель сравнения — прилагательное	0	10	
Оба типа порядка	0	1	

Ряд языков не входит в эту таблицу, потому что они используют глагол с общим значением 'превосходить'. Особенно распространен этот способ в африканских языках (например, в йоруба): 'X большой, превосходит Y'. Не включен в таблицу также и лоритья (австралийский язык), который имеет конструкцию 'X большой, Y маленький'.

Универсалия 22. Если единственным порядком или одним из альтернативных типов порядка в сравнительной конструкции является порядок

«образец — показатель сравнения — прилагательное», то язык принадлежит к группе языков с послелогом. Если единственным типом порядка является порядок «прилагательное — показатель сравнения — образец», то с более чем случайной вероятностью язык относится к группе языков с предлогами.

Явная связь с типологией основного порядка также обнаруживается в конструкциях с именным приложением, особенно в тех, которые содержат нарицательное имя вместе с именем собственным. Сюда входит ряд семантических и формальных подтипов (например, обращения «Mr. X» в противоположность названиям «Avenue X»). Последний тип представляет собой в определенных случаях ассимиляцию генитивной конструкции и может поэтому иметь соответствующий порядок (например, city of Philadelphia 'город Филадельфия'). Английский язык использует оба типа, вероятно, в связи с порядком «прилагательное — существительное», как можно видеть из сочетаний 42nd Street '42-я улица' — Avenue A 'проспект А' или Long Lake 'Длинное озеро' — Lake Michigan 'Озеро Мичиган'. Большинство языков, однако, имеет один-единственный порядок (например, французский: Place Vendôme 'Площадь Вандомская', Lac Genève 'Озеро Женевское', Boulevard Michelet 'Бульвар Мишле' и т. д.). Мои данные далеко не полны, потому что в грамматиках этот вопрос часто не излагается, и я привлекал примеры только из текстов¹⁹.

Т а б л. 9

	I	II	III
Нарицательное имя существительное — имя существительное собственное	2	7	0
Имя существительное собственное — нарицательное имя существительное	0	2	6
	GN	NG	
Нарицательное имя существительное — имя существительное собственное	8	I	
Имя существительное собственное — нарицательное имя существительное	0	8	

В таблице 9, вопреки обычной практике, генитивная конструкция (G) используется вместо признака Pr/Po, поскольку она дает более ясные результаты.

Универсалия 23. Если в приложении имя существительное собственное обычно предшествует нарицательному имени существительному, то язык принадлежит к числу тех, в которых управляющее существительное предшествует зависящему от него генитиву. Для подавляющего большинства языков если нарицательное имя обычно предшествует имени собственному, то зависимый генитив предшествует своему управляющему существительному*.

Для того чтобы закончить исследование именных конструкций, рассмотрим относительное предложение, которое определяет имя существительное (например, англ. I saw the man who came 'Я видел человека, который пришел', I saw the student who failed the examination 'Я видел студента, который провалился на экзамене'). Здесь снова можно отметить расхождение по разным языкам в формальных средствах. Нами будет рассмотрен лишь порядок для существительного и глагола в относительном предложении (например, «man» и «came» в первом предложении; см выше). Дистрибуция возможных здесь случаев, как показывает таблица 10, обнаруживает явную связь с типологией основного порядка слов²⁰.

Т а б л. 10

	I	II	III
Относительное предложение предшествует существительному	0	0	7
Существительное предшествует относительному предложению	6	12	2
Обе конструкции	0	1	1
	Pr	Po	
Относительное предложение предшествует существительному	0	7	
Существительное предшествует относительному предложению	16	4	
Обе конструкции	0	2	

* Исключение к этому утверждению представляют славянские языки. — *Прим. ред.*

Из табл. 10 вытекает, что если относительное предложение предшествует существительному как единственная конструкция или как альтернативная, то язык относится к типу языков с послелогом. Однако вне списка существует по крайней мере одно исключение — китайский, который является препозитивным языком и в котором относительное предложение предшествует существительному. Правдоподобно объяснить это отклонение, связав его с тем фактом, что в китайском прилагательное предшествует существительному. Как и для порядка «прилагательное — существительное», здесь обнаруживается общая тенденция для относительного предложения — следовать за существительным, которое оно определяет. Эта тенденция иногда преодолевается, но только если 1) язык препозитивен или 2) если определяющее прилагательное предшествует существительному.

Универсалия 24. Если относительное предложение в каком-то языке предшествует имени существительному как единственная конструкция или как альтернативная, то в таком случае или этот язык является языком с послелогом, или прилагательное в данном языке предшествует имени существительному, или и то и другое вместе.

До сих пор ничего не было сказано о местоимениях. В общем, местоимения неадекватны именам существительным в отношении порядка слов. Это и явилось причиной того, что мы говорили об именном субъекте и именном объекте при установлении закономерностей типологии основного порядка слов. Характерной особенностью в этом плане обладает французский язык, где мы имеем: *Je vois l'homme* 'Я вижу человека', но *Je le vois* 'Я его вижу', то есть местоименный объект предшествует глаголу, а именной объект следует за ним. Подобные примеры обнаруживаются в ряде языков списка. В итальянском, греческом, гуарани и суахили действует правило, согласно которому местоименный объект всегда предшествует глаголу, а именной объект следует за ним. В итальянском и греческом, однако, при императиве местоимение, так же как и именной объект, следует за глаголом. В берберском местоименные объекты, прямые или косвенные, предшествуют глаголу, когда он сопровождается отрицательной частицей или по-

казателем будущего времени. В языке лоритья местоименный объект может быть добавлен как энклитика к первому слову предложения. В нубийском имеет место обычный именной порядок SOV, но довольно часто встречается альтернативный порядок SVO. Что же касается местоименного объекта, то такая альтернатива никогда не встречается. Другими словами, местоименный объект всегда предшествует глаголу, тогда как именной объект может либо предшествовать, либо следовать за ним. В уэльском языке при альтернативном порядке с эмфазой на местоименном субъекте местоименный субъект ставится на первое место в предложении. В таких предложениях местоименный объект предшествует глаголу, а именной объект следует за ним. Наконец, в языке масаи, где нормальным порядком для именного объекта является порядок VSO, местоименный объект предшествует именному субъекту и непосредственно следует за глаголом.

В списке языков не встречается противоположных примеров, то есть случаев, когда местоименный объект регулярно следовал бы за глаголом, а именной объект предшествовал бы ему. Мы можем поэтому сформулировать следующую универсалию:

Универсалия 25. Если местоименный объект следует за глаголом, то за глаголом следует также и именной объект.

4. Морфология

Прежде чем перейти к вопросу о словоизменительных категориях, которые служат главным предметом рассмотрения в настоящем разделе, мы обсудим некоторые общие положения, относящиеся к морфологии. Морфемы в пределах слова условно делятся на корневые, словообразовательные и словоизменительные. И здесь, как и всюду в настоящей статье, попытки определения категорий предпринято не будет. Словообразовательные и словоизменительные элементы обычно группируются вместе как аффиксы. Они могут быть классифицированы на основе их местоположения относительно корня. Наиболее часто встречаются префиксы и суффиксы. Инфиксация, с помощью которой части корневой морфемы охватывают словообразова-

тельный или словоизменительный элементы с двух сторон, может быть объединена с другим способом — прерывностью. Примером такого способа является вставка, что имеет место в семитских языках и что может быть названо *амбификсацией* (ambifixing). Амбификсация состоит в том, что аффикс имеет две части, одна из которых предшествует корню, а другая следует за ним. Все такие прерывные способы относительно редки, и некоторые языки ими не пользуются. Следующая универсалия поэтому, вероятно, вполне законна:

Универсалия 26. Если язык обладает прерывными аффиксами, то в нем всегда имеет место либо префиксация, либо суффиксация, либо и то и другое вместе.

Что касается отношений между префиксацией и суффиксацией, то здесь наблюдается общее преобладание суффиксации. Исключительно суффиксальные языки вполне обычны, а исключительно префиксальные языки чрезвычайно редки. В настоящем списке языков только тайский, кажется, исключительно префиксальный язык. Здесь снова обнаруживается связь с типологией основного порядка²¹.

Т а б л. 11

	I	II	III
Только префиксация	0	1	0
Только суффиксация	0	2	10
Оба способа	6	10	1
	Pr	Ро	
Только префиксация	1	0	
Только суффиксация	0	12	
Оба способа	15	2	

Универсалия 27. Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогами; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами.

Если в языке существуют и словообразовательные и словоизменительные элементы, то словообразовательный элемент более тесно связан с корнем. Отсюда вытекает следующее обобщение:

Универсалия 28. Если словообразовательный элемент и словоизменятельный элемент следуют за корнем или оба предшествуют корню, то словообразовательный элемент всегда находится между корнем и словоизменятельным элементом.

Видимо, нет языков без словосложения, аффиксации или того и другого вместе. Другими словами, вероятно, нет чисто изолирующих языков. Встречается значительное число языков без словоизменятельных элементов, но, по-видимому, не существует языков без словосложения и словообразования. Вероятно, имеет место следующее:

Универсалия 29. Если язык имеет словоизменение, то он обязательно должен иметь и словообразование.

Обратимся теперь к категориям глагольного словоизменения; здесь мы можем утверждать: поскольку существуют языки без словоизменения, то, очевидно, существуют языки, в которых глагол не имеет словоизменятельных категорий. В большинстве случаев, когда глагол имеет словоизменятельные категории, между ними существует сложная иерархия.

Универсалия 30. Если глагол имеет категории лица и числа или если он имеет категорию рода, то он обязательно должен иметь и категории времени и наклонения.

Что категория рода связана в первую очередь не с глаголом, видно из следующего обобщения:

Универсалия 31. Если субъект или объект, выраженный именем существительным, согласуется в роде с глаголом, то обязательно согласуется в роде и прилагательное с существительным.

Согласование в роде между именем (обычно именным субъектом) и глаголом наблюдается менее часто, чем согласование в лице и числе; все же еще встречаются примеры первого без последнего (например, в некоторых дагестанских языках Кавказа). Однако там, где обнаруживаются подобные родовые категории, они всегда оказываются связанными также с категорией числа. Таким образом, мы имеем следующую универсалию:

Универсалия 32. В том случае, если глагол согласуется с именным субъектом или именным объектом в роде, он согласуется с ними и в числе.

Можно провести и дальнейшие наблюдения в этой области. Иногда такое согласование существительного и глагола в числе регулярно нарушается. Во всех таких случаях, если к этому имеет отношение порядок слов, очевидно, можно сформулировать следующую универсалию²²:

Универсалия 33. Если между существительным и глаголом нарушается согласование в числе и связь их основывается на порядке слов, то глагол предшествует существительному и стоит в форме единственного числа.

Такие явления, как нарушение согласования, аналогичны нейтрализации в фонологии. Категория, которая не проявляется в позиции нейтрализации, в данном случае — множественное число, может быть названа маркированной категорией (как в классической фонологической теории Пражской школы). Подобные явления будут рассмотрены в дальнейшем.

Три наиболее общие именные словоизменительные категории — это число, род и падеж. Внутри систем числа существует определенная иерархия, которая состоит в следующем:

Универсалия 34. Нет языка, который, имея тройственное число, не имел бы двойственного. Нет языка, который, имея двойственное число, не имел бы множественного.

Категории не-единственного числа являются маркированными категориями по отношению к единственному, как указывается в следующей универсалии:

Универсалия 35. Не существует языка, в котором форма множественного числа не имела бы каких-нибудь ненулевых алломорф, в то время как есть языки, в которых форма единственного числа выражена только нулевым показателем. Формы двойственного и тройственного числа почти никогда не бывают выражены только нулевым показателем.

Маркированный характер не-единственного числа в противоположность единственному может обнаружиться также, когда в языке одновременно имеются категории рода и числа. Взаимоотношения этих двух рядов категорий устанавливаются в следующих универсалиях:

Универсалия 36. Если язык имеет категорию рода, он обязательно имеет и категорию числа.

Универсалия 37. В единственном числе язык всегда имеет большее количество родовых категорий, чем в любом не-единственном числе.

Последнее положение иллюстрирует язык хауса, в котором мужской и женский род различаются в единственном числе, но не различаются во множественном. Обратное, по моим сведениям, никогда не встречается.

Падежные системы могут существовать вместе с родовыми системами или без них, а также с категорией числа или без нее. Немаркированной категорией падежных систем является субъектный падеж в не-эргативных системах и падеж, выражающий субъект непереходных и объект переходных глаголов в эргативных системах.

Таким образом, мы получаем следующую универсалию:

Универсалия 38. При существовании падежной системы единственный падеж, имеющий только нулевые алломорфы, — это тот, который в число своих значений включает значение субъекта непереходного глагола.

Что касается числа и падежа, между которыми существует особая морфемная граница, то между ними почти всегда устанавливается следующее отношение:

Универсалия 39. Там, где присутствуют морфемы числа и падежа и обе они следуют за именной основой или обе предшествуют ей, морфема числа почти всегда находится между именной основой и морфемой падежа.

По поводу согласования между прилагательными и существительными может быть сделано следующее общее утверждение:

Универсалия 40. В тех случаях, когда прилагательное следует за существительным, оно выражает все словоизменительные категории существительного*. В этих случаях существительное может не иметь формального выражения одной или всех этих категорий.

Примером служит баскский язык, в котором прилагательное следует за существительным, и только последний член именной конструкции содержит формальное выражение категорий падежа и числа.

Падежные системы наиболее часты в языках с послелогом, особенно в языках типа III. В нашем списке все языки этого типа имеют падежные системы. Есть несколько пограничных случаев или возможных исключений.

Универсалия 41. Если в языке глагол следует за именным субъектом и именным объектом и такой порядок слов является доминирующим, то язык почти всегда имеет падежную систему.

Наконец, коротко можно рассмотреть и местоименные категории. В основном, местоименные категории имеют тенденцию к большей дифференциации, чем те же категории существительного, но почти любое специальное утверждение по этому вопросу будет иметь некоторые исключения. В качестве общих утверждений можно сформулировать следующие универсалии.

Универсалия 42. Все языки имеют местоименные категории, включающие по крайней мере три лица и два числа**.

Универсалия 43. Если в языке категория рода свойственна существительному, то она свойственна и местоимению.

В местоимениях, как и следовало ожидать, категории рода имеют некоторое отношение к категориям лица.

* Данное положение не выполняется, по-видимому, в курдском языке. — *Прим. ред.*

** Исключением к этой универсалии (точнее, к постулату о том, что местоимения во всех языках имеют два числа) служит язык кави (древнеяванский), местоимения которого не различаются по числам. — *Прим. ред.*

Универсалия 44. Если язык имеет родовые различия в первом лице, он обязательно имеет родовые различия во втором или в третьем лице или в обоих вместе*.

Существует также соотношение между родовыми категориями и категориями числа.

Универсалия 45. Если во множественном числе местоимения выражены какие-либо родовые различия, то какие-то родовые различия имеются и в единственном числе.

5. Заключение: Некоторые общие принципы

Мы не пытаемся объяснить все универсалии, описанные в предыдущих разделах и повторенные в Приложении III. Мы предлагаем лишь некоторые общие принципы, на которых, по-видимому, и основываются различные универсалии и из которых эти универсалии могут быть выведены. В первую очередь необходимо обратить внимание на универсалии, наиболее тесно связанные с типологией основного порядка слов и с коррелирующим с ней порядком в генитивной конструкции. В работе установлены два основных принципа: преобладание определенного порядка над его альтернативой и наличие связи или ее отсутствие между различными правилами порядка слов. Этот последний принцип, несомненно, связан с психологическим понятием обобщения.

Данное утверждение мы можем проиллюстрировать ссылкой на универсалию 25, которая гласит, что если местоименный объект следует за глаголом, то именной объект ведет себя так же. Другими словами, в четырехклеточной таблице, состоящей из альтернативных возможностей, для всех комбинаций имеется одна-единственная пустая клетка. Поскольку именной объект может следовать за глаголом независимо от того, предшествует местоименный объект глаголу или следует за ним, но в то же время именной объект может предшествовать глаголу, только если местоимение предшествует ему, — постольку мы говорим, что порядок VO доминирует над порядком OV; в самом деле, OV встречается только при специфических условиях, а именно когда местоименный объект также предшествует глаголу, тогда

* Исключением является тайский язык, — *Прим. ред.*

как порядок VO не имеет таких ограничений. Кроме того, порядок «именной объект — глагол» гармонирует с порядком «местоименный объект — глагол», но не гармонирует с порядком «глагол — местоименный объект». Подобным же образом порядок «глагол — именной объект» гармонирует с порядком «глагол — местоименный объект» и не гармонирует с порядком «местоименный объект — глагол». Теперь мы можем переформулировать наше правило с учетом этих принципов следующим образом:

Доминирующий порядок возможен всегда, но его противоположность встречается только тогда, когда присутствует также гармонирующая с ним конструкция.

Заметим, что понятие доминирования (*dominance*) основывается не на более частой встречаемости, имеющей большую частоту, а на логическом факторе нуля (пустой клетки) в четырехклеточной таблице. Нетрудно сконструировать пример, в котором одна из рецессивных альтернатив будет иметь большую частоту, чем доминирующая. Доминирование и отношения гармонирования могут быть установлены совершенно механически на основании такой таблицы с наличием одной незаполненной клетки. Ноль всегда означает рецессивную альтернативу для каждой конструкции, а для двух конструкций — отсутствие гармонии между ними.

Отношения гармонирования, как было замечено раньше, представляют собой примеры обобщения. В сходных конструкциях соответствующие члены имеют тенденцию находиться в одном и том же порядке. Основа соответствия в настоящем примере очевидна: местоимение и существительное являются оба объектами глагола, и другая пара «глагол — глагол» также тождественна. При выявлении отношений гармонирования довольно свободно используются трансформационные и другие связи между конструкциями, а не только появление незаполненной клетки в четырехклеточной таблице.

На той же основе рассмотрим теперь универсалию 3. Эта универсалия сводится к утверждению о том, что языков типа I с послелогом не существует. Поскольку во всех типах (I, II и III) субъект (S) предшествует объекту (O), это утверждение несущественно для насто-

ящего контекста, и мы можем сделать следующий вывод:

Предлоги доминируют над послелогоми, и порядок SV доминирует над порядком VS. Кроме того, предлоги гармонируют с порядком VS и не гармонируют с порядком SV, тогда как послелогои гармонируют с порядком SV и не гармонируют с порядком VS.

Тип II отличается от типа III тем, что в языках типа II объект следует за глаголом — характерная особенность, объединяющая его с типом I. С другой стороны, в языках типа III объект стоит перед глаголом. Из универсалии 4, которая констатирует, что для подавляющего большинства случаев порядок SOV связан с наличием послелогов, следует вывод, что порядок OV гармонирует с послелогоми, а порядок VO — с предлогами. Конструктивные аналогии, подтверждающие это положение, обсуждаются далее, в связи с генитивными конструкциями. Пока можно заметить, что отношения между типами I, II и III и противопоставлением Pr/Po может быть обобщено следующим образом: языки типа I имеют порядок VS, который гармонирует с предлогами, и порядок SO, который также гармонирует с предлогами. Далее предлоги доминируют над послелогоми. В самом деле, все языки типа I характеризуются наличием предлогов. Языки типа II имеют порядок SV, который гармонирует с послелогоми, и порядок VO, гармонирующий с предлогами; при этом доминируют предлоги. Действительно, определенное большинство языков типа II имеют предлоги. Языки типа III имеют порядки SV и OV, каждый из них гармонирует с послелогоми. Однако доминируют в данном случае предлоги. На деле преобладающее большинство языков типа III имеет послелогои, хотя обнаружен ряд исключений.

Из преобладающей связи предлогов с порядком «управляющее существительное — генитив» и послелогов с порядком «генитив — управляющее существительное», хотя и имеется небольшое количество исключений в обоих типах, следует вывод, что предлоги гармонируют с порядком «существительное — генитив» (NG), а послелогои — с порядком «генитив — существительное» (GN).

Тесная связь между генитивным порядком и противопоставлением Pr/Po является простым примером

обобщения. Отношение принадлежности соотносится с другими видами отношений, например с пространственными отношениями. В английском языке предлог *of*, который указывает на принадлежность, подчиняется тем же правилам порядка, что и предлоги *under* 'под', *above* 'над' и др. Кроме того, такие пространственные и временные отношения часто выражаются существительными или близкими им словами, например англ. *in back of* 'позади'. Во многих языках предлог 'за' = 'спина + генитив', отсюда: *X's back* = *in back of X* параллельно *X's house*; и *back of X* = *in back of X* параллельно *house of X*.

Связь между этими генитивами и аналогичными сочетаниями с предлогами и с послелогами, с одной стороны, и конструкциями «субъект — глагол» и «объект — глагол», с другой, осуществляется путем так называемого субъектного и объектного генитива. Заметим, что в английском языке выражение *Brutus' killing of Caesar started a civil war*, букв. 'Брутово убийство Цезаря вызвало гражданскую войну' имеет то же самое значение, что и *The fact that Brutus' killed Caesar started a civil war* 'Тот факт, что Брут убил Цезаря, вызвал гражданскую войну'. Порядок элементов в этих фразах также сходен. Другими словами, в таких трансформациях именной субъект или объект соотносится с генитивом, а глагол — с управляющим именем. Действительно, существуют языки, в которых субъект или объект глагола стоит в форме генитива. Например, в берберском языке *argaz* 'человек' — это основная форма существительного, а *urgaz* — это либо зависимый генитив, либо субъект глагола, если только он следует непосредственно за ним. Таким образом, словосочетание *iffey urgaz* 'вышел человек' абсолютно параллельно сочетанию ахат *urgaz* 'дом человека'. Надо сказать, что берберский относится к языкам типа I и в нем генитив следует за именем. Для него более характерны предлоги, чем послелоги.

Следующей связью, которую можно выявить внутри разновидностей типологии основного порядка, является связь между позицией генитива и позицией прилагательного. И генитив и определяющие прилагательные ограничивают значение имени существительного. Есть и другие факты, подтверждающие этот вывод. Существуют языки, например персидский, в которых функции

и прилагательного и генитива выражаются обычно одними и теми же формальными средствами. Если отношения принадлежности выражаются местоимением, то некоторые языки используют местоимение в генитиве там, где другие используют поризводное прилагательное. Встречаются и такие случаи, когда прилагательные употребляются в 1-м и во 2-м лице, а генитив — в 3-м лице (например, норвежский язык).

Мы можем суммировать эти выводы, утверждая, что все последующие отношения прямо или косвенно связаны одно с другим: предлоги, NG, VS, VO, NA. Мы имеем здесь общую тенденцию помещать определяемое перед определяющим, и наиболее крайний случай в этом отношении представляют языки типа I с сочетаниями NG и NA, составляющие значительную группу языков. Противоположный тип основан на гармоничных отношениях между послелогом и сочетаниями GN, SV, OV и AN. Это также весьма широко распространенный тип (примером его служит турецкий и другие языки данного списка). С другой стороны, общее преобладание порядка NA приводит к тому, что языки баскского типа (то есть III/P₀/NA с порядком GN) оказываются распространенными почти так же широко, как и языки типа турецкого. Нужно заметить, что, поскольку языки — это высокоорганизованные структуры, в ряде индивидуальных случаев существуют и другие факторы, не включенные в те пять факторов, которые мы рассмотрели. Об одном из них — относительном порядке существительного и указательного местоимения — уже говорилось.

Гораздо труднее объяснить отношения доминирования, а не гармонирования, например, объяснить, почему прилагательное имеет тенденцию следовать за существительным. Можно предположить, однако, что преобладание порядка «существительное — прилагательное» вызывается тем же самым фактором, который способствует тому, что доминирующим является порядок «субъект — глагол». По терминологии Хоккетта, существует общая тенденция, в силу которой толкование (comment) следует за предметом, о котором идет речь (topic). Некоторые данные показывают, что в этом смысле порядок «существительное — прилагательное» параллелен порядку «субъект — глагол». Во многих языках слова со значением прилагательного ведут себя как непереходные

глаголы. В таком случае в роли определяющего прилагательного выступает относительное предложение или причастие. Как мы видели, у относительных предложений тенденция следовать за существительным проявляется сильнее, чем у прилагательных. В некоторых языках, таких, как арапешский (Новая Гвинея), выражение *The good man came* 'Хороший человек пришел' буквально можно было бы перевести как *The man is-good that-one he came* 'Человек-хороший тот-который он пришел'. Порядок «прилагательное — существительное» отчасти двузначен, поскольку аналогии с другими конструкциями, включающими определения, показывают, что он косвенно гармонирует с порядком VS, тогда как вследствие фактора порядка «предмет — толкование» этот порядок становится аналогичным порядку SV.

Все это далеко от законченной теории. Тем не менее мы полагаем, что следует рассмотреть примеры, в которых, в противоположность правилам, действующим для большинства случаев, генитивная конструкция не гармонирует с противопоставлением Rg/Po. Можно было бы объяснить это тем, что в таких случаях генитивная конструкция тяготеет к конструкции «прилагательное — существительное»; последняя, как видно, может быть обусловлена причинами, которые находятся до некоторой степени вне общей системы отношений гармонирования, связанных с порядком определяющего и определяемого. Например, если, вопреки общему правилу, мы обнаруживаем наряду с предлогами порядок «генитив — управляющее существительное», то причину этого можно было бы усмотреть в противоположном влиянии порядка «прилагательное — существительное», который гармонирует с порядком «генитив — управляющее существительное». Иначе говоря, генитивная конструкция не гармонирует с противопоставлением Rg/Po, только если Rg/Po не гармонирует с порядком «прилагательное — существительное». Сюда можно включить и такие случаи, когда в языке имеется два порядка для генитивной конструкции, что указывает на возможное изменение типа, поскольку один порядок должен быть, по всей вероятности, более ранним. Можно предположить далее, что, если и имеются исключения, то они будут встречаться в языках типа II, которые, имея оба порядка — SV и VO, — не гармонирующие между собой, могут при вы-

боре генитивной конструкции бросить якорь в том и другом случае.

Следует заметить, что универсалия 5, поскольку она относится к языкам с послелогоми типа III (в основном большинстве), представляет собой частный случай этой гипотезы, ибо она утверждает, что язык типа III, если он имеет порядок «существительное — генитив» (NG), будет также иметь и порядок «имя существительное — прилагательное» (NA). Если это язык с послелогоми, тогда порядок «существительное — генитив» (NG) не гармонирует с постпозицией, но гармонирует с порядком «имя существительное — прилагательное» (NA). Если мы включим в рассмотрение языки с двумя генитивными порядками, то обнаружатся по крайней мере шесть случаев, причем все шесть вполне возможны (то есть с порядком NA, доминирующим над порядком AN). Сюда относятся языки сомали и маба, которые имеют два генитивных порядка, и канури, галла, теда и шумерский, которые имеют порядок SOV, послелогии, NG и NA.

Эта гипотеза может вызвать, однако, некоторые дальнейшие предсказания. Для языков с предлогами типа III гипотеза будет заключаться в том, что при меняющейся позиции генитива или порядке «генитив — существительное», который не гармонирует с предлогами, в сочетании прилагательного с именем существительным порядок будет AN (прилагательное — существительное). Я знаю только два случая: язык тигринья с обоими типами порядка для генитива и амхарский с порядком «генитив — имя существительное». Оба языка в соответствии с нашей гипотезой имеют сочетание «прилагательное — существительное» (AN). К языкам типа II, которые имеют предлоги и имеют порядок «генитив — существительное» (GN) и должны поэтому иметь порядок «прилагательное — существительное» (AN), относятся языки датский, норвежский и шведский (возможно, единственный случай) и английский с двумя порядками для генитива. Эти языки соответствуют нашей гипотезе, поскольку имеют порядок «прилагательное — существительное» (AN). Среди постпозитивных языков типа II можно назвать группу мору-мади в Судане и состоящую с ней в весьма отдаленном родстве группу мангбету; обе они при противоположных типах генитивного порядка имеют ожидаемый порядок NA.

Единственными известными мне исключениями являются арауканский язык в Чили с обоими типами генитивного порядка и группа дагестанских языков Кавказа, включающая такие языки, как рутульский, с порядком NG, и другие, такие, как табасаранский, с обоими типами порядка для генитива. Видимо, все языки дагестанской группы, которые относятся к типу III, имеют только порядок GN, гармонирующий как с послелогоми, так и с порядком AN. Если так, то это — важное подтверждение обоснованности нашей гипотезы. Наконец, поскольку для всех языков типа I характерны предлоги, то нам нужно рассмотреть только единственный случай, а именно — языки с предлогами с порядком GN. Я знаю только один пример — это диалект мильпа альта языка нахуатль, описанный Уорфом. Как мы и ожидали, он имеет порядок AN.

Другой тип отношений иллюстрируется универсалиями 20 и 39*. Эти отношения могут быть названы иерархиями близости. В этом случае действует правило, гласящее, что определенные элементы должны быть ближе к некоторому центральному элементу, чем другие. Центральным элементом может быть корневая морфема, или основа слова, или главное слово эндоцентрической конструкции. Такая иерархия близости скорее всего должна быть связана с импликационной иерархией, если речь идет о словоизменительных категориях. Поскольку категория числа почти всегда более тесно связана с основой, чем формы выражения падежа, постольку существует множество языков, имеющих категорию числа, но не имеющих категории падежа, и очень немного языков с категорией падежа, но без категории числа. Так как, согласно иерархии близости, число ближе к основе, то оно чаще сливается с основой и выражается флексией. Эти иерархии, по-видимому, связываются со степенями логической и психологической удаленности от центра, но попытки анализировать их с этой точки зрения здесь не предпринимаются.

Эти явления связаны также с явлениями нейтрализации. Более близкая к центру категория, или имплицитруемая категория, имеет тенденцию быть более слож-

* В оригинале вместо 39 ошибочно указано 29. — Прим. ред.

ной, а менее близкие или имплицитующие категории имеют тенденцию нейтрализоваться в ее присутствии. Универсалии 36 и 37 связаны таким образом. Число является имплицитующей категорией. Родовые категории часто нейтрализуются в маркированном числе (то есть не-единственном). Гораздо реже число нейтрализуется в каком-нибудь отдельном роде (например, в среднем роде в дравидских языках). Что касается числа и падежа, то число, как мы убедились, ближе к центру и в основном наличествует, когда выражен падеж, тогда как обратное отношение наблюдается гораздо реже. Это справедливо также и для некоторых падежных различий, которые также часто нейтрализуются в числе, тогда как противоположное явление, видимо, никогда не встречается*.

Из универсалии 34 выводится другой принцип. Не существует таких систем, в одной из которых имелась бы только отдельная грамматическая форма для тройственного числа, в то время как в другой содержались бы категории двойственного числа и всех чисел больше трех. Другими словами, разъединение или отсутствие последовательности в этом отношении не допускается.

Возможно, универсалии 14 и 15 иллюстрируют тот же принцип. Порядок элементов в языке параллелен порядку в практической деятельности или в процессе познания. Что касается условных предложений, то, хотя отношения к истине, выражаемые ими, являются вневременными, в логике всегда было принято изображать их в следующем порядке: сначала имплицитующее, затем имплицитующее, то есть точно так же, как в разговорном

* Утверждение автора о том, что различие по числу не нейтрализуется в падежных формах, не соответствует истине. Подобная нейтрализация имеет место в финском комитативе, во всех косвенных падежах неопределенного склонения в мордовских языках, так же как и в целом ряде форм притяжательного склонения в этих языках (а именно: во всех косвенных падежах при обладателе 1-го и 3-го лица ед. ч. и во всех вообще падежах при обладателе мн. ч. или 2-го лица — в мордовском-эзя языке; во всех падежах, кроме именительного, родительного и дательного, при обладателе ед. ч. и во всех вообще падежах при обладателе мн. ч. — в мордовском-моक्षा языке).

Наконец, нейтрализация числовых различий происходит в прямых падежах в белуджском и курдском языках. — *Прим. ред.*

языке. Если взять в качестве доказательства *modus popens*, то тогда пример из практики следует за ходом рассуждений. Никому не приходит в голову писать доказательство в обратном порядке («задом наперед»).

Универсалии 7, 8 и 40, хотя внешне весьма различные, представляются нам проявлениями одной и той же общей тенденции: конец единиц маркируется чаще, чем начало. Например, в «жестком» подтипе типа III глагол маркирует конец предложения. Когда флексии встречаются только в конечном члене именного словосочетания, они маркируют конец словосочетания. Это, вероятно, связано с тем фактом, что мы всегда можем узнать, когда некто начал говорить, но, как свидетельствует наш печальный опыт, без определенного показателя мы не сможем узнать, когда же говорящий кончит.

Существование «жесткого» подтипа типа III, ввиду того, что нет примеров «жесткого» подтипа типа I, вероятно, связано еще с одним фактором. Обычно начальная позиция эмфатична, и хотя существуют другие методы эмфазии (например, ударение), начальная позиция, по-видимому, всегда остается свободной, и таким образом элемент, на который направлено внимание, может стать первым. Примером этому служит универсалия 12. Вероятно, во всех языках выражения времени и места могут занимать начальную позицию в предложении.

Разобщенность предиката, которая часто встречается в таких случаях, как, например, нем. *Gestern ist mein Vater nach Berlin gefahren* 'Вчера мой отец ездил в Берлин', иллюстрирует следующий принцип. В целом, чем выше положение конструкции в иерархии непосредственно составляющих, тем свободнее порядок составляющих элементов. Как можно было видеть, практически все языки обладают известной свободой в расположении субъекта и предиката в целом; переменным же порядком генитивных конструкций обладает незначительное меньшинство языков и почти всегда лишь в том случае, когда имеются еще и другие различия, а не только различия в порядке следования элементов. Наиболее жесткий порядок наблюдается внутри морфологических конструкций. В целом, поэтому, разобщенные составляющие встречаются гораздо реже, чем непрерывные.

Как отмечено в первом разделе настоящей статьи, принципы, описанные в этом разделе, должны рассма-

триваться только как предположительные. Есть надежда, что по крайней мере некоторые из них окажутся полезными для дальнейшего исследования.

* * *

Я очень признателен Фреду Хаусхолдеру и Чарльзу Ф. Хоккетту за полезные критические замечания, сделанные ими по поводу раннего варианта настоящей статьи.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ К стр. 114. Благодаря работе Романа Якобсона я обратил внимание на то, как важны импликационные универсалии.

² К стр. 114. См., например, замечания Р. Б. Брайтвейта (R. B. Braithwaite, *Scientific explanation*, Cambridge, 1953) по поводу научных законов. «Единственное, с чем каждый соглашается, это то, что закон всегда включает обобщение, то есть утверждение об универсальной связи между свойствами» (стр. 9).

³ К стр. 115. То есть обусловлены эмпирически, а не логически. Все языки имеют характеристики, о которых идет речь. Нужно добавить, что универсалии в смысле недедуктивных характеристик обладают дополнительным логическим свойством обуславливать дедуктивные свойства, так же как быть обусловленными ими.

⁴ К стр. 117. Некоторые идеи, касающиеся типологии основного порядка, можно встретить в лингвистической литературе XIX в. Например, об отношении между позицией генитива и предложениями в противоположность послелогам и о гипотезе, состоящей в том, что некоторые языки предпочитают порядок «определение — определяемое», а другие — противоположный, уже упоминалось в предисловии Р. Лепсиуса к его «Нубийской грамматике» (R. Lepsius, *Nubische Grammatik*, Berlin, 1880).

Наиболее систематическая трактовка вопроса представлена у Шмидта (W. Schmidt) в работе «Die Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde» (Heidelberg, 1926) и в некоторых других работах. Основные выводы Шмидта могут быть суммированы здесь: предлоги сочетаются с порядком «номинатив — генитив», а послелоги — с обратным порядком. Порядок «номинатив — генитив» имеет тенденцию встречаться с глаголом перед именным объектом, а порядок «генитив — номинатив» сочетается с порядком «объект — глагол». Шмидт ничего не говорит о порядке «субъект — глагол», так что типы I и II, как они трактуются в настоящей статье, у него не различаются. Далее, порядок «номинатив — генитив» соотносится с порядком «существительное — прилагательное», а «генитив — номинатив» — с порядком «прилагательное — существительное». Эта последняя корреляция, особенно вторая ее половина, намного слабее, чем другие. Шмидт приводит данные, основанные на языках мира, которые хорошо согласуются с результатами, полученными на основе списка из 30-ти языков, использованного в настоящей статье. Нужно добавить еще, что главный интерес Шмидта направлен на интерпретацию истории культуры. Его результаты в этом отношении на грани фантастики.

⁵ К стр. 118. Исключение составляют сиуслав и кус, которые являются языками группы пенути в штате Орегон, и кёр д'ален — са-лишской группы.

⁶ К стр. 119. См. данные относительно каждого языка в Приложении I.

⁷ К стр. 120. Подробнее см. Приложение II.

⁸ К стр. 120. Иракв (южнокушитская группа), кхамти (тайская группа), литературный персидский и амхарский язык.

⁹ К стр. 120. Единственным случаем, где этого не наблюдается, является, кажется, амхарский язык, который имеет сочетание SOV, GN и AN, но в то же время имеет предлоги.

¹⁰ К стр. 121. Однако Хаусхолдер сообщил мне, что в азербайджанском и в большинстве типов разговорного турецкого языка допускается одно определение после глагола, особенно именная конструкция с дательным или местным падежом.

¹¹ К стр. 123. Языки типа I: берберский, иврит, маори, масаи и уэльсский; типа II: тайский, йоруба; типа III: бирманский, бурушаски, японский, каннада, нубийский. Относительно языка йоруба см. далее, прим. 12.

¹² К стр. 124. В приведенных ниже языках аффикс или частица следуют за словом: тип II: финский, гуарани, малайский, майя, сербский; тип III: баскский, бирманский, японский, каннада, нубийский, турецкий, кечуа. В языке йоруба аффикс предшествует слову, но может и сопровождаться конечной частицей.

¹³ К стр. 125. Вопросительное слово стоит на первом месте в языках берберском, финском, фуль, греческом, гуарани, иврит, итальянском, малайском, маори, масаи, майя, норвежском, сербском, уэльском, йоруба и сапотек.

¹⁴ К стр. 126. Согласно Хаусхолдеру, это имеет место только в литературном турецком языке; см. прим. 10.

¹⁵ К стр. 127. Вспомогательный глагол предшествует главному в финском, греческом, итальянском, масаи, майя, норвежском, сербском, суахили, уэльском, сапотек. Вспомогательный глагол следует за главным в баскском, бурушаски, чибча, гуарани, хинди, каннада, нубийском, кечуа, турецком языках.

¹⁶ К стр. 129. Подробнее см. Приложение I.

¹⁷ К стр. 131. К языкам, имеющим порядок «прилагательное — существительное» и «наречие — прилагательное», относятся языки бурушаски, финский, греческий, хинди, японский, каннада, майя, норвежский, кечуа, сербский, турецкий. К языкам, имеющим порядок «существительное — прилагательное» и «наречие — прилагательное», относятся баскский, бирманский, чибча, итальянский, лоритя. Порядок «существительное — прилагательное» и «прилагательное — наречие» имеют языки фуль, гуарани, иврит, малайский, суахили, тайский, йоруба и сапотек. К языкам, соблюдающим порядок «существительное — прилагательное», в которых некоторые наречия предшествуют прилагательному, а некоторые следуют за ним, относятся маори и уэльсский. По языкам берберскому, масаи, нубийскому и сонгаи нет данных.

¹⁸ К стр. 132. К языкам с порядком типа «прилагательное — показатель сравнения — образец» относятся берберский, фуль, греческий, иврит, итальянский, малайский, маори, норвежский, сербский, сонгаи, суахили, тайский, уэльсский, сапотек. К языкам, соблюдающим порядок «образец сравнения — показатель сравнения — прила-

гательное», принадлежат языки баскский, бирманский, бурушаски, чибча, гуарани, хинди, японский, каннада, нубийский, турецкий. Обе конструкции обнаруживаются в финском.

¹⁹ К стр. 133. Порядок «имя нарицательное — имя собственное» имеют языки греческий, гуарани, итальянский, малайский, сербский, суахили, тайский, уэльсский, сапотек, а порядок «имя собственное — имя нарицательное» — баскский, бирманский, бурушаски, финский, японский, норвежский, нубийский и турецкий.

²⁰ К стр. 134. Относительное предложение предшествует существительному в баскском, бирманском, бурушаски, чибча, японском, каннада, турецком языках. Существительное предшествует относительному предложению в берберском, фуль, греческом, гуарани, иврит, хинди, итальянском, малайском, маори, масаи, майя, норвежском, кечуа, сербском, сонгаи, суахили, тайском, уэльсском, йоруба, сапотек. Оба типа порядка обнаруживаются в финском и нубийском языках. В финском языке конструкция с относительным предложением, предшествующим существительному, возникла в подражание литературному шведскому языку (по свидетельству Роберта Аустерлицта).

²¹ К стр. 137. Исключительно суффиксальными языками являются баскский, бирманский, чибча, финский, хинди, японский, каннада, лоритя, нубийский, кечуа, сонгаи, турецкий.

²² К стр. 139. Мы выделяем те случаи, где затронут порядок, потому что существуют случаи нейтрализации согласования в числе, к которым порядок единиц не имеет отношения. Например, в классическом греческом средний род множественного числа употребляется с глаголом, стоящим в единственном числе независимо от порядка слов.

Дополнительное замечание. О некоторых фактах я узнал слишком поздно и не смог включить их в эту статью. Например, согласно информации Эйнара Хаугена, норвежский язык имеет оба генитивных порядка. Заметим, что норвежский был единственным исключением в списке при обобщении на стр. 64. В ходе дискуссии на Международном лингвистическом конгрессе в Кэмбридже в августе 1962 г. было указано, что папаго (юто-ацтекская группа) принадлежит к типу I/P₀. Следовательно, он представляет собой исключение к универсалии 3. По данным Масона, этот язык, видимо, нужно отнести к 7-му типу (см. Приложение II).

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ О 30-ти ЯЗЫКАХ СПИСКА

	VSO	Pг	NA	ND *	NNum **
Баскский	III	—	x	x	—
Берберский	I	x	x	x	—
Бирманский	III	—	x ¹	—	— ²
Бурушаски	III	—	—	—	—
Чибча	III	—	x	—	x
Финский	II	—	—	—	—
Фуль	II	x	x	x	x
Греческий	II	x	—	—	—
Гуарани	II	—	x	—	0
Иврит	I	x	x	x	—
Хинди	III	—	—	—	—
Итальянский	II	x	x ³	—	—
Каннада	III	—	—	—	—
Японский	III	—	—	—	— ²
Лоритя	III	—	x	x	x
Малайский	II	x	x	x	— ²
Маори	I	x	x	—	—
Масаи	I	x	x	—	x
Майя	II	x	—	—	— ²
Норвежский	II	x	—	—	—
Нубийский	III	—	x	—	x
Кечуа	III	—	—	—	—
Сербский	II	x	—	—	—
Сонгаи	II	—	x	x	x
Суахили	II	x	x	x	x
Тайский	II	x	x	x	— ²
Турецкий	III	—	—	—	—
Уэльсский	I	x	x ³	x	—
Йоруба	II	x	x	x	x
Сапотек	I	x	x	x	—

* ND = существительное — указательное местоимение. — Прим. ред.

** NNum = существительное — числительное. — Прим. ред.

В первой колонке римская цифра I означает, что нормальным порядком слов является порядок «глагол — субъект — объект», цифра II означает 2-й тип порядка: «субъект — глагол — объект» и цифра III — 3-й тип: «субъект — объект — глагол». Во второй колонке (х) указывает на то, что язык имеет предлоги, а черточка (—) указывает на то, что язык имеет послелоги. В третьей колонке (х) означает, что существительное предшествует определяющему его прилагательному, а черточка (—) означает, что существительное следует за прилагательным. В четвертой колонке (х) указывает на то, что существительное предшествует определяющему его указательному местоимению, а черточка (—) означает, что существительное следует за ним. В пятой колонке (х) означает, что существительное предшествует определяющему его числительному, а черточка (—) — что существительное следует за ним. Во всех колонках 0 показывает, что обнаружены оба порядка.

Примечания к приложению I

¹ Причастие, имеющее свойства прилагательного и глагола, однако, предшествует существительному и кажется столь же обычным в данном языке, как и прилагательное, следующее за существительным.

² Нумеративы (numeral classifiers) в каждом случае следуют за числительными. Конструкция «числительное + нумератив» предшествует существительному в бирманском и майя, следует за существительным в японском и тайском и либо предшествует существительному, либо следует за ним в малайском языке.

³ В уэльском и итальянском языках небольшое число прилагательных обычно предшествует существительному.

Приложение II

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ ОСНОВНОГО ПОРЯДКА

1. I/Pr/NG/NA: Кельтские языки; иврит, арамейский, арабский, древнеегипетский, берберский; нанди, масаи, лотуко, туркана, дидинга*; полинезийские и, вероятно, другие австронезийские языки; чинук, цимшиан; сапотек, чинантек, мистек и, вероятно, другие языки группы ото-манг.

* Языки нилотской семьи. — *Прим. ред.*

2. I/Pr/NG/AN: тагабили и, вероятно, другие филиппинские австронезийские языки; квакиутл, килеут, хинка.

3. I/Pr/GN/AN: мильпа альта нахуатль.

4. I/Pr/GN/NA. Нет примеров.

5. I/Po/NG/NA. Нет примеров.

6. I/Po/NG/AN. Нет примеров.

7. I/Po/GN/AN. Нет примеров.

8. I/Po/GN/NA. Нет примеров.

9. II/Pr/NG/NA: романские языки, албанский, современный греческий; западно-атлантические языки, йоруба, языки группы эдо, большинство языков группы бенуэ-конго, включая все языки банту; шиллук, ачоли, бари, большинство языков чадской группы хамито-семитской семьи, но не язык хауса; новосирийский, кхаси, никобарский, кхмерский, вьетнамский, все тайские языки, кроме кхамти; многие австронезийские языки, включая малайский; субтиаба *.

10. II/Pr/NG/AN: немецкий, голландский, исландский, славянские, эфик, креш (Kredj) **, майя, папиаменто ***.

11. II/Pr/GN/AN: норвежский, шведский, датский.

12. II/Pr/GN/NA: арапешский (Новая Гвинея).

13. II/Po/NG/NA. Нет примеров.

14. II/Po/NG/AN: рутульский и другие дагестанские языки Кавказа.

15. II/Po/GN/AN: финский, эстонский, иджо, китайский, алгонкинский (вероятно), соке.

16. II/Po/GN/NA: большинство языков мандинго и Вольты, кру, тви, га (Gã) ****, гуанг, эве, нупе, сонгаи, тонкава, гуарани.

17. III/Pr/NG/NA: персидский, иракв (кушитская группа), кхамти (тайская группа), аккадский.

18. III/Pr/NG/AN. Нет примеров.

19. III/Pr/GN/AN: амхарский.

20. III/Pr/GN/NA. Нет примеров.

21. III/Po/NG/NA: шумерский, эламский, галла, канури, теда, камиларой и другие юго-восточные австралийские языки.

22. III/Po/NG/AN. Нет примеров.

23. III/Po/GN/AN: хинди, бенгали и другие индоевропейские языки Индии; современный армянский, финно-угорские, за исключением финской группы; алтайский, юкагирский, палеоазиатские, корейский, айну, японский, гафат, харари, сидамо, хамир, бедауйе, нама готтен-

* Язык группы тлапанек семьи хока. — *Прим. ред.*

** Суданский язык группы бонго. — *Прим. ред.*

*** Креольский язык негров кюрасао. — *Прим. ред.*

**** Известны два языка с названием *ga(gap)*: язык группы Вольты и язык эбурнео-дагомейской группы. — *Прим. ред.*

тотский; хиналугский, абхазский и другие кавказские языки; бурушаски, дравидские; невари и другие китайско-тибетские языки; маринд-аним, навахо, майду, кечуа.

24. III/PO/GN/NA: баскский, хурритский, урартский, нубийский, кунама, фур, сандаве, бирманский, лушен, классический тибетский, макасаи, бунакский (Тимор), кате (Новая Гвинея), большинство австралийских языков, хайда, тлингит, суни, читимача, туника, ленка, матагальпа, куна, чибча, варрау.

Языки с объектом перед субъектом:

кёр д'ален: VOS/Pr/NG/NA.

сиулав, кус: VOS и OVS/PO/GN/AN.

Языки с различными конструкциями:

Ге'эз, бонток игорот * 1, 2; тагальский 1, 2, 3, 4; санго 9, 10; английский 10, 11; литовский 11, 15 (предлоги более многочисленны); мангбету **, арауканский 12, 13; такелма 12, 16 (предлоги встречаются чаще); мору-мади 13, 16; табасарнский 14, 15; лиусеньо *** 15, 16; тигре 17, 18, 19, 20; тигринья 18, 19; сомали, маба 21, 24; афар, экари 23, 24.

Приложение III

УНИВЕРСАЛИИ

1. В повествовательных предложениях с именными субъектом и объектом почти всегда преобладает такой порядок слов, при котором субъект предшествует объекту.

2. В языках с предлогами генитив почти всегда следует за управляющим существительным, а в языках с послелогом он почти всегда предшествует ему.

3. Языки с доминирующим порядком VSO (глагол — субъект — объект) характеризуются наличием предлогов.

4. С вероятностью, гораздо большей, чем случайная, языки с нормальным порядком SOV имеют послелог.

5. Если язык имеет доминирующий порядок SOV и генитив в этом языке следует за управляющим существительным, то прилагательное также должно следовать за существительным.

6. Все языки с доминирующим порядком VSO имеют порядок SVO как один из альтернативных или как единственно альтернативный основной порядок слов.

* Бонток (бондоч) игорот — язык индонезийской ветви. — *Прим. ред.*

** Суданский язык нило-конголезской группы. — *Прим. ред.*

*** Луисеньо (Luiseño) — язык нето-ацтекской семьи. — *Прим. ред.*

7. Если в языке с доминирующим порядком SOV нет альтернативного основного порядка или в качестве альтернативы встречается только порядок OSV, то все наречные определители глагола будут также предшествовать глаголу. (Это «жесткий» подтип типа III.)

8. Когда вопрос, требующий ответа «да — нет», отличается от соответствующего утверждения интонационными различиями, дифференциальные интонационные признаки выявляются в конце предложения отчетливее, чем в начале.

9. Когда вопросительные частицы или аффиксы закреплены в позиции относительно предложения в целом, то с вероятностью, большей, чем случайная, начальные элементы обнаруживаются в языках с предложениями, а конечные — в языках с послелогом.

10. Вопросительные частицы или аффиксы, которые относятся к определенному слову в предложении, почти всегда следуют за этим словом. Такие частицы не встречаются в языках с доминирующим порядком VSO.

11. Инверсия утвердительного порядка, состоящая в том, что глагол предшествует субъекту, встречается только в тех языках, где вопросительное слово или словосочетание стоят на первом месте. Та же самая инверсия встречается в общих вопросах, требующих ответа «да — нет», если только она встречается также и в вопросительных предложениях с вопросительным словом.

12. Если язык имеет доминирующий порядок VSO в повествовательных предложениях, то в вопросительных предложениях с вопросительными словами в этом языке вопросительные слова или словосочетания всегда стоят на первом месте; если в повествовательных предложениях язык имеет доминирующий порядок SOV, то это правило необязательно.

13. Если именным объект предшествует глаголу, то глагольные формы, подчиненные главному глаголу, также предшествуют ему.

14. В условных конструкциях условная часть предшествует заключению; такой порядок является нормальным для всех языков.

15. В конструкциях, выражающих желание и цель, нормальным порядком является тот, при котором подчиненная глагольная форма следует за главным глаголом; исключения составляют лишь те языки, в которых именным объект всегда предшествует глаголу.

16. В языках с доминирующим порядком VSO спрягаемый вспомогательный глагол всегда предшествует главному глаголу. В языках с доминирующим порядком SOV спрягаемый вспомогательный глагол всегда следует за главным глаголом.

17. С вероятностью, большей, чем случайная, можно ожидать, что в языках с доминирующим порядком VSO прилагательное стоит после существительного.

18. Когда описательное прилагательное предшествует существительному, указательное местоимение и числительное в подавляющем большинстве случаев также предшествуют существительному.

19. Общее правило, устанавливающее, что описательное прилагательное следует за существительным, может не распространяться на небольшое число прилагательных, которые обычно предшествуют существительному; но когда общее правило гласит, что описательное прилагательное предшествует существительному, то это правило не имеет исключений.

20. Когда какой-нибудь один или все элементы — указательное местоимение, числительное и описательное прилагательное — предшествуют существительному, они всегда располагаются именно в указанном порядке. Если они следуют за существительным, порядок будет или тем же самым, или прямо противоположным.

21. Если в каком-то языке некоторые или все наречия следуют за прилагательным, которое они определяют, то это значит, что данный язык принадлежит к числу тех, в которых определяющее прилагательное следует за существительным, а глагол предшествует своему именному объекту, и этот порядок слов является доминирующим.

22. Если единственным порядком слов или одним из альтернативных типов порядка в сравнительной конструкции является порядок «образец — показатель сравнения — прилагательное», то язык принадлежит к группе языков с послелогоми. Если единственным типом порядка является порядок «прилагательное — показатель сравнения — образец», то с более чем случайной вероятностью язык относится к группе языков с предлогами.

23. Если в приложении имя существительное собственное предшествует нарицательному имени существительному, то язык принадлежит к числу тех, в которых управляющее существительное предшествует зависящему от него генитиву. Для подавляющего большинства языков — если имя нарицательное обычно предшествует имени собственному, то зависимый генитив предшествует своему управляющему существительному.

24. Если относительное предложение в каком-то языке предшествует существительному либо как единственная конструкция, либо как альтернативная, то в таком случае или этот язык является языком с послелогоми, или прилагательное в данном языке предшествует существительному, или и то и другое вместе.

25. Если местоименный объект следует за глаголом, то за глаголом следует также и именной объект.

26. Если язык обладает прерывными аффиксами, то в нем всегда представлена либо префиксация, либо суффиксация, либо то и другое вместе.

27. Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогами; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами.

28. Если словообразовательный элемент и словоизменяющий элемент следуют за корнем или оба предшествуют корню, то словообразовательный элемент всегда находится между корнем и словоизменяющим элементом.

29. Если язык имеет словоизменение, то он обязательно должен иметь и словообразование.

30. Если глагол имеет категории лица и числа или если он имеет категорию рода, то он обязательно должен иметь и категории времени и наклонения.

31. Если субъект или объект, выраженный именем существительным, согласуется в роде с глаголом, то обязательно согласуется в роде с существительным и прилагательное.

32. В том случае, если глагол согласуется с именным субъектом или именным объектом в роде, он обязательно согласуется с ними также и в числе.

33. Если между существительным и глаголом нарушается согласование в числе и связь их основывается на порядке слов, то глагол должен предшествовать существительному и стоять в форме единственного числа.

34. Нет языка, который, имея тройственное число, не имел бы двойственного. Нет языка, который, имея двойственное число, не имел бы множественного.

35. Не существует языка, в котором форма множественного числа не имела бы каких-нибудь ненулевых алломорфов, тогда как есть языки, в которых форма единственного числа выражена только нулевым показателем. Формы двойственного и тройственного числа почти никогда не бывают выражены только нулевым показателем.

36. Если язык имеет категорию рода, он обязательно имеет и категорию числа.

37. В единственном числе язык всегда имеет большее количество родовых категорий, чем в любом не-единственном числе.

38. При существовании падежной системы единственный падеж, имеющий только нулевые алломорфы, это тот, который в число своих значений включает значение субъекта непереходного глагола.

39. Там, где присутствуют морфемы числа и падежа и обе они следуют за именной основой или обе предшествуют ей, морфема

числа почти всегда находится между именной основой и морфемой падежа.

40. Когда прилагательное следует за существительным, прилагательное выражает все словоизменительные категории существительного. В этих случаях существительное может не иметь формального выражения одной или всех этих категорий.

41. Если в языке глагол следует за именным субъектом и именным объектом и такой порядок слов является доминирующим, то язык почти всегда имеет падежную систему.

42. Все языки имеют местоименные категории, включающие по крайней мере три лица и два числа.

43. Если в языке категория рода свойственна имени существительному, то она свойственна и местоимению.

44. Если язык имеет родовые различия в первом лице, то он обязательно должен иметь родовые различия во втором или в третьем лице или в обоих вместе.

45. Если во множественном числе местоимения выражены какие-либо родовые различия, то какие-то родовые различия имеются и в единственном числе.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

1. Природа семантических универсалий

1. 1. Недостаточность наших знаний

Если бы потребовалось охарактеризовать в нескольких словах те универсальные семантические свойства языков, по поводу которых мнения лингвистов более или менее совпадают, то пришлось бы, по-видимому, ограничиться двумя следующими утверждениями.

а) Все языки представляют собой особого рода системы передачи информации, отличные от прочих семиотических систем, не являющихся языками (ср. Noskett, 1960). Так, к неязыковым следует относить системы, в которых в качестве носителей информации используются неголосовые сигналы; системы, в которых знаки — носители информации — не состоят из дискретных повторяющихся единиц (фонем); системы, обладающие неограниченной сочетаемостью знаков (то есть не имеющие грамматики); системы, знаки которых являются иконическими (iconic signs); и, наконец, возможно, даже такие системы (если применить и прагматический критерий), которые не используются для общения между людьми.

б) Семантическое членение («картирование») действительности тем или иным языком является, вообще говоря, произвольным, и семантическая «карта» какого-то одного языка отлична от семантических «карт» всех прочих языков.

Ясно, что это не очень богатый исходный материал. Если бы в фонологии мы располагали только двумя аналогичными утверждениями — все языки имеют фонемы, и каждый язык обладает своей особой фонологической системой, — то мы вряд ли собрались бы на

конференцию по фонологическим универсалиям. Поэтому необходимо искать и другие общие закономерности семантического устройства языка как такового.

Мне представляются полезными следующие направления исследований.

в) С семиотической точки зрения язык не является однородной системой. Каковы семиотические подсистемы, используемые в языке? Можно ли полагать, что различные механизмы, исследованные Виттгенштейном и названные им «языковыми играми» (Wittgenstein, 1958, стр. 77 и сл.), равномерно распределены по языкам мира? Какие формальные особенности языка соответствуют тому или иному из его семиотических ярусов?

г) Как сказывается комбинирование знаков на значениях знаков? В частности, как сказываются грамматические и фразеологические ограничения сочетаемости языковых знаков на их функционировании?

д) Хотя семантическое членение действительности, наблюдаемое в языках, по существу произвольно, тем не менее в ряде случаев имеет место явный параллелизм как между родственными, так и между неродственными языками. Каким образом эти случаи могут быть описаны и охарактеризованы в количественном отношении?

е) Какие обобщения можно сформулировать относительно лексики, рассматриваемой как множество, имеющее структуру (хотя бы это была и весьма несовершенная структура)? Можно ли указать такие структурные особенности лексики, которые характеризуют весь лексический состав того или иного конкретного языка? Если да, то можно ли изучать распределение таких особенностей в языках мира?

Главным препятствием для выдвижения плодотворных гипотез является недостаток необходимых данных. Как показывают ссылки, разбросанные в разных местах последующего изложения, недостатка в публикациях по семантике нет, однако труды, в которых наверняка можно было бы найти ответ на нужный вопрос, совершенно отсутствуют. Наиболее фундаментальные работы по семантике — книги Ульманна (1951), Звегинцева (1957), Регнелля (1958), Зиффа (1960) или Шаффа

(1960) — фактически посвящены только одному семиотическому процессу — номинации (именованию), то есть использованию десигнаторов, рассматриваемому чисто теоретически и в отрыве от других семиотических процессов; в этих работах комбинаторной семиотике связанной речи уделяется сравнительно мало внимания. Языковые факты приводятся только в качестве эпизодических иллюстраций того или иного фрагмента теории, однако авторы и не пытаются достаточно полно описать семантику какого-либо языка в целом. Вопрос о возможности неравномерного распределения конкретных семантических явлений по языкам мира обычно даже и не рассматривается. Между семантической теорией и семантическими описаниями существует роковая пропасть (Weinreich, 1962), обрекающая первую на пустоту, а вторые — на атомистичность. Тонкие философы языка, такие, как Э. Кассирер (1923), неоднократно смешивали в своих работах достоверные сведения о языках с недостоверными, а иногда, по существу, протаскивали типично эволюционистские предрассудки. Не раз блестящие логики обнаруживали удивительное отсутствие любопытства к фактам чужих языков. Ганс Рейхенбах (1948) — логик, наиболее серьезно интересующийся языком, — судит о человеческих языках, опираясь на английский, немецкий и турецкий и лишь изредка обращаясь к фактам из французского и латыни.

Не считая нескольких беглых замечаний в работе Агинских (1948), единственная серьезная попытка подойти к проблеме семантических универсалий была предпринята С. Ульманом. Помимо программной работы 1953 г., мы имеем выполненное им исследование семантической структуры одного языка — французского (1952). Однако его обобщения в основном преждевременны (ср. Weinreich, 1955) и ограничены уже в силу примененного метода (см. ниже, 4.1). По существу же в данной области еще почти ничего не сделано.

Разумеется, читатель настоящей статьи не должен ждать от нее сенсационного решения каких-либо главных проблем семантического анализа. Лишь для того чтобы полностью охарактеризовать представления, образующие идейный каркас (conceptual framework) данной работы, понадобилась бы целая монография. Автор льстит себя единственной надеждой, что критическое

обсуждение его сообщения поможет правильно поставить некоторые вопросы, в силу чего окажется возможным их непосредственное исследование. Учитывая состояние семантики на сегодняшний день, даже это было бы серьезным достижением*.

1. 2. Некоторые основные понятия

В качестве исходного материала для обсуждения целесообразно принять семантическую схему Морриса (1938). В соответствии с ней мы будем считать, что язык является набором знаков, а речь предполагает использование этих знаков, причем обычно — в связи друг с другом. Правила комбинирования знаков (грамматика) формулируются в терминах классов знаков (грамматических классов). Языки обладают знаками двух типов: одни знаки являются десигнаторами (*designators*), а другие — форматорами (*formators*)¹ (ср. 2.2). Десигнатор состоит из имеющего физическую природу означающего (*sign-vehicle*) и означаемого — десигната²; форматор состоит из такого же показателя и имплицитного указания на операцию, такую, как отрицание, обобщение и т. п. (см. ниже, 2.2). Десигнат может рассматриваться как некоторый набор условий; если какой-то знак употребляется по отношению к такой ситуации, которая удовлетворяет всем соответствующим условиям, то можно сказать, что данное употребление этого знака означает (*denotes*) [то есть имеет денотат] (Morris, 1938, стр. 24)³. Знакоупотребления (*sign-tokens*) иногда используются в связи с определенным денотатом, а иногда — нет (ср. 2.2.1.1 и 3.1.4). Во всех языках существуют также дейктические средства — это знаки, имеющие референты, но не имеющие десигнатов (ср. 2.2.2). Далее, в языках обычно имеются десигнаторы и форматоры, употребляемые в высказываниях о языке (то есть

* Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность следующим лицам, прочитавшим первоначальный вариант настоящей статьи: Роберту Аустерлитцу, Ольге Сергеевне Ахмановой, Эдварду Бендиксу, Дуайту Л. Болинджеру, Джозефу Гринбергу, Бенджамину Грушовскому, Милке Ивич, Павле Ивичу, Гарольду Конклину, Лоренсу Крадеру, Джону Лотцу, Вите Равид, Майклу Рифатерре, Рулону Уэллсу, Фреду У. Хаусхолдеру (младшему), Чарлзу Ф. Хоккетту, Карлу Циммеру и Роману Якобсону.

метаязыковые знаки, существующие наряду со знаками языка-объекта).

Анализ семиотических средств, которыми язык располагает для десигнации, референции, сдвига уровней (shifting of levels) и т. п., составляет его семиотическое описание. Структура десигнатов знаков языка является объектом его семантического описания в узком смысле слова; мы можем также говорить о семантическом описании в широком смысле слова и считать, что оно включает в себя семиотическое описание. Отношение семиотического типа и десигната знака к форме означающего в основном произвольно; однако в ряде случаев обнаруживается семантико-фонологический параллелизм, представляющий собой интересный объект исследования. (Важная проблема звукового символизма выходит за рамки настоящей статьи; ср., однако, примечание 65.) Отношение семиотического типа и десигната знака к синтаксическому классу этого знака, напротив, часто оказывается внутренне обусловленным; семантико-грамматический параллелизм заслуживает еще большего внимания, чем семантико-фонологический, — как применительно к конкретным языкам, так и применительно к языку вообще.

Что касается вопроса исключения семантических соображений из грамматического описания, то решительная позиция Хомского (1955; 1957, гл. 9) по этому вопросу представляется мне совершенно правильной. Данная работа исходит из предположения, что грамматическое описание не только автономно по отношению к семантическому, но и предваряет его. Поэтому мы будем подвергать семантическому анализу лишь грамматически правильные высказывания, и притом такие, для которых указана их грамматическая структура. Таким образом, мы признаем разумным пытаться ответить, почему семантически неприемлемо такое выражение, как *enter out*, но не такое, как *into out*, которое отвергается как неправильное уже грамматически⁴. Аналогично при различении разных значений слова *fair* (а) 'справедливый, беспристрастный', б) 'прекрасный' и т. д.) целесообразно прежде всего отметить, что *fair* (б) в отличие от *fair*(а) принадлежит к особому подклассу прилагательных (см. 3.2.1)⁵.

Итак, мы помещаем грамматическое описание перед семантическим. Это приводит к проблеме соответствия между единицами описаний того и другого типа. При грамматическом анализе приходится оперировать как значащими элементами (сегментными и супraseгментными морфемами, а также факультативными трансформациями), так и незначащими, обязательными. Блумфилд (1933, стр. 162, 166) удовлетворялся тем, что для каждой грамматической единицы постулировал единицу значения («семемы» — для морфем, «эписемемы» — для тагмем \cong факультативным трансформациям). Однако позже против отождествления грамматических и семантических единиц был выдвинут целый ряд возражений (например, Hjelmslev, 1953, стр. 28 и сл. и, в особенности, Bazell, 1954). Наиболее серьезные из них следующие: а) некоторые морфы не имеют значения («пустые морфы», например *to* при инфинитиве в английском или *-o-* в *drunk-o-meter* 'пьяномер'); б) нельзя допускать означающие без «сегментной» субстанции, например значащий порядок слов; в) существуют значащие сегменты, меньшие, чем морфа («фоноэстемы», например *fl-ow* 'течь', *fl-it* 'порхать', *fl-y* 'летать', *fl-oal* 'плыть' и т. п.); г) «идиомы» грамматически состоят из многих морфем, а семантически должны рассматриваться как целое. И все-таки ни одно из этих возражений не представляется достаточно убедительным: а) «пустые» морфы — это искусственный прием дистрибутивной грамматики (Item-and-Arrangement grammar); с точки зрения «преобразовательной» грамматики (Item-and-Process grammar) такие морфы вовсе не являются «пустыми» — они представляют собой сегментные показатели тех или иных трансформационных процессов; б) допуская в качестве означающего процесс, мы нисколько не противоречим семиотической теории (ср., например, использование в качестве сигнала трехкратного поднятия руки); в, г) такие явления, как «фоноэстемы» и «идиомы», действительно предполагают много-однозначное соответствие между грамматическими и семантическими единицами. Но, поскольку тождество обоих планов оказывается неполным, именно их сопоставление дает удобную исходную точку для описания их неизоморфизма. (См. также прим. 65; ср. Chomsky, 1957, стр. 102 и сл.)

1. 3. Полная, ослабленная и усиленная семантичность речи

В своей книге «Язык» (1921, стр. 13) Э. Сепир сравнил язык с динамомашиной, по мощности способной обслуживать лифт, но обычно приводящей в действие всего лишь дверной звонок. Языком чаще всего пользуются так, что его семантические возможности эксплуатируются далеко не полностью. В его «фатической» функции, когда речь служит только для того, чтобы сигнализировать о наличии сочувствующего собеседника, язык «десемантизируется» в очень большой степени. В различных церемониальных функциях («noncasual» language—ср. French, 1958) язык также может быть сильно десемантизирован, хотя здесь это объясняется другими механизмами. Вообще, как только высказывания становятся автоматическими симптомами состояния говорящего, как только они сцепляются друг с другом, образуя последовательности с высокой условной вероятностью, короче говоря, как только они выходят из-под контроля воли говорящего, они перестают быть представителями языка как полноценного семантического инструмента. Разумеется, подобные «утечки», которые на практике часто снижают потенцию языка как орудия общения, являются вполне законной проблемой для психологии, в решение которой лингвисты могут внести определенный вклад. Однако более насущной задачей для лингвистики, как мне кажется, является объяснение лифта, а не дверного звонка. Избегая примеров особо небрежной или особо церемониальной речи, мы должны рассматривать язык в условиях его полноценного использования, то есть в условиях, при которых потребности общения удовлетворяются именно языком, а не другими видами поведения.

Использование языка может также отклоняться от нормы и в обратную сторону, так что язык как бы гиперсемантизируется. Такое использование языка характерно для многих литературных произведений, хотя оно встречается и в повседневной жизни. Можно указать по крайней мере два признака гиперсемантизации: 1) Звуковая сторона знака приобретает независимую символическую значимость («импрессионистическую» — звукоподражательную — или «экспрессионистическую», то есть синэстетическую); особое семантическое отношение

приписывается знакам, имеющим сходное означающее (рифмы и т. п.); короче говоря, зачаточные соотношения между содержанием и выражением активно эксплуатируются, тогда как в «семантически нормальных» использованиях языка эти соотношения произвольны. 2) В рамках некоторого данного текста (стихотворения и т. д.) некоторым знакам приписываются значения, более богатые, чем значения тех же самых знаков вне данного текста, или как-либо иначе отличающиеся от этих последних. Если при «стандартном» использовании языка получатель сообщения должен лишь декодировать его, но не дешифровать (то есть ему не приходится разгадывать код), то в «гиперсемантизированном» языке общий код может изменяться *ad hoc*, и получатель сообщения должен сначала догадаться об изменениях кода, чтобы правильно декодировать сообщение. Вряд ли стоит заниматься семантической теорией, которая окажется слишком слабой, чтобы учесть эти явления (ср. 3.1.2); однако равным образом нецелесообразно сосредоточивать свое внимание на этих весьма специальных вопросах (как это делали многие исследователи значения), не описав сначала, как функционируют семантические механизмы языка при его стандартном использовании.

2. Семиотическая стратификация языка

2. 1. Логические основы семиотического анализа

В последующем изложении мы будем сравнивать грамматическую форму предложений с их семиотической формой. В частности, мы будем предполагать, что любое высказывание может быть описано либо как (а), имеющее семиотическую форму « $Qf(x)$ », либо как (б), отклоняющееся от такового одним из *точно определенных* способов. Здесь x обозначает аргумент — «то, о чем говорится», f — предикат, то есть «то, что говорится об x », а Q — целый ряд различных операций. Более подробно x , f , Q будут рассмотрены в 2.2 и 3.1.

Исследование логических аспектов языка — это отнюдь не модное увлечение; по-видимому, именно оно в течение нескольких ближайших десятилетий будет составлять одно из важнейших направлений лингвистики. Я полагаю, что это вполне разумная задача, если толь-

ко соблюдать ряд предосторожностей. Во-первых, в таком исследовании не должно быть привкуса нормативизма⁶; лингвист-дескриптивист вовсе не стремится сделать язык «более логичным», чем он есть, — наоборот, он должен объяснять (там, где ему удастся), почему в действительности язык не является более логичным (см. раздел 5). Во-вторых, полезно помнить, что для исследования языка привлекаются лишь некоторые разделы логики; лингвистов интересуют главным образом правила образования и обозначения, то есть те аспекты исчисления предикатов, которые в логике выступают просто как подготовительные этапы для изучения выводимости, истинности и т. п. (ср., например, Сагпар, 1942, стр. 24). В-третьих, как указывалось в разделе 1.2, изучение «логических» аспектов языка, представляющее собой задачу семантики, должно проводиться независимо от грамматического анализа, так чтобы было возможно их содержательное сравнение⁷. В-четвертых, необходимо настаивать на достаточно гибкой и богатой логической системе и на привлечении широкого круга языков⁸. И наконец, мы должны отвергнуть ошибочный тезис, будто человек в своем мышлении не может выйти из «логических форм», навязываемых ему родным языком; есть масса фактов, свидетельствующих об обратном, — если не в аристотелевской логике, то уж, безусловно, в средневековом учении о суппозиции. Но если все эти предосторожности соблюдаются, то исследование логических аспектов языка само по себе вполне законно и перспективно. Ведь логика во многом сродни языку. Недаром искусственные языки, создававшиеся философами, во многих существенных чертах своей логической структуры совпадают с естественным языком⁹.

В настоящее время показалось бы наивным пытаться, как это сделал Вегенер (1885), описывать семиотическую стратификацию естественного языка, пользуясь примерами, взятыми только из немецкого, греческого и латинского. Однако примечательно, что теория Вегенера сохраняет свою силу и сейчас, когда объем привлекаемого материала чрезвычайно расширился. Я полагаю, что достаточно воспользоваться лишь слегка более гибким логическим исчислением, чтобы описать все разновидности семиотических структур, встречающиеся в естественных языках.

2. 2. Форматоры

Обычно семантические теории оперируют знаками двух типов, соответствующими тому, что мы называли десигнаторами и форматорами¹⁰. В большинстве теорий форматоры, или «логические» знаки, задаются перечислением. В 1942 г. еще не было известно, как различие между десигнаторами и форматорами может быть определено для семантики в целом (Сагпар, 1942, стр. 59). Попытка Г. Рейхенбаха построить такое определение (1948, стр. 318—325) вызывает возражения технического порядка, так что здесь необходимы дальнейшие теоретические исследования. Однако для наших целей мы можем воспользоваться карнаповским рабочим определением «десигнатора» (Сагпар, 1947, стр. 6): «все те выражения, к которым применяется семантический анализ значения». Хотя возможны спорные случаи, разделение знаков на десигнаторы (например, bread 'хлеб', smear 'мазать, пачкать', fast 'прочный, быстрый, легкомысленный') и форматоры (*или, этот*), как кажется, в общих чертах соответствует их интуитивной классификации.

Если считать десигнаторами те знаки, которые могут выступать на месте f и x в выражениях вида $Qf(x)$, то в класс форматоров войдут, грубо говоря, следующие разновидности знаков (Reichenbach, 1948, стр. 55—57): 1) «прагматические операторы»; 2) деиктические знаки; 3) знаки логических операторов (*не, или, тот же самый* [?]); 4) кванторы разного типа; 5) знаки, определяющие организацию выражений («чисто синтаксические» знаки).

В принципе возможны смешанные знаки, включающие как формативные, так и десигнативные компоненты. Однако сначала механизмы каждого типа должны исследоваться отдельно.

Проблемы описания, которые могут привести к выявлению языковых универсалий, распадаются на три основные группы.

а) Насколько тонко различаются отдельные логические операции, которые должны быть или могут быть выражены в данном языке?

б) В какой степени форматоры функционируют как отдельные грамматические единицы? Или же наоборот:

в какой степени форматоры «встраиваются» как компоненты в означаемые смешанных знаков?

в) В какой степени форматоры или смешанные знаки обладают специфическими означающими или специфическими грамматическими свойствами?¹¹

2. 2. 1. Прагматические операторы. Единое и общепринятое представление о содержании «прагматики», по-видимому, отсутствует¹². В настоящем изложении мы будем относить к прагматике ту языковую категорию (совокупность значений), которая включает в себя 'утверждение' и значения, несовместимые ни с утверждением, ни друг с другом: 'вопрос', 'повеление' и 'отношение к содержанию высказывания' (постольку поскольку эти значения кодируются в речи).

2.2.1.1. Из чисто практических соображений за исходное мы примем именно утвердительное «наклонение». В разделе 3.1.4 будет показано, что в любом языке любое высказывание обычно содержит по крайней мере одно «соединение» знаков (sign linkage) в утвердительном наклонении, хотя оно может содержать и другие соединения в «нейтральном» наклонении. Среди средств, используемых языками для «нейтрализации» утвердительности предложений, имеются и такие, которые полностью специализировались в этой функции, например номинализирующие трансформации, состоящие в изменении падежа субъекта и переходе глагола в «инфинитив» или в какое-либо другое зависимое наклонение. Иногда, однако, нейтрализация утвердительности «мотивируется» еще указанием на неуверенность говорящего (в истинности сообщения) или на прямой отказ от ответственности (за содержание высказывания). Сюда относятся случаи замены индикатива на конъюнктив в немецком языке (Er ist krank 'Он болен' vs. Er sei krank 'Он [якобы, по слухам, по его словам] болен'); можно указать еще на -miş в турецком, на «quotative» в хопи (Whorf, 1956, стр. 119), на пересказывательное наклонение в болгарском (Jakobson, 1957, стр. 4 и сл.) и т. д.

Во многих языках утвердительность снимается путем подчинения предложения явно неутвердительному союзу (например, *если...*); в таких случаях выражение снятой утвердительности специальным наклонением глагола становится избыточным и может быть утрачено,

как это произошло в английском. Вряд ли существуют языки, имеющие большой запас средств для снятия утвердительности в независимых предложениях, чем в условных придаточных.

2.2.1.2. Средства выражения императива, по-видимому, обычно связаны с деиктическими категориями (2.2.2) и развиты для второго лица более, чем для первого или третьего, а для будущего/настоящего времени — более, чем для прошедшего. Формы императива для первого и третьего лица часто бывают аналитическими и обычно не симметричны формам второго лица (ср. идиш *gejn* 'идти': 2 л. *gejt*, 1 л. *lomir gejn*, 3 л. *zoln zej gejn*). Во многих языках императив выражается только глагольной формой; местоимение 2-го лица (подлежащее) часто отсутствует¹³.

2.2.1.3. Вопросы явно представляют собой особое прагматическое наклонение, несовместимое с утверждением¹⁴, хотя часто в языке нет специальной вопросительной формы, входящей в грамматическую парадигму глагольных наклонений. Общие вопросы (вопросы ко всему предложению, предполагающие ответ «да» или «нет») почти повсеместно выражаются особой интонацией и, возможно, почти так же повсеместно — вопросительной частицей (русс. *ли*, хопи *pī*, кит. *ма*); в значительно меньшем числе языков вопросительность связана еще и с изменением порядка слов. Вероятно, можно установить более четкую иерархию вопросительных средств.

В отличие от снятия утвердительности и от повеления вопросы (как и форматоры, выражающие отношение говорящего к высказыванию — 2.2.1.4.) относятся к таким прагматическим операциям, которые применимы не только к целым предложениям, но и к отдельным членам предложения. Вопросительные операторы, ориентированные на отдельные члены предложения, различаются по «частям речи» и образуют так называемые вопросительные слова (*wh*-questions). Хотя, по-видимому, существующие специальные формы вопросительных слов зависят, вообще говоря, от того члена предложения, к которому ставится вопрос (что? vs. когда?), наблюдаются любопытные лакуны. Например, очень редко встречаются вопросительные глаголы (**Whatted he?* = букв. *'Чтоил он?', то есть 'Что он делал?'), хотя они все-таки возможны (Sapir, 1921, стр. 126, о языке яна). В ан-

глийском вопросительное прилагательное выражается описательно: *what kind of?* (ср., однако, русск. *какой*, польск. *jaki*, идиш *vos'r*). Не ясно, существуют ли языки, располагающие вопросительными предлогами, хотя эти последние легко себе представить (например, англ. **wher* со значением 'на, или под, или над, или...', как в **Wh-er the table is the book?* 'Находится ли книга на столе, или под столом, или в столе, или...?')¹⁵. Более очевидна причина того, что определенные грамматические различия, присущие той или иной части речи, нейтрализуются у вопросительных слов: если бы *что?* (*what?* и т. п.) имело отдельные формы единственного и множественного числа, это предполагало бы знание числа существительного-ответа еще до того, как задан вопрос. С другой стороны, грамматическая специализация вопросительных слов не обязательно ограничивается грамматическими характеристиками соответствующих частей речи: так, в английском у вопросительного существительного различается одушевленность/неодушевленность (*who/what*; ср. *кто?/что?*); английские вопросительные наречия (*where/when/how* 'где'/'когда'/'как' и даже *why* 'почему') дифференцированы по смыслу гораздо больше, чем невопросительные наречия, у которых категории места, времени и образа действия имплицитны. Вполне вероятно, что различение частных категорий у вопросительных слов, связанное с различными аспектами дейксиса (2.2.2), присуще большинству языков.

— 2.2.1.4. То или иное отношение говорящего к содержанию высказывания всегда имеет место и является объектом психолингвистических исследований (Weinreich, 1958); оно признается лингвистически релевантным лишь постольку, поскольку оно выражается в тексте. Наиболее обычное отношение, находящее формальное выражение на уровне более низком, чем предложение,— это одобрение/неодобрение. Легко вообразить другие системы категорий (например, суффиксы, указывающие, что предмет, обозначенный данным словом, вызывает страх или является желанным, и т. п.), однако такие категории в языках мира пока еще не обнаружены. Что касается измерения 'хорошее — плохое', то здесь гипокористические (ласкательные) формы более обычны, чем пейоративные; в любом языке наличие

пейоративных форм предполагает наличие гипокористических, но не наоборот. Известно также, что такое «экспрессивное словообразование» присуще различным языкам в весьма разной степени (Ullmann, 1953, стр. 232). Среди европейских языков наиболее беден в этом отношении английский, наиболее богаты — итальянский и славянские языки (Stanekiewicz, 1954); из германских языков самым богатым является идиш, возможно, в результате влияния славянского окружения. Выступающее в качестве форматора выражение ласкательности обычно бывает связано с обозначением маленького размера; даже если это и не семантическая универсалия, это, во всяком случае, весьма типичное явление, хотя теоретически дело могло бы обстоять совсем иначе¹⁶. Для разных частей речи показатели оценки (в тех языках, где они есть) характерны, по-видимому, далеко не в равной мере; так, в идиш они вполне обычны у существительных и прилагательных и редки у наречий, а у глаголов встречаются только на языковой периферии (лишь в детском языке). Сомнительно, что существует язык, в котором различия, связанные с выражением оценки, были бы шире представлены у глагола, чем у имени. Показатели оценки характеризуются иногда определенными фонологическими особенностями, например палатальностью в идиш или разными модификациями согласных в нутка (Sapir, 1915); однако даже там, где такие особенности слабо развиты или вовсе отсутствуют, вместо них используются некоторые внеязыковые механизмы (те или иные вокальные характеристики).

Показатели оценки, характеризующие все предложение в целом, представлены гораздо богаче, чем оценочные показатели для отдельных членов предложения. С грамматической точки зрения существует два основных типа выражений для таких «общефразовых» оценок: наклонение глагола, образуемое с помощью аффиксов или вспомогательных глаголов (например, оптим), и специальные «модальные» наречия или частицы (типа *fortunately* 'к счастью'). Так, в языке сьерра-минок глагол обладает желательным наклонением и, кроме того, имеется набор наречий со значением 'хотелось бы' и 'сомнительно' (Freeland, 1951); в потаватоми частицы, означающие 'хотелось бы' и 'сомнительно', мо-

гут сочетаться с конъюнктивом (Hockett, 1948, стр. 215). В европейских языках вполне обычна частица 'очевидности' (нем. ja, франц. donc, русск. *ведь* или *-то*, польск. *przecież*[ż]). По-видимому, во многих языках такие форматоры — показатели оценочного отношения — имеют специфические грамматические и фонологические особенности (односложность, безударность, фиксированный порядок и т. д.; ср. Arndt, 1960).

Подведем итог. Мы можем сказать, что форматоры прагматической категории часто комбинируются с десигнативными компонентами в смешанные знаки. Такие форматоры имеют тенденцию монополизировать некоторые типы языковых средств (например, интонацию) и преобладать среди других типов (порядок слов, энклитики). Среди разных частей речи они распределяются очень неравномерно.

2.2.2. Деиктические знаки¹⁷. Это знаки (или части знаков), отсылающие к тому акту речи, в котором они используются (см. Casa g r a n d e, 1966, стр. 285—292). В число компонентов речевой ситуации, связанных с дейксисом, входят следующие: автор высказывания («1-е лицо») и адресат высказывания («2-е лицо»); время речи (грамматические времена) и ее место (разнообразные указательные элементы); идентичность/неидентичность данного акта речи некоторому другому акту речи (анафора, возвратность, обвиативность* и т. д.). Этот набор представляет собой яркую языковую универсалию, что следует не только из его повсеместной распространенности, но и из рассмотрения других компонентов речевой ситуации, которые также могли бы выражаться в тех или иных языках, но тем не менее, по-видимому, не выражаются: громкость и скорость речи, степень достоверности утверждения и т. п. Насколько мне известно, ни в одном языке нет «наречий» со значением 'громче, чем я сейчас говорю', 'так медленно, как я сейчас говорю' или подобных им.

2.2.2.1. Указания на лицо («личный дейксис») образуют по языкам самые разные структуры, которые вполне заслуживают новых обстоятельных исследований в сопоставительном плане. Так, во многих языках есть формы, обозначающие вместе говорящего и слушающего

* См. ниже, конец п. 2.2.2.4, стр. 182.

(«инклюзивное первое лицо»); однако формы, обозначающие первое и третье лицо ('не ты', 'не вы') или второе и третье лицо ('не я'), как кажется, отсутствуют. Указания на лицо часто комбинируются (в разных языках по-разному) с различиями числа и рода (ср. англ. you, не различающее чисел, и русск. ты и вы). С точки зрения частей речи указания на лицо также распределяются неравномерно. В качестве различительного элемента лицо характеризует, по-видимому, прежде всего, существительное; в глаголе же мы находим только согласование с существительным в лице. Неясно, существуют ли языки, имеющие глаголы вроде *to we = 'быть нами' и т. д. Как указывает П. Ивич, в сербохорватском диалекте Горского Котара утвердительная частица (эквивалент предложения) da 'да' может принимать личные суффиксы: da-m 'yes, I do' (букв. 'я—да'), da-š 'yes, you do' (букв. 'ты—да') и т. д. В рамках класса существительных форматоры — указатели лица комбинируются с десигнаторами, например с указателями общественного положения, лишь в ограниченной степени. Так, существуют языки, в которых есть единые морфемы, означающие 'ты, занимающий более высокое положение, чем я' или 'я, занимающий более низкое положение, чем ты'; однако нет языков, где бы едиными морфемами выражались значения вроде 'ты, учитель' или 'мы, американцы'; выражения таких значений всегда бывают сложными — либо словосочетаниями (как в английском), либо многоморфемными словами (ср. спрягаемые существительные в языке сьерра мивок: mīwī·te·-y 'я индеец'; см. F r e e l a n d, 1951, стр. 26; то же в готтентотском, как указывает Дж. Гринберг).

Особые формы вежливости, которые в одних языках встречаются ограниченно — лишь в пределах местоименной системы, а в других (тибетский, яванский) характерны для значительной части основного словаря, с семантической точки зрения могут рассматриваться под разным углом зрения. Иногда смысловой компонент 'почтительность' не зависит от субъективного отношения говорящего к собеседнику и может рассматриваться наравне со всеми прочими десигнационными элементами (ср. 4.2); так, в тайском языке hat и bāt означают 'королевская рука', 'королевская нога' в отличие от mī и thao 'рука обычного человека', 'нога обычного чело-

века', по-видимому, независимо от того, кто с кем говорит. Если же выбор формы вежливости зависит от отношения говорящего к слушающему или к тому, о чем говорится, то соответствующий компонент значения следует, скорее, относить к показателям отношения (2.2.1.4); ср. в тибетском пары *u* и *go* 'голова', *gongpa* и *sampra* 'мысль', *chhab* и *chhu* 'вода' и т. д. (Gleason, 1955, стр. 156), где первый член — «почтительная» форма, а второй — обыкновенная¹⁸. Однако там, где для второго лица постоянно употребляются «почтительные» формы, а для первого — обычные или уничижительные формы, имеет место как бы пересечение показателя отношения с личным дейксисом. Так, по-видимому, обстоит дело в китайском (Chao, 1956, стр. 219), где *би-чу*, этимологически — 'ветхое место', означает в действительности 'мои родные места', 'у меня на родине'.

2.2.2.2. Указания на время («временной дейксис») обычно реализуются с помощью знаков, которые относятся либо к глаголу, либо, как в китайском, ко всему предложению в целом. «Временной дейксис», по-видимому, не зависит от других видов дейксиса; однако нередко наблюдаются случаи синкретизма временного дейксиса и некоторых кванторных определителей глагола (так, в настоящем времени может опускаться показатель итератива и т. д.), а также определенных прагматических категорий: например, в императиве часто различается меньше времен, чем в индикативе, вполне обычна нейтрализация времени при номинализациях и т. д.¹⁹. Значения ненастоящего времени часто сочетаются со значением ослабления утверждения: ср. использование форм прошедшего времени в значении условного наклонения в английском, использование номинализованных предложений для обозначения далекого прошлого в языке сьерра мивок (Freeland, 1952, стр. 49) и т. д. По-видимому, универсальной закономерностью является следующий факт: по отношению к прошлому в языках проводится больше (или столько же, но не меньше) временных различий, чем по отношению к будущему. Количество степеней «прошлости» и ее типы широко варьируют по языкам и представляют собой интересный материал для исследований. В целом ряде языков имеется специальное время для обозначения того, что произошло с утра сегодняшнего дня до момента речи, и другое

время — для всего случившегося до сегодняшнего дня. Выражения типа 'в воскресенье' или 'летом' обычно обозначают ближайшее к моменту речи воскресенье или лето.

Возможно, является универсалией также и тот факт, что временные наречия никогда не бывают менее дифференцированы, чем соответствующая система глагольных времен (другими словами, у глагола не может быть больше прошедших времен, чем имеется различий типа *вчера*, ...*тому назад*).

Временной дейксис наиболее часто связывается с глагольными формами; однако он выступает и как вполне обычный компонент именных означаемых (the former, quondam, present, future king 'бывший, некогда правивший, ныне правящий, будущий король', the then king 'тогдашний король', the ex-king 'экс-король', the king-to-be 'будущий король'). В таком языке, как тупи, например, как показал Гринберг, существительные изменяются по временам. Временные значения имеют тенденцию комбинироваться с означаемыми, указывающими на абсолютное время (ср. неразложимые в синхронном плане etmol 'вчера' и šilšom 'позавчера' в иврите), но не с другими означаемыми.

2.2.2.3. «Пространственный» дейксис обычно учитывает различия по степени удаленности от говорящего или слушающего (лат. iste 'тот, около тебя' или 'тот, связанный с тобой'), по видимости/невидимости ('тот, которого я вижу'), по степени доступности или же по направлению ('тот спереди' — 'тот сзади'), причем направление обычно определяется относительно говорящего, то есть 1-го лица. (Теоретический анализ «указательности» дается у Collinson, 1937 и Shwayder, 1961.) Там, где существует только одна категория дейксиса, она чаще всего обозначает 'очевидность для 1-го и 2-го лица' (this 'это', thus 'таким образом'); словесное указание может уточняться соответствующим жестом. Пространственный дейксис (как показал Хаусхолдер) также комбинируется с различными означаемыми, особенно — с обозначениями движения; ср. come 'приходить'/go 'уходить' или bring 'приносить'/take 'уносить'. В отношении частей речи пространственный дейксис характеризуется той же несимметричностью, что и вопросительные слова (ср. 2.2.1.3). В европейских языках имеются указательные существительные (неодушевлен-

ное *this* 'это'), прилагательные (*such* 'такой'), «сверхдифференцированные» наречия (места: *here* 'здесь', времени: *now* 'теперь', образа действия: *thus* 'так'), однако нет указательных предлогов или глаголов (**to this*, букв. **этить* 'делать это'); эта потенциальная категория настолько чужда некоторым семантическим системам, что в идиш, например, указательный глагол (*dosn*) употребляется только в слэнге и означает 'испражняться'²⁰. Далее, тогда как существительные и наречия времени и места обычно выражают бинарное противопоставление близости/удаленности (*this/that* 'этот/тот', *now/then* 'теперь/тогда', *here/there* 'здесь/там'), в наречиях образа действия и в прилагательных это противопоставление выражается реже; ср. русск. *так, такой* (удаленность)/*этак, этакий* (близость), сербохорв. *овакав/онакав* (Ivić), кит. *чжэма/нэма* (Hockett) с англ. *thus, such*, неспособными выражать различия по удаленности. Случаи подобной несимметричности должны быть исследованы на широком материале самых разных языков.

Пространственный дейксис легко комбинируется с абсолютными пространственными указаниями, особенно в тех языках, где учитывается лишь очень небольшая географическая зона и где, например, слово *выше* может означать также и 'к северу' — из-за направления склона, господствующего в данной местности (об одной подобной системе ориентации см. *Naugle*, 1957).

2.2.2.4. Наиболее разнообразно оформляется, по-видимому, противопоставление «того же самого» и «не того же самого» акта речи. Во всех языках есть такие «проформы», как англ. *he* 'он', которые употребляются вместо других форм, чтобы избежать повторения этих последних в пределах отрезка речи, рассматриваемого как «тот же самый». Однако в целом эти «проформы» распределены по частям речи очень неравномерно. Местоимения есть, вероятно, во всех языках, однако лишь немногие языки имеют «местоглаголие»; среди европейских языков только английский имеет в лице глагола *to do* (по крайней мере зародышевый) заменитель группы сказуемого. Во многих языках в качестве заменителя прилагательных, числительных и наречий различных типов выступает, по-видимому, безударная форма соответствующего указательного местоимения (ср. *У него такие волосы* = 1) '...волосы такого типа', 2) '...волосы упомя-

нутого типа'). Однако для местоимений, заменяющих существительное, и местоимений, заменяющих прилагательное (определенный артикль), по крайней мере некоторые языки проводят различие между чисто указательным (demonstrative) и анафорическим (within-the-discourse) дейксисом: англ. he/the, в отличие от this, франц. lui(il)/le, в отличие от ce, celui, -ci, ça. В немецком это различие также проводится (er/der — dieser), однако идиш утратил его, прибегнув к столь обычному для многих языков приему, как различение ударных и безударных указательных слов. Вполне возможно, что нейтрализация определенных противопоставлений анафорического дейксиса в конструкциях типа Bill's books (<(some) books? the books?) является универсалией. Во всяком случае, такая нейтрализация имеет место, по видимому, чаще, чем сохранение соответствующего различия, как в англ. a friend of mine 'один мой друг' и в идиш (но не немецком!) *majnər a frajnd*.

Обычно анафорический дейксис применяется для ссылок «назад», на текст, предшествующий моменту речи, поскольку назначение такого дейксиса состоит в использовании уже сообщенной информации. Однако возможен и анафорический дейксис «вперед»; примером его могут служить такие заменители прилагательных и наречий, как *следующий, следующим образом*, англ. (let me say) this '(позвольте мне сказать) вот что'.

В большинстве языков существуют также грамматические средства, сферой действия которых являются небольшие, точно ограниченные отрезки текста. В качестве такого отрезка часто выступает предложение; например, именно в рамках предложения действуют правила согласования (в одушевленности, лице, числе...) между подлежащим и сказуемым или сказуемым и дополнением; в пределах предложения возможно также согласование между временем глагола и наречием времени. С предложением совпадает также и сфера действия правил рефлексивности (выделение объекта с помощью специальных показателей в том случае, если он совпадает с субъектом того же самого глагола) или так называемой обвиативности (использование различных «лиц» для различных объектов одного и того же глагола). Рефлексивность может выступать в рамках предложения не только в виде специальных грамматических форм, но и как

компонент значения слов, например англ. (one's) own 'собственный', home (=one's own home) 'свой собственный дом', along 'вместе (с субъектом)', enough 'достаточно (для себя)' и т. д.

Акт речи остается «тем же самым» в тех пределах, в которых действуют правила согласования, правила рефлексивности и т. п. Это, по-видимому, универсальное явление.

2.2.3. Логические операторы. В данном параграфе мы рассмотрим языковые эквиваленты логических операций исчисления высказываний. Эти операции могут быть сингулярными (отрицание) и бинарными (конъюнкция, дизъюнкция, импликация, эквивалентность).

Ни в одном языке логические операции не выражаются максимально экономным образом. Известно, что все указанные операции могут быть сведены всего к двум элементарным операциям (например, к конъюнкции и отрицанию) или даже к одной (так называемому штриху Шеффера); в связи с этим было бы интересно исследовать, какого рода избыточность наиболее характерна для языковых аналогов логических операторов. Чтобы оценить масштаб возможных в этом отношении расхождений между языками, достаточно указать на различие в латинском языке *vel* и *aut* (строгая и нестрогая дизъюнкция), тогда как в современных европейских языках нет ничего подобного; ср., однако, развитие союза *and/or* 'и/или', то есть специального показателя нестрогой дизъюнкции. Отметим еще наличие альтернативных выражений для *and not* 'и не' (например, *except* 'за исключением') и *if not ... , then* 'если не ..., то' (например, *unless* 'если только не') в английском. В древнегреческом существует два отрицания: одно ($\mu\eta$) содержит смысловой элемент 'зависимость', а другое ($\alpha\upsilon$) не имеет такого добавочного смысла (Seiler, 1958, стр. 694 и сл.). Замечательный анализ некоторых «логических операторов» английского языка дан в работе Strawson, 1952, стр. 78—92. В этих операторах значение самой логической операции обычно слито с прагматическими компонентами, например: *but* 'но' = 'и + удивительно'; *yet* 'однако, а все-таки' = 'и + очень удивительно'; *p although q* '*p*, хотя и *q*' = '*q* и, удивительно, *p*', и т. д. Некоторые логические операции характеризуются (в зависимости от языка) различной степенью

определенности сферы их действия; было бы интересно провести сравнительное исследование ряда языков с этой точки зрения. Так, в английском языке далеко не всегда можно однозначно решить, что именно отрицается — глагол-сказуемое или все предложение в целом. Впрочем, любой из остальных членов предложения почти всегда может быть подвергнут отрицанию сам по себе: если не с помощью частицы *not*, то с помощью префиксов *in-* или *pop-*²¹. В одних языках, как в английском²², отрицание относится к особому небольшому классу слов, в других же оно является членом некоторого большого класса, обычно — глаголов (**to not*, букв. 'некать', например, в финском или яна). Изучение отрицания на материале многих языков даст, безусловно, важные результаты.

Отрицание очень часто комбинируется с другими означаемыми, в результате чего образуются парадигмы антонимов: ср. англ. *over* 'над' = 'не под' / *under* 'под' = 'не над'; *well* 'здоров' = 'не болен'; франц. *ignorer* 'не знать' и т. д. Во многих (почти во всех?) языках отрицание комбинируется также со знаком для переменных; при этом возникают ряды с различной степенью грамматико-семантического изоморфизма (ср. *some* 'какой-нибудь, какой-то, некоторый' — по 'никакой', *somebody* 'кто-нибудь, кто-то' — *nobody* 'никто', *sometimes* 'иногда, когда-нибудь' — *never* 'никогда' вместо более старого *ever* — *never*; однако *somewhat* 'несколько', но не **powhat*).

Логические операции особенно часто сопровождаются эллипсисом, ср. 3.1.5.

2.2.4. Кванторы. То, как представляются в естественных языках операции, аналогичные связыванию переменных в логических исчислениях, еще нуждается в специальном исследовании. Однако даже самые предварительные соображения позволяют выдвинуть ряд гипотез. Во-первых, естественные языки осуществляют квантификацию гораздо более избыточным образом, чем логические системы, где все «кванторы» могут быть определены через отрицание и одну элементарную операцию. Совершенно очевидно, что ни в одном языке количественные числительные не представляются так, как это делается в математической логике. Было бы весьма заманчиво исследовать системы числительных в самых разных языках с точки зрения наиболее универсальных

отклонений этих систем от логики (П. Ивич). Во-вторых, во многих языках общие утверждения выразимы в форме, аналогичной логической форме $(x)f(x)$ (например, *кто бы ни...*), однако они всегда могут быть выражены (и обычно выражаются) иначе: так, как если бы квантор всеобщности был десигнатором (*все книги как интересные книги*). В-третьих, в естественных языках кванторы связываются не только с «термами-аргументами» (скажем, с существительными), как в простом исчислении высказываний, но и с «термами-функциями», а также с деиктическими форматорами. Так, в английском языке квантор всеобщности выступает и в качестве существительного (*whoever* 'кто бы ни'; *everything* 'всё', *everybody*, *all* 'все'), и в качестве прилагательного (*whichever* 'какой бы ни'; *every*, *each*, *all* 'любой, всякий, каждый'), и в качестве наречия (*wherever* 'где бы ни', *everywhere* 'повсюду'; *whenever* 'когда бы ни', *always* 'всегда'; *however* 'как бы ни'; но не **everyhow* 'по-всякому', несмотря на *anyhow* 'как-нибудь!'). Однако в английском нет «глагола всеобщности» (**to all* 'всёкать' = 'делать всё'). Как и в случае с логическими операциями (см. 2.2.3), здесь представлено смешение с прагматическими компонентами, например: *только* \cong 'удивительно + не более чем'. Весьма распространенным способом квантификации является использование при названиях действий, событий и состояний смысловых компонентов, относящихся к частоте или завершенности этих действий, и т. д. Во многих языках такие смысловые компоненты представлены отдельными морфемами (многократный вид, совершенный вид и т. п.), в других они лексикализированы, то есть комбинируются с означаемыми и образуют смешанные знаки (ср. англ. *some* 'несколько': *all* 'всё' = *to carry* 'нести [часть]': *to fetch* 'принести [всё]'; *one* 'один': *many* 'много' = *to attend* 'присутствовать': *to frequent* '[часто] посещать'). Для квантификации событий многие языки обладают специальными подсистемами, например: *однажды*, *дважды*, *n раз*, *всякий раз*, *ни разу*²³. Можно легко представить себе простые (непроизводные) термины для квантификации пространственно-временного дейксиса: 'всегда прежде', 'однажды прежде', 'время t тому назад' и т. п.; однако их трудно найти в реальных языках.

Любой язык имеет средства для выражения квантора существования. Этот семиотический класс пересекается с грамматическим членением на части речи и их подклассы. Возможно, является универсалией тот факт, что грамматическая классификация знаков для квантора существования соответствует грамматической классификации вопросительных (2.2.1.3) и указательных, то есть деиктических (2.2.2.3), знаков. Так, в английском языке имеются неопределенные местоимения следующих типов: заменители существительных (одушевленное: somebody 'кто-то, некто' и неодушевленное: something 'что-то, нечто'), заменители числительных, выступающие также и как заменители прилагательных (some 'некоторый, несколько' и any 'любой', связанные сложными взаимоотношениями), и заменители наречий образа действия, места и времени (somehow 'как-нибудь', somewhere 'где-нибудь', sometime[s] 'иногда', но вряд ли somewhen!), однако нет наречий со значением причины (невозможно *somewhy 'почему-нибудь' для why 'почему'). Следует особо отметить отсутствие неопределенного «местоглаголия» (*to something 'что-либить' = 'делать что-либо'), а также тот факт, что даже существующие имена переменных несимметричны и являются грамматически сложными. Эти нерегулярности типичны как отклонение от логической модели.

По-видимому, имена переменных обычно не сочетаются с означаемыми (десигнатами). Однако если правомерно сопоставление таких слов, как say 'говорить' и talk 'разговаривать' = 'говорить нечто' или await 'ждать' и wait 'ждать, находиться в ожидании' = 'ждать чего-либо', то в этих парах можно усмотреть подобные сочетания; переменные как бы скрываются в переходности глаголов, когда объект не указан. Во многих языках такое «ожидание объекта» выражается явно в форме глагола: венг. írok 'я пишу' — írom 'я пишу...' [обязательно указывается, что именно я пишу].

По-видимому, во всех языках проводится различие между «исчисляемым» (divided) и «неисчисляемым» (undivided) денотатом (Quine, 1960, стр. 90 и сл.), то есть между существительными, при которых кванторные слова имеют вид *an x*, *one x*, *many x* 'один *x*, многие *x*', и существительными, при которых кванторные слова

имеют вид *some x*, а *little x*, *much x* 'немного, мало, много *x*'²⁴. Но тогда как в английском уточнение характера денотата (исчисляемое или неисчисляемое) для существительного обязательно, в большинстве других языков выражение данного различия факультативно. Это различие встречается и не только у существительных: так, аналогом исчисляемости у глаголов являются мгновенный (*punctual*) и итеративный виды. Сравнение английского и русского языков показывает, что грамматикализация исчисляемости/неисчисляемости в одном классе слов еще не предполагает аналогичной ситуации в каком-либо другом классе слов.

Особым подклассом «исчисляемых» существительных являются обозначения индивидуумов, часто не имеющие своего смыслового компонента (десигната), — имена собственные. (О семиотической природе собственных имен см. Sørensen, 1958.) В английском и многих других языках собственные имена обладают целым рядом грамматических особенностей; ср., например, имя собственное *Dolly* и нарицательное *the/a dolly* 'кукла'. Эти особенности, естественно, варьируют от языка к языку²⁵. Хаусхолдер и Хоккетт предполагают, что в любом языке собственные имена образуют особый — с точки зрения их семиотической функции — класс знаков с особыми грамматическими свойствами.

По всей вероятности, для обозначения индивидуальных объектов, фактов и т. п. все языки используют только один класс слов, то есть имеют только «имена собственные», но не имеют «собственных глаголов».

В ряде европейских языков проводится различие между неопределенными (англ. *a so-and-so*, *some so-and-so*) и определенными (англ. *the so-and-so*) дескрипциями, а также, соответственно, между относительным (англ. *the sweetest* 'самый сладкий из...') и абсолютным (англ. *a most sweet...* 'сладчайший, крайне сладкий') суперлативом. Такое различие, по-видимому, не типично для большинства языков мира и является для европейских языков общей инновацией; это подтверждается тем, что для определенной дескрипции используется то же формальное средство (определенный артикль), что и для анафорического дейксиса. Определенные дескрипции могут быть только существительными.

Итак, мы рассмотрели целый ряд семантических форматоров; анализ чисто синтаксических форматоров²⁶ будет дан в параграфе 3.1.3.

2. 3. Метаязыковые знаки и операции

В обычной ситуации общения любой естественный язык используется также и как свой собственный метаязык. Тот факт, что начиная со средних веков логики затратили немало усилий, чтобы различить использование знаков и их упоминание, как раз и свидетельствует о том, что язык маскирует это различие. Для некоторых целей полезно выделить в словаре данного языка те элементы, десигнатами которых являются те или иные аспекты самого языка, например: *слово, говорить, спрягать, означать, истинный* (ср. Reichenbach, 1948, стр. 58); однако в целом такие слова не имеют ни фонологических, ни грамматических особенностей. Интересным здесь является вопрос о механизмах, эквивалентных показателям цитации, то есть о механизмах, позволяющих отличать использование знака неопределенного типа от его упоминания. Во многих культурах (в том числе, как указывает Хоккетт, в обществах, не имеющих письменности) используются «устные кавычки», выражаемые паузами, особой интонацией или особым характером звучания голоса. Однако переходы к метаязыку начинают регулярно отмечаться стандартным и явным образом, по-видимому, только на письме; впрочем, и в письменности использование кавычек укоренилось сравнительно недавно, причем для малограмотных их правильное употребление представляет значительные трудности²⁷. Во многих языках существуют выражения типа *так называемый* или *to wit* 'то есть, а именно'²⁸, но в подобных случаях преобладает скорее свободная импровизация, а не стандартные, навязываемые языком средства. Указывают, что в некоторых языках существуют особые «пересказывательные (или цитатные) наклонения», однако здесь необходимо различать простое снятие утвердительности (2.2.1.1), способное выполнять самые разные функции, и специальные механизмы выражения «цитатности», «пересказывательности».

Другая метаязыковая операция — определение (дефиниция) — широко распространена во всех культурах.

Мы имеем в виду, например, ответы на вопросы типа: «Что такое X ?» Однако нам неизвестен язык, в котором высказывания-дефиниции имели бы в качестве особого семиотического класса какие-либо специфические грамматические свойства²⁹.

В заключение еще раз подчеркнем, что для каждого языка следовало бы составить перечень всех его мета-языковых средств, таких, как англ. *true* 'истинный', *real* 'реальный', *so-called* 'так называемый', *strictly speaking* 'строго говоря', нем. *eigentlich* 'собственно (говоря)', или, как наиболее мощный экстраполятор, — англ. *like* 'вродеподобие'. Все эти слова используются как инструкции при более или менее приблизительной/строгой интерпретации десигнатов.

3. Комбинаторная семантика

3.1. Семиотическая структура речи

3.1.1. Типы комбинаций знаков. Пытаясь выяснить, что именно получается, когда знаки — в соответствии с правилами грамматики — комбинируются друг с другом и образуют текст (речь), мы обнаруживаем два несводимых друг к другу семиотических процесса, которые мы назовем «соединение» (*linking*) и «вставление» (*nesting*). Соединение неоднократно обсуждалось в философской литературе, хотя, по-видимому, гораздо больше теоретических трудностей возникает при рассмотрении вставления.

Соединение представляет собой результат такого грамматического связывания двух знаков³⁰, которое влечет за собой логическое перемножение их десигнатов. Пусть, например, слово *flower* 'цветок' имеет десигнат (означаемое) ' $c_1 \cdot c_2 \cdot c_3$ ' (c_1 , c_2 и c_3 — это условия, при которых слово *flower* обозначает; ср. 1.2), а слово *yellow* 'желтый' — десигнат ' $c_4 \cdot c_5$ '; тогда *yellow flower*, будучи грамматически правильным английским словосочетанием, имеет сложный десигнат ' $c_1 \cdot c_2 \cdot c_3 \cdot c_4 \cdot c_5$ '. Точно так же в (to) *walk fast* 'идти быстро' десигнат всего словосочетания представляет собой логическое произведение десигнатов *walk* и *fast*. Семиотический процесс соединения эквивалентен конъюнкции в булевой алгебре³¹.

Можно показать, что соединение осуществляется на разных уровнях. Так, мы рассматриваем результат комбинации dark 'темный' + yellow 'желтый' → dark yellow 'темно-желтый' как соединение; аналогично и для yellow + flower. Однако словосочетание dark yellow flower неоднозначно: хотя, согласно одной интерпретации, его можно истолковать как повторенное соединение ('нечто, что является цветком, и является желтым, и является темным' = 'темный желтый цветок'), в соответствии с другой интерпретацией ('темно-желтый цветок') получается двухуровневое соединение: имеется нечто, что является цветком и является желтым, и имеется нечто, что является желтым и темным, причем второе «нечто» не совпадает с первым: второе «нечто» — это не сам цветок, а его цвет, то есть свойство цветка. Указанную ситуацию нетрудно описать на языке так называемого исчисления предикатов второй ступени, в рамках которого можно говорить о свойствах свойств. Другими словами, в этом исчислении допускаются выражения не только вида « $f(a)$ » или « $f(a, b)$ », но и вида « $\Phi(f)$ » и даже комбинированные выражения вида « $f(a) \cdot \Phi(f)$ ». На основании этого наш пример можно записать (ср. Reichenbach, 1948) так:

$$(\exists x)(\exists f) F(x) \cdot f(x) \cdot Y(f) \cdot \delta(f),$$

где F — flower, Y — yellow, а δ — dark [x — 'нечто', f — 'свойство']. С точки зрения эпистемологии не вполне ясно, насколько целесообразно применять исчисление предикатов второй ступени³², однако для описания (а не для критики) семиотической структуры текста на естественном языке никакие другие более совершенные средства не предлагались.

Рассмотрим теперь такие выражения, как buy flowers 'покупать цветы' или under water 'под водой'. Здесь уже нельзя говорить о логическом умножении (конъюнкции) означаемых. Дело обстоит, скорее, так, что buy и under имеют как бы пустые места, заполняемые словами flowers и water соответственно, причем buy и flowers (under и water) взаимодействуют совсем не так, как yellow и flower в yellow flower. Одно из различий между этими сочетаниями и сочетанием yellow flower объясняется тем, что buy 'покупать' и (be) under '(быть)

под' — это названия двухместных отношений:

$$x \text{ buys } y = B(x, y) \\ w \text{ is under } z \Rightarrow U(w, z).$$

Однако ссылки на двухместность еще недостаточно: некоторые двухместные отношения типа 'быть похожим на' или 'состоять в браке с' *могут* быть описаны как соединения. Для таких случаев, как buy и (be) under, явно необходимо еще указать, что это несимметричные (точнее, антисимметричные) двухместные отношения, то есть

$$B(x, y) \supset \overline{B(y, x)} \\ U(w, z) \supset \overline{U(z, w)}$$

В несимметричных отношениях один аргумент, по-видимому, семиотически «соединяется» с функцией (предикатом), а другой вставляется в нее. В семиотической теории, трактующей десигнацию так, как это было намечено в 1.2, операция соединения описывается интуитивно приемлемым образом, тогда как операция вставления должна вводиться посредством специального определения³³.

Примем следующее соглашение: в многоместных несимметричных отношениях первый и только первый аргумент будет считаться «соединяющимся» с предикатом; но, поскольку обычно по самой записи не видно, является ли данное отношение симметричным, целесообразно будет ввести специальное обозначение для «вставляемого» аргумента, например знак акцента: « $B(x, \acute{y})$ » и т. п.

При вставлении, как и при соединении, возможно много «уровней». Рассмотрим фразу Jim observed the counting of votes 'Джим наблюдал за подсчетом голосов'. Она может быть выражена формулой:

$$O(x_1, C) \cdot C(x_1, \acute{y}),$$

где O = 'а наблюдает b ', C = 'с подсчитывает d ', x_1 = 'Джим', \acute{y} = 'голоса', а x — опущенный первый аргумент предиката C (не сказано, кто подсчитывает голоса). Для фразы Jim liked to observe the manufacture of lawnmowers 'Джим любил наблюдать за изготовлением травокосилок' мы получим формулу с четырьмя уровнями вставления.

Можно считать, что операнды всех операций, представленных форматорами (2.2), также связаны с этими операциями отношением вставления. По-видимому, трудности, возникающие при записи смешанных знаков, можно было бы преодолеть; и если язык весьма сложен, то это не вина лингвиста.

Проверим теперь теорию о двух типах комбинаций знаков на нескольких примерах. В английском предложении *The three bitterly crying children walked home fast* 'Трое горько плачущих детей быстро шли домой' представлен трехместный предикат *walk* 'идти' 1-го уровня с аргументами *children* 'дети', *home* 'домой' и *-ed* 'время до момента речи'; *children* соединяется с *walk*, а *home* и *-ed* вставляются в *walk*. Имя предиката *walk* само выступает как аргумент другого предиката (2-го уровня) *fast* (причем *walk* соединено с *fast*). То, что является аргументом предиката нулевого уровня [*x is a*] *child* '[*x* есть] ребенок', является также аргументом и другого предиката нулевого уровня [*x*] *cries* '[*x*] плачет'. Этот предикат нулевого уровня в свою очередь является аргументом предиката 1-го уровня [*x*] *is bitter* '[*x*] горек'. Мы оставляем открытым вопрос, следует ли рассматривать *three* 'три' и *-ed* 'прошедшее время' как предикаты-десигнаторы с аргументами *children* и *walk* или как форматоры, то есть как имена недесигнационных семиотических операций, применимых к *children* и к *to walk*. Показателем такой операции, безусловно, является *the* ('те самые дети, которые упоминались выше'). И, наконец, слово *home* имеет смысловую структуру, соответствующую выражению 'дом этих детей', где имплицитно содержится предикат со вставлением *x has a home* 'у *x* есть дом' и предложение *The x who walked is the x who had a home* 'тот *x*, который шел, — это *x*, у которого был дом'. Мы не станем приводить здесь формальный результат анализа³⁴.

Более простой пример — корейское предложение *Kim-əp sə-čək-əl ppalli ilkət-səmnita* 'Ким быстро читал новую книгу'. Здесь выделяется предикат *f = ilk-* 'х читает у во время *t*'; его аргументы: *x = Kim*, *y = čək* 'книга' и *t = -ət* — время до момента речи. Аффикс *-əp* — это синтаксический форматор, показывающий, что именно является *x*-аргументом для *f*; аналогично, *-əl* показы-

вает, что является y -аргументом для f^* . Предикат $f = \text{ilkæt}$ 'читал' сам оказывается аргументом предиката $\phi(f)$, где $\phi = \text{ppalli}$ 'быстро'. Аргумент y предиката $f(x, y, t)$ есть в то же время аргумент и другого предиката — $g(y)$, где $g = \text{se}$ 'новый'. В одноместных предикатах ϕ и g мы находим соединение, а в трехместном предикате f — соединение между f и x (и, возможно, t ; ср. замечания относительно *-ed* в английском примере) и вставление y в f .

В заключение рассмотрим два известных примера из языка нутка. Выражение *lash-tskwiq-ista-ma* 'выбирать-результат-в-лодке-утверждение' переводится Уорфом (Whorf, 1956, стр. 236) как «they are in a boat as a crew of picked men» (букв.: 'они в лодке в качестве экипажа из отборных людей'). По-видимому, здесь следует усматривать предикат вида $f(x, y)$, в котором соединяемый аргумент — x — может быть опущен, что дает $f(, y)$, или, в специальной записи, $f(\hat{x}, y)$. Предикат $f = \text{lash}$ 'выбирать', а *tskwiq* (по Уорфу — 'результат') — это показатель аргумента y . Однако здесь y выступает как переменная и оказывается аргументом еще и другого предиката, $g = \text{-ista}$ 'быть в лодке', где y также находится с предикатом в отношении соединения. Всё предложение, таким образом, имеет форму:

$$\vdash g(y) \cdot f(\hat{x}, y)$$

и означает приблизительно следующее: 'Утверждается, что избранные находятся в лодке' или '...что они, избранные, в лодке'. Это гораздо яснее, чем вымученный перевод Уорфа. Еще проще не имеющее предикатов второго уровня предложение *limš-ja-ʔis-ita-ʔi-lma* 'варить-результат-есть-деятели-идти для-он делает'. Уорф (Whorf, 1956, стр. 242) переводит его: 'он приглашает гостей на пир', чем искажает действительную картину. На самом деле здесь представлено три двухместных предиката: $G(x, y)$, где $G = \text{ʔil}$ 'х идет за y', причем x

* Элемент *-səmnita* является показателем так называемой «повествовательной конечной сказуемости» в вежливой речи; без него невозможен акт предикации (*ilkæt* — это только основа, а не «полноценная» глагольная словоформа); кроме того, он означает, что предложение произнесено с установкой на наличие собеседника (например, в диалоге) и что этот собеседник относится к категории «Вы». — Прим. перев.

может быть опущен; $E(x, y)$, где $E = ?$ is 'x ест y'; $B(x, y)$, где $B = \text{limš}$ 'x варит y' (здесь x также может быть опущен). Далее, $-ja-$ показывает, что предшествующий элемент есть y у B (то есть $\text{limš}-ja-$ — 'то, что варят; варимое'), а $-ita-$ — что предшествующий элемент есть x у E (то есть $-?is-ita-$ — 'тот, кто ест; едок'); конечное $-ta$ — показатель утверждения. Все предложение может быть представлено как:

$$\vdash G(u, \psi) \cdot E(\psi, z) \cdot B(u, z)$$

[здесь u — тот (те), кто варит и приглашает, ψ — приглашенные (они же едоки), z — пища].

Теперь мы можем сформулировать важную гипотетическую универсалию:

Во всех языках комбинирование знаков осуществляется либо путем соединения, либо путем вставки, и во всех языках оба способа используются в ядерных предложениях. В результате применения трансформаций не появляется (каких-либо) новых типов комбинирования знаков. Число уровней комбинирования теоретически не ограничено; однако соединение глубже трех и вставка глубже четырех уровней встречается очень редко.

3.1.2. Сочетаемость десигнатов. До сих пор ради простоты мы допускали, что любой десигнат может быть соединен с любым другим или вставлен в любой другой. Однако такие выражения, как *желтые песни, кислые права, пить лед* и т. п., семантически вряд ли приемлемы; это заставляет предположить, что десигнаты подразделяются на классы, которые не всегда одинаково легко сочетаются между собой³⁵.

Наши знания о конкретных семантических системах, к сожалению, абсолютно не достаточны, чтобы пытаться сформулировать здесь какие-либо универсалии. Похоже, что несочетающиеся друг с другом классы десигнатов есть во всех языках. Кроме того, физические (денотативные) основы сочетаемости десигнатов — например, тип восприятия (зрительное, слуховое...) и вообще чувственная воспринимаемость/невоспринимаемость, пространственная и временная приуроченность, количество и т. д. — являются, по-видимому, общими для очень многих (ср. Cassiger, 1923), а может быть и для всех

языков. Когда начинают сопоставлять языки двух весьма близких культур, скажем, английский и немецкий (Leisi, 1953), выясняется, что, хотя сочетаемость отдельных «почти-эквивалентов» в этих языках может быть разной, сочетаемость в целом оказывается очень сходной. Так, английскому *to pour* в немецком соответствует два глагола: *giessen* 'наливать' и *schütten* 'насыпать' в зависимости от того, является ли объект действия жидкостью или нет; однако соответствующее различие проводится и в английском, но только в других контекстах (*eat* 'есть'/*drink* 'пить'...). Впрочем, отсутствие данных по рассматриваемому вопросу представляется катастрофическим.

Семантическая теория не может считаться полной, если она не учитывает эффектов, возникающих из-за комбинирования «несовместимых» десигнагов. Как указывает Б. Грушовский, сочетание несовместимых десигнагов — это обычный в «гиперсемантизированной» речи прием; он может использоваться пишущим/говорящим для того, чтобы заставить читателя/слушателя обнаружить некоторые новые, непредусмотренные кодом связи между десигнатами³⁶. По всей вероятности, импровизированные сочетания несовместимых десигнагов возможны в любой культуре; однако различные культуры, наподобие различных литературных периодов в рамках западноевропейской культуры, могут отличаться друг от друга отношением к этому семантическому приему, то есть тем, насколько обычным он признается. Так, небывалое распространение семантического экспериментирования в современной западной поэзии, возможно, влечет за собой гораздо большую, чем обычно, допустимость сочетаний семантически несовместимых десигнагов.

3.1.3. Показатели семиотической организации текста. Наш анализ комбинаторики знаков, или «синтагматическая семиотика», должен быть дополнен описанием тех знаков, упоминавшихся в 2.2(5), которые Рейхенбах (Reichenbach, 1948, стр. 318 и сл.) назвал «логическими элементами, играющими синтаксическую роль». Эти знаки служат показателями имен аргументов и имен предикатов, обозначают соединения и вставки, указывают сферы действия прагматических и семантических операторов, короче

говоря, они организуют высказывание. К таким знакам относятся некоторые аспекты порядка слов, согласование, отдельные элементы склонения и спряжения, а также «неявные», «криптотипические» (W h o r f, 1956, стр. 92 и сл.) средства—принадлежность десигнаторов к особым грамматическим классам. Следует заметить, что, хотя при подобном перечислении мы говорим о синтаксических операторах, ссылаясь на их грамматические свойства, в действительности они не определяются этими свойствами: определяющим и здесь является семантический критерий, который лишь частично совпадает с грамматическим (ср. 1.2). Например, в склонении существительных одни падежи выступают только как синтаксические операторы, тогда как другие имеют десигнативное содержание. Номинатив может быть просто признаком подлежащего, то есть аргумента, соединяющегося со своим предикатом; в то же время иллатив ('движение вовнутрь'), противопоставленный элативу ('движение изнутри'), показывает вставку аргумента в предикат и одновременно имеет собственное десигнативное значение. Когда мы относим соединения глагола с именем к тому же классу, что и некоторые соединения глагола с наречием, семантическая классификация опять пересекается с грамматической. Неразличение указанных критериев неминуемо ведет к путанице, которая в случае сепировской типологии языков (S a p i r, 1921) достигла воистину удивительных масштабов (ср. M o s t, 1949).

В этой связи одной из наиболее спорных проблем является проблема так называемого «грамматического значения». Некоторые лингвисты полагают, что значение знаков одного типа (\cong форматоров?) качественно отличается от значения знаков другого типа (\cong десигнаторов?). Приведем только один из многочисленных примеров: «Голл. *paarden* 'лошади' [мн. ч.] действительно обозначает 'более чем одну лошадь', однако *-en* [суффикс мн. ч.] не означает 'более чем один'» (R e i c h - l i n g, 1935, стр. 353). В современной советской лингвистике монополия принадлежит модели «слово и парадигма» (H o c k e t t, 1954, стр. 90), и мысль о возможном сходстве семантической роли аффиксов и основ считается абсурдом (например: Б у д а г о в, 1958, стр. 5 и др.; З в е г и н ц е в, 1957, стр. 98 и сл.; С а в ч е н к о, 1959,

стр. 35 и сл.; Шендельс, 1959). В соответствии с противоположной точкой зрения никакого особого «грамматического значения» нет, есть лишь особые знаки, обладающие свойством грамматической (но не семантической!) обязательности³⁷. Мы полагаем, что верна только вторая точка зрения; только она и согласуется с требованиями автономности семантических и грамматических критериев (1.2)³⁸. Различие между «материальным» и «формальным» значением, мучившее лингвистику со времен Шлейхера (Cassirer, 1923, стр. 164), не только тесно связано с особенностями индоевропейских языков, то есть, так сказать, этноцентрично, но фактически не приложимо даже и к этим языкам, что и заставляет отказаться от него. Различие между автокатегорематическими и синкатегорематическими знаками почти во всех его многочисленных интерпретациях приводит к неясному смешению грамматических и семантических критериев и также абсолютно неприемлемо. Вопрос о том, какие же именно знаки «принадлежат» грамматике, остается открытым, однако каковы бы ни были критерии этого — связанность, обязательность и т. д. — они должны быть *грамматическими*, несемантическими критериями³⁹.

Специфические грамматические свойства знаков, обеспечивающих семиотическую организацию речи, представляют собой материал для обширного исследования и не могут быть рассмотрены здесь хотя бы вкратце. Единственный вопрос, которого мы хотели бы коснуться, — это возможность неоднозначности семиотической организации.

а) *Суммирование vs. соединение*. В § 3.1.1. указывалось, что соединение имеет место всякий раз, когда реализуется грамматическое сочетание знаков. Однако языки располагают и эксплицитными показателями соединения, такими, как англ. *and*, русск. *и* и т. п.; ср. *cozy old houses* = *cozy and old houses* 'уютные и старые дома'. Эти показатели соединения — как отдельные слова, так и прочие возможные средства — могут быть омонимичны с показателями другого семантического процесса, эквивалентного арифметическому суммированию; ср. *four hundred and twenty* 'четыреста двадцать'. (О полисемии союза 'и' ср. Bühler, 1934, стр. 317 и сл.; Hockett, 1958, стр. 185 и сл.). Таким образом,

неоднозначность может возникнуть за счет неясности того, что именно имеется в виду — соединение или суммирование: ср. *old and experienced women* 'старые и опытные женщины' = 1) одни и те же женщины и старые, и опытные, 2) одни женщины старые, а другие — опытные. Там, где суммирование выражается с помощью простого соположения, как в литературном древнекитайском, возможны также «парадоксы» типа *бай ма фэй ма* 'белая лошадь не есть лошадь' = 'белое [и] лошадь не [есть] лошадь' (Maspero, 1933, стр. 52).

б) *Симметричность соединения*. В то время как в исчислении предикатов первой ступени (в «простом» исчислении предикатов) различие между предикатами и аргументами имеет решающее значение (выражение « $f(x)$ » является «грамматически правильным», а выражение « $x(f)$ » — нет), в исчислении предикатов второй ступени, то есть, стало быть, и в естественных языках, это различие не очень существенно. Если выражения « $x(\Theta)$ » ('это есть x '), « $f(x)$ », « $\phi(f)$ » и т. д. являются грамматически правильными, то для одноместных предикатов безразлично, писать ли « $f(x)$ » или « $x(f)$ ». Разумеется, большинство лингвистов полагает вместе с Сепиром (Sapir, 1921, стр. 126), что во фразе всегда «должно быть нечто, о чем идет речь, и об этом предмете речи, когда он выбран, что-то должно быть сказано». Но, опираясь только на те критерии, которые можно обнаружить внутри самой фразы, мы можем отметить лишь (исключая некоторые предложения особой формы; ср. 3.1.5), что «имеются по крайней мере две вещи, которые говорятся, так сказать, друг о друге». Решение вопроса, какая из этих двух «вещей» является *темой* (topic, thème), а какая — *ремой* (comment, propos), зависит от того, что именно было введено в контексте предшествующей речевой ситуации как новое⁴⁰.

в) *Несимметричность вставления*. Совсем иначе обстоит дело со вставлением: здесь название отношения и название вставляемого аргумента различаются по их роли, что весьма существенно в семиотическом аспекте. (Мы будем называть роль знака в качестве названия аргумента или в качестве названия отношения его «функциональным статусом».) Наиболее обычный способ — это обозначение аргументов синтаксическими форматами, например: «номинатив vs. косвенный падеж» (лат.

-us/-um, корейск. -эп/-эл), «субъектные vs. объектные частицы» типа яп. -wa/- (w)о и др. Очень часто для этого используется порядок слов, особенно в комбинации с сегментными показателями роли аргументов (тогда порядок слов частично избыточен; ср. *They consider stopping it* 'Они рассматривают прекращение этого' vs. *They stop considering it* 'Они прекращают рассматривание этого'). Нередко теоретически возможная неоднозначность конструкции снимается либо в силу семантической абсурдности одной из интерпретаций, либо, как отметил Хоккетт, в силу симметричности («пропорциональности») с другими, и притом однозначными, отрезками текста. Так, рассматривая немецкое предложение *Die Birnen assen die Kinder* 'Груши съели дети', мы понимаем, что, несмотря на необычный порядок слов $[f(y, x)]$, здесь $x = \text{Kinder}$, а $y = \text{Birnen}$. Мы понимаем это не только потому, что груши, поедающие детей, — это бессмыслица, но и потому, что в предшествующем контексте могла быть представлена однозначная конструкция, помогающая пониманию данной, например *Der Vater ass die Kirschen, und...* 'Отец съел вишни, а...' Во многих случаях неоднозначность объясняется частичным синкретизмом грамматических категорий, например совпадением датива и аккузатива местоимений *wir* 'мы' и *ihr* 'вы' (*uns, euch*) в немецком; таким образом, предложение *Er hat uns euch empfohlen* неоднозначно ('Он порекомендовал нас вам' или 'Он порекомендовал нам вас'); однако в большинстве примеров падежные различия позволяют различать вставляемые аргументы глагола *empfehlen*. Разумеется, грамматики конкретных языков далеко не всегда обладают стопроцентной эффективностью с точки зрения выражения семиотических функций слов, и поэтому, хотя случаи неразрешимой неоднозначности редки, тем не менее они вполне возможны. Чао Юань-Жень (Chao, 1959, стр. 3 и сл.) приводит китайское предложение, в котором присоединяемый аргумент (эквивалентный английскому подлежащему) формально неотличим от различных вставляемых аргументов (обстоятельств места и времени). В идиш есть предложения типа *Haɪnt iz šabəs* 'Сегодня суббота', в которых нельзя определить точно, чем является *haɪnt* 'сегодня' — подлежащим или обстоятельством времени. В *S'kunt ajx a dolər* (букв. 'Идет к вам доллар') невозможно

определить, чем является а *dolæg* — подлежащим или дополнением.

Более обычным является стирание различий между словами по их функциональному статусу при номинализации предложений; ср. омонимию латинских субъектного и объектного генитивов (*amor Dei* — это либо 'любовь к богу' (*X* любит бога), либо 'любовь бога' (бог любит *X*)) или выражения типа англ. *visiting relatives*, которое выводится либо из *V (x, r)*, то есть 'посещение родственников' = '*X* посещает родственников', либо из *V (r, x)*, то есть 'посещающие родственники'. Возможны также неоднозначности типа «*f(a) · g(a)*» *vs.* «*φ([a])*»; ср. *He decided to leave immediately* 'Он решил сразу же удалиться' (= сразу же решил? сразу же удалиться?).

Тогда как различие между «*f(x)*» и «*x(f)*» в предложениях, содержащих только одноместные предикаты, и притом одного уровня, не имеет, как было сказано, особого значения, наличие многоместных предикатов, то есть типа «*f(a, b, c, ...)*», и/или предикатов нескольких ступеней, подобных *f(a, b, ...)* · *φ(f, g)*... требует от большинства предложений определенной семиотической структуры. Как было указано выше в пункте (б), на основе одних только семиотических соображений можно было бы отождествлять «*f(x)*» с «*x(f)*» или даже с «*x x*» или с «*ff*»; однако продуктивность моделей (*patterns*) предложений (Chomsky, 1957, гл. IV) заставляет приписывать даже самым простым предложениям грамматическую структуру, аналогичную структуре сложных предложений, а это в свою очередь приводит к тому, что простейшие предложения должны анализироваться с семиотической точки зрения аналогично предложениям, содержащим многоместные предикаты, а также предикаты нескольких уровней. Семиотическую «структуру» вида «*fff ...*» могут иметь только действительно аграмматические тексты пиктографических письменностей (см., например, Févriér, 1948, стр. 40 — об иллюстрациях к заклинаниям оджибуэев, или Voegelin, 1961, стр. 85 — о мнемонической пиктографии делаваров), а также «тексты» на языке жестов у глухонемых от рождения (ср. Spang-Thomsen, 1956).

3.1.4. Главные предикаты и их «понижение в ранге» (*backgrounding*). В качестве еще одного почти-универсального свойства речи можно назвать сле-

дующее: в предложении, содержащем несколько предикатов, безразлично, однородных (то есть $f(a) \cdot g(a) \dots$) или разнородных (типа $f(a) \cdot \Phi(f)$), один из предикатов обязательно выступает как *главный предикат*. Обычно грамматическим коррелятом главного предиката является конструкция «подлежащее + сказуемое», однако в предложениях-глаголах полисинтетических языков семиотическое различие между главным и неглавным предикатом выражается другими способами⁴¹. Заметим, кстати, что эта универсальная особенность естественных языков перенесена, по-видимому, и на все логические языки⁴². В каждом языке имеется свой собственный набор грамматических средств для «понижения в ранге» всех входящих в одно предложение предикатов, кроме главного.

Очевидно, является универсалией и тот факт, что при понижении предиката в ранге (например, при его номинализации) часть информации утрачивается. Чаше всего теряется в основном прагматическая информация — так как пониженный в ранге предикат не содержит полного «утверждения», — но могут стираться и видовременные различия, а также различия субъекта и объекта*.

Любое предложение содержит, как правило, главный предикат, однако в некоторых языках имеются средства для «понижения в ранге» *всех* предикатов данного предложения; ср. англ. *There was a beating of drums by the natives* (букв. 'Имелось битье туземцев в барабаны').

Любой «главный» предикат может быть понижен в ранге по крайней мере в качестве вставляемого аргумента при *глаголах говорения*. Десигнаторы, которые *не могут* выступать в качестве главных предикатов и обречены постоянно оставаться, так сказать, на заднем плане, встречаются в языках гораздо реже; в самом деле, такой знак должен быть, скорее, форматором, а не десигнатором⁴³.

Итак, речь обладает весьма четкой семиотической структурой. Эта структура может описываться в терминах предикатов и аргументов, то есть с помощью выражений вида « $f(x)$ ». При этом, поскольку в любом языке допускается лишь очень небольшое количество разных типов

* Ср. выше, стр. 200, *genitivus subjectivus* и *objectivus* в латинском. — *Прим. перев.*

предложений, существуют весьма многочисленные грамматические механизмы, позволяющие превращать знаки типа f в знаки типа x и наоборот. Мы имеем в виду образование глагольных выражений от имен или именных групп и образование именных выражений от глаголов или целых предложений — «stativation» и «verbation», по терминологии Уорфа (Worf, 1956, стр. 96 и сл.), или «event splitting», по терминологии Рейхенбаха (Reichenbach, 1948, стр. 268 и сл.⁴⁴). С этими операциями связано абстрагирование свойства от некоторого класса, «разрешение» функций для того или иного конкретного аргумента (Reichenbach, 1948, стр. 311 и сл.) — семиотические процессы, выражаемые в языке с помощью относительных предложений и подобных средств. Эти средства вовсе не обязательно бывают предложениями, словосочетаниями или словами; они могут быть и аффиксами. Рассмотрим в качестве примера следующее предложение на языке фокс (Sapir, 1921, стр. 76): -kiwin-a-m-oh-t-ati-wachi 'они вместе держали (его) в бегстве от них'. Для обозначения названия аргумента, образованного от предиката, мы введем символ a^* . Тогда данное предложение может быть записано следующим образом:

f = -kiwin- 'неопределенное движение'; отсюда $f(x)$ = 'х движется неопределенным образом'
 φ = -a- 'бегство'; отсюда -kiwin-a-: $\varphi(f) \cdot f(x)$ 'х движется в бегстве/убегая' = 'х убегает'.

Преобразовав предикат второй ступени в аргумент, мы будем иметь:

$$[\varphi(f) \cdot f(x)] = a^*$$

g = 'каузировать'

h = 'быть одушевленным'

$g(\quad) \cdot h(x)$ = -m- 'каузировать одушевленный субъект [делать что-либо]'

\bar{g} = -wachi 'они (одушевленные)' = 'те, кто каузируют'

\bar{z} = -oh-t- 'для себя' (для субъекта)
 \bar{w} = -ati- 'друг друга' (различные предметы) } каузирования (способы)

$g(y, a^*, \bar{z}, \bar{w})$ = 'они (одушевленные) (-wachi) каузируют a^* для себя (-oh-t-) друг другу (-ati-)'

Все предложение в целом будет иметь вид:

$$g(y, a^*, z, w) \cdot \{a^* = [\varphi(f) \cdot f(x)]\} \cdot h(x)$$

Во многих языках имеются такие грамматические средства (обычно их количество весьма ограничено), каждое из которых позволяет изменять функциональный статус знака разными способами. Ср. двусмысленное английское предложение *His dancing was surprising* (букв. 'Его танцевание было удивительным') *. Если оно означает 'то, как он танцевал...', то его семантическая структура изображается формулой $f(x) \cdot \varphi(f)$, где первый предикат просто понижен в ранге; если же оно означает 'тот факт, что он танцевал...', оно может быть записано в виде $[f(x) = a^*] \cdot \varphi(a^*)$, где первое «предложение» обращено в аргумент.

Затронутые здесь вопросы нуждаются в специальном исследовании. Однако полезно хотя бы указать на несимметричность грамматических средств для номинализации и вербализации; эта несимметричность является, по-видимому, универсалией. Если отвлечься от исключительной ситуации в китайском языке, где номинализация словосочетания *чжа фань* 'жарить рис' и превращение его тем самым в 'жареный рис' не выражается никакими эксплицитными показателями (Hockett, 1954, стр. 102), то можно утверждать, что в большинстве языков превращение названия отношения или целого предложения в аргумент связано с весьма сложными грамматическими явлениями и определенными потерями информации, тогда как превращение аргумента в предикат выполняется совсем просто: для этого достаточно сделать аргумент дополнением к связке — глаголу или частице со значением 'быть'. Так, в языке сьерра мивок для номинализации предложения необходимо снабдить его подлежащее и сказуемое специальными аффиксами; однако любое существительное можно превратить в сказуемое, либо спрягая его непосредственно, либо образовав от него глагол (Freeland, 1951, стр. 136). В английском языке сложность изменений, необходимых при

* Ср. аналогичное русское предложение: *Его выступление было удивительным.* — Прим. перев.

переходе « $f(x) \rightarrow a^*$ », также контрастирует с простотой перехода « $x \rightarrow f()$ »:

$f(x) \rightarrow a^*$ He often sent flowers \rightarrow *His frequent sending of flowers ...*

(‘Он часто посылал цветы’ \rightarrow ‘Частое посылание им цветов’)

$x \rightarrow f()$ Three truly excellent wines \rightarrow ... are three truly excellent wines.

(‘Три действительно прекрасных вина’ \rightarrow ‘...[суть] три действительно прекрасных вина’).

Указанная грамматико-семантическая несимметричность становится особенно очевидной, если сравнить между собой связанные словообразовательными отношениями глаголы и существительные некоторого языка. Независимо от того, насколько «скромно» выражается сам факт словообразования — даже, например, нулевым суффиксом, как в английском языке, — глагол to X ‘X-ить’ крайне редко означает to be an X ‘быть X-ом’ (как в to soldier ‘служить в армии, быть солдатом’ при soldier ‘солдат’ или в to sire ‘быть производителем’ при sire ‘производитель’ — о жеребце и т. п.). Обычно же to X означает ‘обходиться, как с X’, ‘обрабатывать посредством X’, ‘осуществлять X’ и т. п. (ср. to baby ‘нянчиться’ при baby ‘ребенок’, to mother ‘усыновлять, относиться по-матерински’ при mother ‘мать’, to people ‘населять, заселять’ при people ‘народ’, to police ‘охранять’, ‘поддерживать порядок; обеспечить полицией’ при police ‘полиция’, не говоря уже о глаголах, образованных от неодушевленных существительных). Другими словами, даже «нулевое» словообразование редко используется для чисто синтаксической цели, то есть для превращения названия аргумента в название предиката-отношения (ср. Martinet, 1960, стр. 140 и сл.).

Таким образом, все языки имеют средства для преодоления чрезмерной специализации некоторых конкретных десигнаторов, закрепленных за одним конкретным функциональным статусом (и эта степень обратимости аргументов в предикаты и обратно различна в разных языках; наиболее высока она, по-видимому, в английском и в китайском). Любопытно, однако, что опера-

циям, меняющим функциональный статус слов, дети начинают довольно поздно. Очень маленькие дети сравнительно легко овладевают предложениями типа $f(x)$ и вскоре после этого — предложениями типа $f(x) \cdot \varphi(f)$; однако предложения с главным предикатом вида $\varphi(f)$ (The redness is surprising 'Краснота удивительна') или $\varphi(a^*) \cdot [a^* = f(x)]$ (It's funny for the eyes to be red букв. 'Забавно, чтобы глаза были красными'), требующие специальных грамматических трансформаций, еще долго остаются для них недоступными.

Естественно, что разделение знаков на аргументы, предикаты и кванторы создает широкие возможности для исключительно устойчивых онтологических метафор (Marcus, 1960). Именно благодаря этому разделению появились значения частей речи («class meanings»), или «лингвисемы», по терминологии Ю. Найды (Nida, 1953, стр. 5): у существительного — значение субстанции, у глагола — значение процесса и т. д. Предикация — это чисто грамматическое явление — начинает смешиваться с одной из наиболее типичных, но, разумеется, не единственных семантических интерпретаций — с отношением «деятель — действие»⁴⁵. Р. Браун не только показал, насколько сильна система онтологических представлений, формирующаяся в детском сознании на основе грамматики родного языка (R. W. Brown, 1957), но и установил, что по мере того, как дети растут и усваивают словообразование и грамматические трансформации, в которых изоморфизм между семантической и грамматико-семантической стороной все уменьшается (то есть по мере того, как дети учатся использовать предикаты высших ступеней в качестве главных предикатов и изменять функциональный статус знаков), основы этой онтологии разрушаются. Это блестящее решение старой проблемы открывает новые перспективы для изучения детской онтологии и ее постепенного разрушения за годы отрочества на материале многих языков и культур⁴⁶.

3.1.5. Типы неполных предложений. Последовательное разделение семантических и грамматических критериев позволяет также точно сформулировать старую и запутанную проблему неполных предложений и безличных глаголов. (Даже поверхностный обзор теорий, выдвинутых по поводу таких выражений, как Fire!

‘Огоны!’ или *It's raining* (букв. ‘Дождит’) занял бы целый том немалого объема).

Прежде всего следует различать эллиптические и собственно неполные предложения. Эллипсис можно определить как результат применения некоторых точно определенных преобразований, приводящих как бы к выделению той или иной части предложения, воспринимаемой на фоне исходного полного предложения⁴⁷. (Эллипсис используется во всех языках в таких типичных условиях, как ответы на вопросы, синтаксически симметричные конструкции с англ. *and*, русск. *а* и т. п.) Кроме того, особый класс высказываний образуют именные выражения «междометного» характера, имеющие вид «*x*!» и выступающие либо как обращения, либо в связи с определенной эмоциональной «вспышкой» (или с ее риторическим аналогом). В языках, где соединение и вставление различаются с помощью эксплицитных сегментных показателей, даже и в таких «междометных» выражениях могут различаться формы «*(x)*!» и «*(\acute{x})*!». Так, когда в Древнем Риме нищий просил хлеба, он кричал: «*Panem!*» (аккузатив = «*(\acute{x})*!»), но, обнаружив кусок хлеба случайно, он, вероятно, говорил: «*Panis!*» (номинатив = «*(x)*!»).

В отличие от эллиптических и «междометных» предложений настоящие неполные («карликовые») предложения характеризуются тем, что в рамках системы, не только допускающей, но и требующей выражений формы «*f(x, y)*», они имеют форму типа «*(x,)*» или «*f(,)*» и т. п. Логика, исследовавшая язык, обычно находили, что такие формы неудобны, так как могут привести к метафизическим псевдопроблемам (см. *Reichenbach*, 1948, стр. 89 и сл., 332); поэтому они отвергали выражения подобной формы как «бессмысленные» и предпочитали писать не $(\exists f)$, а $(\exists y)f(y)$. Однако в естественных языках выражения указанной формы вполне обычны (*Martinet*, 1960, стр. 125 и сл.).

Семиотическая «неполнота» может получать в зависимости от языка самое разное грамматическое оформление. В английском и немецком языках, например, неполные предложения должны иметь фиктивное подлежащее *it* или даже фиктивное подлежащее *it* плюс *is* (*It rained* ‘Шел дождь’, *It's a boy* ‘Это мальчик’, *Es wird getanzt* ‘Танцуют’); впрочем, в других случаях не-

полнота может выражаться и бессубъектным предложением: *There was a raising of eyebrows* (букв. 'Имело место поднимание бровей') = «f(, *y*)». В идиш фиктивное подлежащее необходимо только в том случае, если в предложении нет других членов (кроме сказуемого): *Es regnt* 'Идет дождь', но *Haɪnt regnt* 'Сегодня идет дождь'. Во многих языках (например, в латинском, русском, венгерском, но не в английском, иврите и т. д.) группа глагола сама по себе может функционировать как полное предложение, семантическое содержание которого не теряет при этом своей регулярной пропозициональной формы: формально отсутствующий соединяемый аргумент — это *он* (*она, оно, они*), то есть элемент, определяемый анафорическим дейксисом. Так обстоит дело в лат. *Venit* 'Он приходит', а также, по всей видимости, во многих полисинтетических языках, где пресловутые «слова-предложения» представляют собой всего лишь однословные глагольные группы, выступающие (до тех пор, пока к ним не прибавится именная группа — подлежащее) в качестве неполных предложений особого типа. Наконец, в языках, в которых для превращения названий аргументов в названия предикатов используется связка, возможны предложения, неполные и в семиотическом, и в грамматическом отношении: *Война* (= 'Идет война'), *Есть стол* = венг. *Asztal* 'Это стол' (букв. 'Стол'), *Asztal van* 'Имеется стол'⁴⁸; в английском такая конструкция возможна только для оценочных прилагательных (например, *Excellent* 'Замечательно'). В китайском диалоге (Chao, 1959, стр. 2) неполные предложения «представляют собой явление, более типичное и даже относительно более частое», чем в других языках; однако все случаи, включая *фэйцзи* '[Это] самолет' и *ю фэйцзи* 'Имеется самолет', относятся к хорошо известным типам. Существуют также языки, в которых грамматические различия между некоторыми типами полных и неполных предложений отсутствуют: ср. в сьерра мивок *šóluku-ʔ* 'Лук' = 'Это лук' (Freeland, 1951, стр. 36).

3. 2. Контекст и десигнация

3.2.1. Полисемия и омонимия. Теперь мы должны внести в теорию десигнации необходимые уточнения, чтобы она могла описывать определенные

эффекты, связанные с ролью контекста. В отличие от случаев «моносемии», о которых шла речь в § 1.2, мы рассмотрим здесь случаи, когда внутри десигната (означаемого) имеется дизъюнкция компонентов. Пусть А, В, С... — знаки, а $(c_1 \cdot c_2 \cdot \dots)$ — десигнаты; тогда мы можем написать:

$$\text{Полисемия} \begin{cases} A (c_1 \vee c_2) \\ A [c_1 \cdot (c_2 \vee c_3)] \text{ и т. д. }^{49} \end{cases}$$

Полисемия знака может сниматься контекстом ⁵⁰:

$$\text{Снятие полисемии} \begin{cases} \text{Дано: } A \{c_1 \cdot c_2 [c_3 \vee (c_4 \cdot c_5)]\}; B; C \\ \text{Если } A + B, \text{ то } A (c_1 \cdot c_2 \cdot c_3) \\ \text{Если } A + C, \text{ то } A (c_1 \cdot c_2 \cdot c_4 \cdot c_5). \end{cases}$$

Здесь символы А, В, С... — это не обязательно слова или даже меньшие сегментные элементы; полисемичными могут быть и грамматические способы, причем их полисемия может сниматься контекстом других грамматических способов, например Past indefinite в английском (said, took, built...): 1) прош. время, 2) ирреалис, противоречие фактам (в контексте условия). Очевидно, один из важных типов снятия полисемии связан с совместимостью десигнатов (3.1.2). Так, blue 'синий, голубой' и purple 'пурпурный' в контексте знаков, обозначающих видимые объекты, имеют цветовые компоненты, которые, однако, замещаются «аффективными», оценочными компонентами в таких контекстах, как ...music '...музыка', ...prose '...проза'.

Следует подчеркнуть, что, принимая теорию, допускающую дизъюнкции внутри десигната, мы тем самым сводим спорное понятие «Grundbedeutung» (или «Hauptbedeutung») к четким операционным терминам ⁵¹. (В. А. Звегинцев отвергает понятие «Hauptbedeutung»: см. Звегинцев, 1957, стр. 215 и сл.; ср. также критику этого понятия у K a r o l a k, 1960, стр. 245—247.)

Прежде чем мы получим возможность количественно оценить степень полисемичности и идиоматичности в некотором данном языке (ср. 4.3.1), мы должны уточнить различие между полисемией и «неопределенностью» (vagueness) знака. В стандартных руководствах это различие считается чисто количественным (см., например, U l l m a n n, 1951, стр. 119). Блэк (B l a c k, 1949)

дал прекрасное объяснение неопределенности в пирсовском смысле⁵². С одной стороны, некоторая неопределенность внутренне присуща любому знаку, и неопределенность разных знаков несоизмерима, поскольку неопределенность — это фактор прагматического характера, связанный с денотацией и поэтому лежащий вне сферы лингвистической семантики, которая занимается исследованием десигнации. С другой стороны, неоднозначность — это вполне характерное для языка семантическое явление, которое объясняется наличием дизъюнкций в десигнатах⁵³. Дизъюнкции являются результатом того, что знак может входить в несколько парадигм; так, coat имеет десигнат $[c_1 \cdot (c_2 \vee c_3)]$, где c_1 = 'одежда', c_2 = 'ниже талии, носится поверх рубашки' и c_3 = 'ниже колен, носится поверх всей прочей одежды', и тем самым мы получаем неоднозначность: $\text{coat}^1 = (c_1 \cdot c_2)$, то есть 'пиджак, френч, китель', и $\text{coat}^2 = (c_1 \cdot c_3)$, то есть 'пальто' (оба соответствующих класса предметов в американской культуре четко различаются). Аналогично обстоит дело с arrange 'располагать в порядке' и arrange 'оркестровать'. Термин «(синхроническая) омонимия» можно было бы применять к парам (тройкам и т. п.) знаков, десигнаты которых не имеют ни одного общего элемента, например: cry^1 'кричать' и cry^2 'плакать'⁵⁴; fair^1 'чистый, ясный, незапятнанный', fair^2 'беспристрастный' и fair^3 'неплохой'. Но даже и там, где омонимия не имеет места, полисемичные десигнаты различаются по степени «гладкости» (ср. Gove, 1957, стр. 12 и сл.): десигнат $[c_1 \cdot c_2 \cdot c_3 \cdot (c_4 \vee c_5)]$ «глаже», чем десигнат $[c_1 \cdot (c_2 \vee c_3 \vee c_4 \vee c_5)]$.

Теперь посмотрим, как влияет контекст на полисемию и омонимию. Оказывается, что разные знаки ведут себя совершенно различно. Так, для coat^1 и coat^2 неоднозначность, видимо, не может быть снята в большинстве контекстов⁵⁵, а для cry^1 и cry^2 , наоборот, трудно придумать такой неоднозначный контекст, в котором бы их омонимия не прояснялась. Что касается arrange¹ и arrange² или трех fair, то для них можно указать и однозначные, и неоднозначные контексты (примером последнего может служить [Was the weather good or bad? 'Погода была хорошая или плохая?'] It was fair 'Она была хорошая' или 'Она была так себе'). Нередко контекст, снимающий многозначность, может быть

описан в чисто грамматических терминах. Например, если *cry* не имеет прямого дополнения и за ним не следует *out*, то это *cry*²; если *arrange* не имеет прямого дополнения, то это *arrange*²; если *fair* встречается в отрицательном предложении или если при нем есть *very*, то это либо *fair*¹, либо *fair*², но не *fair*³ (Ravid, 1961; см. также Н. Н. Амосова в СПЛС, 1960, стр. 16—18; В. И. Перебейнос в ССМ, 1961, стр. 20—23). Различие грамматических свойств дизъюнктивных компонентов омонимичных или полисемичных десигнатов указывает на различие их семиотической формы: например, $cry^1 = f(x, y)$, а $cry^2 = f(x)$ ⁵⁶. Однако не менее часто ключевой контекст нельзя свести к грамматическим признакам; приходится обращаться к десигнаторам (при *judge* 'судья' *fair*=*fair*²; при *weather* 'погода' *fair*=*fair*¹, однако при *condition* 'условие' *fair* остается неопределенным; в *cry-baby* 'плаксивый ребенок' *cry* означает, конечно, 'плакать', а в *cri-er* 'крикун' — 'кричать' и т. п.)⁵⁷. В связи с этим встает важная проблема — дать классификацию ключевых (контекстных) слов на основе анализа их десигнатов, что позволит обойтись без составления списка таких слов. Другими словами, мы могли бы сказать, что *fair* означает *fair*² 'честный' при *judge* 'судья', *game* 'игра', *decision* 'решение', *warning* 'предупреждение' и т. д., однако гораздо ценнее найти смысловой элемент *c*, общий для десигнатов всех перечисленных слов. Широко практикуемое различение полисемии с помощью различных помет типа «архаичное», «поэтическое» или «горное дело», «зоология» и т. п. предполагает привлечение прагматических или даже вообще несинхронических критериев; по существу, такое различение связано со смешением разных диалектов, и, хотя само по себе оно очень полезно, с семантической точки зрения его нельзя признать законным (Звегинцев, 1957, стр. 235 и сл.).

Итак, контекст в принципе позволяет снимать неоднозначность; существует и обратное явление, также весьма важное и встречающееся во всех языках: знаки способны предсказывать контекст. Крайний случай — это единицы, употребляемые только в одном сочетании: *logan-* обязательно предполагает *-berry* (*loganberry* 'логанова ягода' — гибрид малины с ежевикой), *runcible* обязательно предполагает *spoon* 'ложка', а *shrift* не упо-

требуется без short: short shrift — небольшой промежуток времени между приговором и казнью. Не менее обычна и весьма ограниченная, хотя и не вполне уникальная сочетаемость. Так, слово addle 'тухлый, испорченный', хотя в его десигнате нет компонента 'яйцо' или 'голова', сочетается только с такими словами, как egg 'яйцо' (Haugen, 1957, стр. 459) или head 'голова' (addle-headed 'пустоголовый'), brain 'мозг' или pate 'башка'. Точно так же to neigh 'ржать' предполагает в качестве подлежащего horse 'лошадь' и т. д. Подобные сочетания можно назвать фразеологизмами или клише. Если бы мы располагали соответствующим словарем, мы могли бы вычислить для данного языка коэффициент «плотности контекста», показывающий, насколько сильно действует контекст в плане снятия неоднозначностей и в какой степени развиты фразеологизмы. Весьма вероятно, что по всем языкам мира такой коэффициент будет колебаться вокруг некоторой средней величины (общей для всех языков); его следует вычислять в принципе так же, как определяется среднее количество информации на морфему или какой-либо другой знак.

3.2.2. Смысловое «выветривание». Если рассмотреть чрезвычайно разнообразные значения такого слова, как английское take, букв. 'брать' (в take offense 'обижаться', take charge 'взять в свои руки', 'принять ответственность за', take medicine 'принимать лекарство', take notice 'наблюдать, примечать', take effect 'вступать в силу' [о законе] и т. д.), то нетрудно прийти к заключению, что перед нами не чудовищно развившаяся полисемия, а, скорее, смысловая «почти-пустота». В контекстах типа указанных глагол take выступает практически просто как вербализатор вроде суффикса -ize и других подобных аффиксов. Представляется более правильным трактовать действие контекста в приведенных случаях не как снятие полисемии, а как «выветривание» смыслового содержания слов (Reigse, 1932, стр. 428). Сходным образом обстоит дело со словом *белое* в контексте ...*вино*: оно в значительной степени (хотя, по-видимому, и не настолько, как take в вышеприведенных примерах) утрачивает собственное значение, поскольку при слове *вино* возможность противопоставления прилагательных — названий цвета — сильно ограничена (только *белое/красное вино*). Таким образом, утрата смысло-

вого содержания может быть определена как такая полисемия, при которой десигнаты содержат относительно большие факультативные части; актуализация или неактуализация этих частей определяется точно ограниченным контекстом.

Явление смыслового «выветривания» можно, безусловно, признать универсалией, хотя в разных языках оно проявляется в разном масштабе. Так, Ульманн (Ullmann, 1952, 1953) утверждает, что смысловое «выветривание» (которое он не отличает от полисемии) более распространено во французском языке, нежели в немецком и английском.

Возможно, что в каждом языке имеется какая-то часть лексики, особо подверженная смысловому «выветриванию». Однако пока неясно, можно ли указать какие-либо связанные с этим явлением универсалии; очевидно, впрочем, что наиболее «выветривающаяся» лексика обладает высокой частотностью. Напомним употребление глаголов со значением 'дать' в качестве предлога 'для' (китайский, тайский, франко-креольский) и глаголов со значением 'говорить' в качестве союза, вводящего разного рода цитаты; слова 'тело' или 'кость' часто бывают показателями возвратности (= 'себя'); 'сын', 'глаз' или 'рот' выступают как «пустые» элементы в сложных словах (иврит 'сын цвета' = 'оттенок', индонез. mata hari 'глаз дня' = 'солнце'; в ряде африканских языков — 'рот дома' = 'дверь') и т. д.

Крайний случай выветривания содержания некоторой единицы А мы имеем тогда, когда в некотором контексте 'Е+...' эта единица А оказывается полностью предсказываемой: поэтому А становится, так сказать, «бессмысленным», то есть утрачивает свой десигнат (см. примечание 39); так обстоит дело в немецком языке с показателем датива после предлога mit 'с' (mit употребляется только с дативом).

3.2.3. Идиоматичность. Идиома — это такое грамматически сложное выражение А+В, десигнат которого не может быть описан в терминах десигнатов А и В соответственно⁵⁸. (Такое выражение часто называют семантически экзоцентричным, а его значение — «макросемемой»: Nida, 1953.)

$$\text{Идиома} \begin{cases} \text{Дано: } A(c_1 \cdot c_2 \cdot c_3); B(c_4 \cdot c_5) \\ \text{Тогда: } (A+B)(c_1 \cdot c_4 \cdot c_6 \cdot c_7) \end{cases}$$

Примеры: нем. *Finger-hut* 'наперсток' (букв. 'шляпка для пальца'), *Hand-schuh* 'перчатка' (букв. 'обувь для руки'), англ. *rub noses with* 'быть в приятельских отношениях с' (букв. 'тереться носами'). В любом языке, где есть идиомы, — а это значит во всех языках, — семантическое описание нельзя считать полным до тех пор, пока каждая идиома, безразлично — сложное слово, словосочетание или малопродуктивная «квазитрансформация», то есть фразеологически связанная конструкция (Harris, 1957, стр. 330 и сл.; Шмелев, 1960), — не будет отнесена к соответствующей семантической парадигме наряду с простыми словами и продуктивными трансформациями (свободными синтаксическими конструкциями). Так, *rub* 'тереть' принадлежит к тому же полю, что и *scratch* 'царапать, скрести', *abrade* 'обдирать (трением), шлифовать' и т. п.; *nose* 'нос' — к тому же полю, что и *face* 'лицо', *nostril* 'ноздря' и т. п.; однако *rub noses* входит в одну парадигму с *familiarity* 'близость', *intimacy* 'интимность' и т. д. точно так же, как */mʌʃruwm/* 'гриб' относится к полю *toadstool* 'поганка' — *fungus* 'гриб, плесень' независимо от того, что */mʌʃ/* имеет самостоятельное значение — 'нечто мягкое, каша' (*pulp* 'мякоть, пульпа, каша' — *porridge* 'каша, паста, эмульсия'...), равно как и */ruwm/* 'комната' (*chamber* 'комната, палата, камера' — *hall* 'холл'...). Часто возникает необходимость в едином термине для обозначения идиом и грамматически неразложимых словосочетаний (*grammatical simplices*); наиболее широко в этом смысле употребляется термин «лексема» (Goodenough, 1956; Conklin, 1962; А. Б. Долгопольский пользуется термином «мегазнак» — см. СПЛС, 1960, стр. 35—42), хотя этот термин имеет и другие значения. В настоящей статье мы применяем термин «знак» для обозначения и лексем и их несегментных, операционных (*processual*) аналогов*. Было бы интересно получить статистические данные об отношении числа морфем к числу лексем («индекс идиоматичности») в самых разных языках мира.

С точки зрения методологии чрезвычайно важно постоянно иметь в виду взаимную дополнительность

* По-видимому, имеются в виду такие несущие смысловую информацию операции, как, например, чередования типа нем. *Mutter* — *Mütter*. — *Прим. перев.*

(«комплементарность») полисемии и идиоматичности⁵⁹. Так, пусть А имеет означаемое ($c_1 \cdot c_2$), В имеет означаемое ($c_3 \cdot c_4$), а $A + B$ имеет означаемое ($c_1 \cdot c_5 \cdot c_3 \cdot c_4$). Сочетание $A + B$ оказывается идиоматичным, однако это может объясняться просто ошибкой в нашем описании означаемого единицы А: возможно, его следовало изобразить как $[c_1 \cdot (c_2 \vee c_5)]$, то есть признать наличие в этом означаемом дизъюнкции ($c_2 \vee c_5$) — полисемии, снимаемой в контексте $\dots + B$. Например, если определить англ. charge как 'наполнять некоторым содержанием, способным давать энергию' (charge batteries 'заряжать батареи, аккумуляторы', charge guns 'заряжать пушки, винтовки'...), а затем обратиться к выражению charge an account 'выставлять счет', то нам придется либо счесть это выражение идиомой, либо пересмотреть определение слова charge, а именно — сделать его полисемичным: 1) 'наполнять...', 2) 'выставлять'. Критерии, в соответствии с которыми следует выбирать наиболее экономное решение, в описательной семантике никогда не исследовались. Можно только предположить, что «односторонних идиом» (типа charge an account или *закатить истерику*) лучше избегать, допуская «двусторонние идиомы» (типа rub poses или *здать головою*) (ср. Мельчук, 1960, стр. 77 и сл.; Торопцев в ССМ, 1961, стр. 50—54; Каменецкая и те, там же, стр. 55—57).

Во многих языках идиомы характеризуются предпочтением к тем или иным типам грамматических конструкций. Так, в английском языке конструкция «предлог + исчисляемое существительное без артикля» часто свидетельствует об идиоматичности (at hand 'в наличии, под рукой', by heart 'наизусть')⁶⁰. Ясно, однако, что это свойство не является обязательным: идиомы далеко не всегда должны иметь какие-либо грамматические особенности. Соотношение между специфически «идиомными» и свободными грамматическими конструкциями представляет собой благодарную тему для широкого лингвистического исследования.

3.2.4. Детерминация. Сравнивая обычную идиому с «исходным» выражением в его неидиоматичном значении, мы увидим, что обычно элементы означаемых-компонентов в означаемом всей идиомы отсутствуют. Существует, однако, особый тип идиом, который можно на-

звать «детерминацией»; в некотором смысле детерминация противоположна смысловому «выветриванию» (см. 3.2.2): при детерминации знак, который сам по себе имеет весьма неконкретное или неоднозначное означаемое, в контексте приобретает гораздо более определенное означаемое. Чаще такой процесс бывает двусторонним.

$$\text{Детерминация} \begin{cases} \text{Дано: } A(c_1) \text{ и } B(c_2) \\ \text{Тогда: } (A + B)(c_1 \cdot c_2 \cdot c_3 \cdot c_4) \end{cases}$$

Наличие детерминации также является универсалией, однако языки резко различаются по степени ее распространности. В английском языке детерминация характерна прежде всего для конструкций «глагол + наречие» типа *take up* 'комплектовать, устраивать', *take over* 'переделявать', *get up* 'вставать, подыматься', *get over* 'перелезть, преодолеть' и т. д. В случае типа *ge-fer* 'посылать, справляться, относиться', *ge-seive* 'получать', *con-fer* 'присваивать, присуждать', *con-seive* 'представлять себе' составным частям вряд ли можно приписать вообще какие-либо десигнаты. В некоторых сино-тибетских языках детерминация распространена очень широко: ср. кит. *ши-* 'камен-', которое становится определенным только в контексте — *ши-тоу* 'камень', *ши-инь* 'литография' и т. д.⁶¹; ср. еще *дао* 'дорога' и *лу* 'дорога': ни одно из них не является ни достаточно определенным в семантическом отношении, ни грамматически самостоятельным — однако *дао-лу* 'дорога' (Maspero, 1933, стр. 55), *лу-дао* 'дорога', *лу-ту* 'дорога' (Sofronow, 1950, стр. 72, 76). В тайском языке есть слова *bāt* 1) 'порез, резать'; 2) 'кружка для подаяния (у нищего)'; 3) 'петля, силок, аркан' и т. д. и *buar* 'петля, аркан' (грамматически связанная форма); выражение *buar-bāt* является грамматически свободным и семантически определенным: оно означает 'петля, аркан'. В английском языке можно построить аналогичные выражения только искусственно, например **poly-mult* 'много' или **poli-urb* 'город'. Если выразить формулой сино-тибетский тип детерминации, то получится комбинация контекстного разрешения омонимии с идиоматичностью:

$$\begin{cases} \text{Дано: } A(c_1 \vee c_2 \vee c_3); B(c_2 \cdot c_4 \cdot c_5) \\ \text{Тогда: } (A + B)(c_2). \end{cases}$$

4. Семантическая структура и содержание словарей

4. 1. Как можно сравнивать словари разных языков

Когда речь идет о семантических универсалиях, то, по-видимому, наиболее увлекательным и вместе с тем наиболее мучительным является вопрос, существуют ли знаки или, точнее, десигнаты, общие для всех языков. (Форматоры, для которых характерна особо высокая степень универсальности, были рассмотрены отдельно, в § 2.2.) Когда решаются какие-либо практические проблемы, например разрабатывается семантическая структура международных вспомогательных языков или языков-посредников для автоматического перевода, количество привлекаемых естественных языков обычно весьма невелико и потому создается впечатление преобладающей «универсальности» их семантических элементов⁶². Однако даже скромные результаты этнологических исследований легко убеждают нас в том, что для всей человеческой расы, взятой в целом, существует не так уж много универсальных десигнатов. Достаточно вспомнить историю пресловутого базового словника глоттохронологии (Н у т е s, 1960, стр. 4—7); оказалось, что даже опытные антропологи могут переоценить размеры такого словника, который в настоящее время после ряда «чисток» и сокращений насчитывает всего около 100 единиц⁶³.

Но для исследователя, который подходит к семантическому описанию со всей должной серьезностью, единицы даже и в этом урезанном списке оказываются, строго говоря, несравнимыми. Можем ли мы утверждать, что во всех языках существует слово, означающее 'глаз', если в одном языке соответствующее слово означает одновременно и 'зрение', в другом — 'средний', в третьем — 'сила' и т. д.? Даже если в нескольких языках имеются одинаковые случаи полисемии, все равно контекстные условия ее разрешения наверняка окажутся разными для каждого из этих языков. Именно поэтому сопоставлять языки по степени мотивированности знаков (по величине отношения числа морфем к числу слов) можно только в том случае, если обеспечена высокая степень взаимопереводимости (то есть заранее осуществлено установление соответствий между десигнатами)⁶⁴; выполненный Ульманном (1953) обзор нескольких западноевропейских языков с этой точки зрения практически бес-

полезен (вопреки тому, что думает сам Ульманн) для достаточно широких типологических сопоставлений.

Более плодотворным оказалось бы, возможно, исследование распределения не «целых» десигнатов, а их компонентов. Эти компоненты — семы (в отличие от многосемных десигнатов) — являются, по-видимому, в гораздо большей степени универсальными. Многие слова, исключенные из глоттохронологического списка за несравнимость десигнатов в целом, можно было бы с успехом заменить более легко сопоставимыми компонентами десигнатов.

Однако, если мы собираемся довести семантический анализ до его логического конца, мы не сможем остановиться и на этом: семантическое сопоставление должно основываться на минимальных семантических (различительных) элементах, то есть на уже упоминавшихся *c*, или условиях денотации, из которых строится описание любого данного десигната (1.2.).

4. 2. Компонентный анализ

Понятие семантического компонента вряд ли нуждается в обосновании или специальных разъяснениях. После появления нескольких основополагающих работ (Copklin, 1955; Lounsbury, 1956; Goodenough, 1956) семантический компонентный анализ был с успехом применен в целом ряде областей. Мы исходим здесь из допущения, что «скрытые» (covert) семантические компоненты являются полноправными единицами семантического описания⁶⁵ и что, хотя однозначных процедур для их обнаружения может и не быть, можно предложить вполне разумные критерии для выбора между альтернативными описаниями⁶⁶.

В центре внимания большинства исследователей, занимающихся компонентным анализом, до сих пор находились такие особо благоприятные для компонентного описания семантические поля, как имена родства или цветовой спектр. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в реальных языках десигнаты, не говоря уже об осложнениях, вызываемых полисемией (3.2.1), по-разному отклоняются от схемы ($c_1 \cdot c_2 \cdot c_3 \cdot \dots c_n$). Во-первых, заменимость тех или иных компонентов не всегда бывает абсолютной; на самом деле семантические компоненты (СК) могут и не быть полностью дискрет-

ными, хотя каноническая формула предполагает их дискретность⁶⁷. Во-вторых, человек широко использует свою биологическую способность «воспринимать универсалии» и выучивает многие десигнаты, как бы извлекая обобщенный образ (Gestalt) из отдельных, конкретных примеров денотатов; поэтому десигнаты, записанные в канонической форме, являются во многих случаях научными конструктами, причем степень их искусственности различна для разных знаков. Кроме того, СК различаются и по степени их релевантности (criteriality). В терминологических системах десигнаты обычно полностью соответствуют канонической форме (ср. Будагов, 1958, стр. 23—29). В обычном же языке лишь некоторые зоны лексики обладают достаточной «терминологичностью»⁶⁸. В качестве объективной меры степени терминологичности некоторого данного множества знаков можно предложить степень готовности информантов принять и одобрить предложенные формулировки десигнатов⁶⁹. [Кроме того, десигнаты могут отклоняться от традиционной модели в силу того, что внутри них может иметь место вставление.]

Назовем «непосредственными синонимами» такие единицы A и A^1 , десигнаты которых различаются ровно на один компонент⁷⁰. («Полные» синонимы, которые так волновали и продолжают волновать философов языка, не имеют для обычного языка особого значения.) В то время как в очень «терминологизованных» областях словаря (таких, как имена родства или названия цветов спектра) одни и те же различающие семантические компоненты встречаются в составе многочисленных знаков, основная часть лексики имеет, естественно, куда менее четкую структуру; здесь полно семантических компонентов, встречающихся только в отдельных парах синонимов или в небольшом числе таких пар. Однако в принципе это не противоречит существованию компонентной структуры. Можно с уверенностью ожидать прекрасных результатов компонентного анализа для нетерминологических лексических полей. Так, в работе Бендикса (Bendix, 1961), где анализируется группа английских синонимов для 'давать', выделен не только семантический компонент 'каузация', общий для всех слов этой группы (x gives y to z 'x дает y z -у' = 'x каузирует z иметь y ') и выступающий в таких парах, как show 'по-

казывать': see 'видеть' = drop 'ронять': fall 'падать' = make 'делать': be 'быть' и т. д., но и семантический компонент 'социальное различие между дающим и получающим', 'случайность/обычность' и т. п., в терминах которых должны описываться различия между give 'давать', confer 'даровать, присваивать', grant 'жаловать, дарить' и другими подобными. При анализе группы слов с общим значением 'дрожать' были обнаружены семантические компоненты 'большая интенсивность' (shake 'дрожать': quake 'содрогаться'), 'возможная произвольность' (shake 'дрожать' и 'трясти': tremble 'дрожать') и другие; все эти семантические компоненты встречаются и в совсем других лексических группах (ср. throw 'бросать': hurl 'швырять' или jump 'прыгать': fall 'падать')⁷¹. К наиболее важным семантическим компонентам, которые необходимо искать в любом словаре, относятся СК, связанные с «мертвыми метафорами»: если имеется десигнат $[c_1 \cdot c_2 \cdot (c_3 \cdot c_4)]$, где $(c_3 \cdot c_4)$ — это некий нерелевантный компонент, то мы можем сказать, что мертвая метафора есть знак с десигнатом $(c_3 \cdot c_4)$. Таким образом описывается, например, отношение между словом head 'голова' ('наиболее важная верхняя часть тела над шеей') и словом head 'наиболее важная часть' в сочетаниях типа head of the table, букв. 'голова стола' ['во главе стола'], head of government 'глава правительства' и т. д.

Теперь мы можем ввести понятие семантической непрерывности. Семантическая система называется непрерывной, если для всякого знака A ($c_1 \cdot c_2 \cdot \dots \cdot c_n$) имеется знак A' с десигнатом $(c'_1 \cdot c_2 \cdot \dots \cdot c_n)$, то есть с десигнатом, который получается из десигната знака A изменением одного компонента (Weinreich, 1962). Если же, изменяя компонент c_1 в десигнате некоторого знака, мы не получим десигнат какого-то другого существующего в языке знака, то соответствующая семантическая система является прерывной. Ясно, что в любом языке есть зоны большей или меньшей семантической непрерывности; так, поле названий цветов спектра является более непрерывным, чем поле названий животных.

4. 3. Приложения теории

Мы могли бы немедленно пустить в ход весь описанный теоретический аппарат..., если бы только у нас

были фактические данные. К сожалению, в области лексики у нас почти нет тщательно подобранных и легко сопоставимых материалов. Само собой разумеется, что описание словаря любого языка, даже если мы имеем дело не с такими развитыми языками, как современные европейские (Weinreich, 1962), — это столь обширная задача, что для целей типологического сопоставления необходимо искать методы выборочного обследования лексики. В настоящее время самое лучшее, что можно сделать, — это предложить некоторые из возможных типологических характеристик, в соответствии с которыми можно будет организовывать исследования.

Мы будем различать, с одной стороны, общие количественные коэффициенты, а с другой стороны, частные утверждения относительно конкретных СК и их комбинаций.

4.3.1. Общие коэффициенты. а) Какова в среднем *степень терминологизации* данного словаря (или ограниченной лексической группы)? Какова пропорция релевантных компонентов — по отношению к нерелевантным (*criterial vs. noncriterial*) — в составе десигната в среднем?

б) Какова в среднем *степень семантической непрерывности* лексических групп в словаре данного языка или в каком-либо определенном фрагменте этого словаря?

в) Какова в среднем *степень полисемичности* одного знака? Какова степень омонимичности? Какова степень воздействия контекста (снятие омонимии, образование клише, смысловое «выветривание», идиоматичность, детерминация)?

г) Имеется ли определенный типовой размер запаса лексем в бесписьменных языках? Всегда ли имеет место обратное отношение между количеством разных слов и числом идиом (Nida, 1958, стр. 286)?

д) Сколько уровней контраста (Conklin, 1962) имеется в данном словаре (или в каком-либо его фрагменте)? В английском мы можем обнаружить, вероятно, не более четырех уровней, а очень часто и того меньше. В неспециализированном, обиходном языке обычно не допускается та глубина структурирования, которая присуща научной зоологической или ботанической классификации. Верна ли гипотеза Уоллеса (Wallace,

1961b), утверждающая, что независимо от уровня соответствующей культуры «обиходноязыковые» классификации в той мере, в какой они являются общепринятыми (institutionalized folk taxonomies), не содержат более 64 ($=2^6$) единиц (что влечет за собой ограничения на словарь) и что этот универсальный предел связан с человеческими возможностями переработки информации? Имеется ли какая-либо связь между небольшим числом иерархических уровней контраста и небольшим числом типов знаковых комбинаций (если рассматривать язык как исчисление предикатов второй ступени — 3.1.1)? Имеются ли в языках особые способы для образования названий родовых понятий (superordinates)?⁷²

е) Какова степень «циркулярности»* в данном словаре или его определенном фрагменте? Или, другими словами, насколько эффективен данный язык в роли метаязыка для своего собственного семантического описания (Weinreich, 1962)? Каково соотношение между степенью этой эффективности и абсолютным размером словаря?

4.3.2. Частные характеристики. а) Каков набор семантических компонентов в данном языке? Каковы универсальные семантические компоненты (например: 'поколение', 'пол', 'светлый/темный', 'сухой/мокрый', 'молодой/старый', 'живой/мертвый', 'начинание/устойчивое состояние')?⁷³

б) Какие семантические компоненты обычно или всегда выступают в комбинации? Иначе говоря, каковы те «вещи», которые имеют «цельные» имена в большинстве языков или даже во всех языках? Можно ли считать, что, скажем, семантические компоненты 'пол' и 'возраст' или 'каузировать', 'воспринимать' и 'тип чувств' обычно встречаются вместе (*мальчик : мужчина = девочка : женщина*; *видеть : слышать = показывать : рассказывать*)?

в) Каковы наиболее обычные, повторяющиеся типы полисемии — дизъюнкций тех или иных семантических компонентов? Существуют ли языки, которые обозначают 'видеть' и 'слышать', 'глаз' и 'ухо', 'руку' и 'ногу', 'локоть' и 'колени' одними и теми же словами? Можно

* Под «циркулярностью» понимается такая ситуация, когда слово A_0 определяется через слово A_1 , A_1 — через A_2 , A_2 — через A_3 и т. д., до A_n , а само A_n определяется через A_0 . — Прим. перев.

ли полагать, что такие смыслы, как 'arm' (рука от плеча до кисти) и 'hand' (кисть руки), 'leg' (нога от паха до ступни) и 'foot' (ступня), 'toe' (палец на ноге) и 'finger' (палец на руке), 'smell' (обоняние) и 'taste' (вкус), 'cheek' (щека) и 'chin' (подбородок), 'tongue' (язык — во рту) и 'language' (язык — речь), 'youngster' (мальчик, юноша) и 'offspring' (потомок), 'guts' (внутренности; в переносном значении — 'мужество', 'сила воли') и 'emotion' (эмоции), 'head' (голова) и 'importance' (важность), 'heavy' (тяжелый, большого веса), 'hard' (трудный, суровый) и 'difficult' (трудный, сложный), обычно входят в полисемичные означаемые? Подтвердится ли при рассмотрении более широкого круга языков результат, полученный на материале языков Европы: в случае полисемии терминов восприятия метафорический перенос направлен всегда от зрения к слуху (Ullmann, 1952, стр. 297); слова, связанные с пространственными категориями, могут приобретать временные значения (ср. *длинный/короткий...*), но обратное никогда не имеет места.

г) Верно ли, что среди обозначений предметов, изготовленных руками человека, дискретность семантических компонентов в том или ином означаемом отражает определенность культурных функций соответствующего предмета?

д) Верно ли, что в рамках определенных лексических групп одни языки обнаруживают более высокую степень терминологизации словаря, чем другие? Если это так, то связано ли это с тем, что в соответствующих культурах на данные «вещи» обращается, так сказать, больше внимания?

е) Верно ли, что «лексика, относящаяся к некоторым центральным моментам культуры, соответственно более развита, чем лексика, связанная с периферийными явлениями» (Nida, 1958, стр. 283)? Как это может быть связано с детализированностью означаемых (среднее число семантических компонентов на означаемое), со степенью семантической непрерывности и степенью терминологизации в данной сфере словаря?

ж) Простые знаки (непроизводные слова) можно рассматривать как промежуточное явление между сложными выражениями, с одной стороны, и элементарными, имплицитными семантическими компонентами про-

стых знаков. Имеется ли для каждой определенной семантической области некоторый *оптимальный уровень простых знаков*? Может ли такой уровень быть связан с нейрологическими или психологическими особенностями человеческого организма? Иначе говоря, существуют ли языки, в которых для смыслов типа 'круглый', 'яркий', 'мягкий' и т. п. нет простых знаков: они либо передаются сложными выражениями, либо их можно выделить только как семантические компоненты в составе более специфических означаемых? ⁷⁴

з) Существуют ли способы для объективного исследования семантической «стороны» того или иного языка, его «познавательного стиля» (Hymes, 1961)? Такие способы могли бы заменить крайне импрессионистические описания Уорфа и его последователей.

5. Заключение

Мы попытались предложить ряд семантических языковых универсалий в рамках последовательной и достаточно полной семиотической теории. При этом мы много раз наталкивались, особенно там, где речь шла о десигнаторах, на такую скудость материала, что многие наши выводы неизбежно получались слишком общими и более чем скромными по сравнению со сложностью используемых систем понятий. Тем не менее некоторые всеобщие закономерности все же удалось выявить. По-видимому, наиболее важный вывод состоит в том, что языки, вообще говоря, менее «логичны», симметричны, дифференцированы, чем они могли бы быть, если бы отдельные семантические компоненты и те или иные семиотические механизмы, имеющиеся в том или ином языке, использовались бы единообразно и последовательно по всей системе этого языка.

Возникает вопрос: чем объясняется подобная «небрежность» языка? Зачем она ему? Для любого языка можно привести примеры, доказывающие, что в этом языке есть средства, позволяющие добиться более симметричной организации и более тонкой смысловой дифференциации, чем это имеет место в среднем. Попытаемся выяснить, почему это так.

Весьма вероятно, что ответ заключается в соотношении между объемом памяти, временем концентрации

внимания, временем обращения к памяти и количеством усилий, необходимых для более тонкого кодирования. Представим себе совсем небольшой кабинет, где с трудом умещаются письменный стол и стул; возможно, хозяин предпочтет пользоваться стулом, чтобы достать книгу с высокой полки, или даже ставить для этого стул на стол, но не загромождать свой кабинет еще и стремянкой. Аналогичными соображениями экономии может объясняться и недостаточное использование одних семиотических возможностей языка при чрезмерной эксплуатации других.

Однако прежде, чем мы сумеем изучить указанные соотношения, необходимо провести огромное количество эмпирических исследований. Особенно важно четко осознать, что собственная область лингвистической семантики — это изучение не денотатов (референтов), а системы десигнатов, специфичной для каждого языка⁷⁵.

Различие между денотатами и десигнатами, восходящее по крайней мере к средневековой традиции, рассматривалось лингвистикой XIX в. в рамках учения о «внутренней форме» (ср. Funke, 1932; Звегинцев, 1957, гл. VII); в (после-)соссюровской лингвистике оно выступает как различие между формой содержания (*valeur* «значимость», «ценность») и субстанцией содержания (например, de Saussure, 1922, стр. 158 и сл.; L. Hjelmslev, 1953, стр. 30 и сл.; это различие блестяще использовано на практике в работах Lounsbury, 1956 и у Goodenough, 1956). Это же различие в самых разнообразных формах всплывает во многих современных работах по философии языка (см. J. S. Mill, Frege, Husserl, Marty; Peirce, 1932, §§ 391 и сл.; Carnap, 1942, 1947; Quine, 1953, гл. II). Тем не менее, хотя отделение десигнатов от денотатов имеет за собой вполне почтенную традицию, в недавнее время оно снова было подвергнуто критике с разных сторон. Лингвисты-«механицисты», сторонники раннего бихевиоризма, полагают, что интенционалы [\approx десигнаты] — это психические состояния, недоступные для наблюдения, и что поэтому описательная семантика должна ждать, пока прогресс нейрологии не сделает возможным их прямое исследование (например, Bloomfield, 1933, стр. 140); до тех пор лингвист может наблюдать лишь «совместную встречаемость» знаков

и их предполагаемых денотатов (ср. McQuown, 1956). Поскольку определять слова посредством других слов трудно, лингвистам предлагалось (Виттгенштейном и и другими; см. Wells, 1954) исследовать не значения слов, а их «употребления» в языке. (Остается неясным, «употребления» по отношению к чему имеются в виду?) Появилась теория информации — и от лингвистов стали требовать, чтобы они вычисляли условные вероятности одних слов в зависимости от других и рассматривали эти вероятности как «языковые значения» слов (см. Joos, 1950, стр. 356). Некоторые философы утверждали, что в целях экономии описания следует вообще отказаться от интенционалов (десигнатов). Однако, хотя подобное предложение может оказаться приемлемым при конструировании языка науки, функционирование обычного языка не может быть описано без обращения к десигнатам. Сами философы вынуждены все время иметь с ними дело: Фреге и Пирс — в связи с проблематикой модальной логики, более поздние авторы — в связи с непрямым цитированием, «косвенной речью», «референционной неясностью» (Quine, 1960, стр. 141 и сл.), «структурой интенционала» и «интенциональным изоморфизмом» (Sapir, 1947, стр. 56 и сл.). Все концепции, призванные заменить классическую теорию языка, оказываются недостаточными, когда их применяют к естественным языкам: они либо обходят, либо только затемняют наиболее важные проблемы⁷⁶. Нейрологический «редукционизм» Блумфилда, помимо того что он ставит лингвистику в зависимость от потенциальных открытий, которые, быть может, никогда и не будут сделаны, упускает из виду собственно языковую, «автономную» структурную организацию созданных человечеством семантических систем (ср. Wells, 1954, стр. 118—121); дело в том, что «перифраза» (circumlocution) — это отнюдь не временный паллиатив, используемый для описания значений за неимением лучшего, как полагал Блумфилд, а основной и вполне законный прием исследования. Лозунги британских философов языка полезны в том отношении, что привлекают внимание к некоторым тонкостям полисемии бытовых эпистемологических терминов; однако они едва ли вынудят их отказаться от семантического описания широких пластов лексики.

В результате несколько десятилетий уже потеряно. Лингвистическая семантика должна, наконец, стряхнуть

с себя оцепенение, навешенное вводящим в заблуждение позитивизмом, который оказался нечувствительным к специфическим особенностям языка. Данные бихевиористского типа? Ну, что же — пусть уж будет бихевиоризм. Это все-таки лучше, чем новые теоретические построения, оперирующие неуловимыми «предрасположенностями к реакции» (*dispositions to respond*) (Morris, 1946; Салпар, 1947; Quine, 1960). Пора, наконец, лингвистам заняться исследованием наблюдаемой, публично контролируемой деятельности говорящих, решающих метаязыковую задачу обращения со знаками для обнаружения их смысловой структуры, их интенционалов.

Постскриптум (1965)

С тех пор как была написана настоящая статья (1961 г.), автор продолжал работать над проблемами лингвистической семантики. Результаты его исследований изложены в двух работах, включенных в список литературы (Weinreich, 1964, 1965). Во второй из этих работ дается беглый обзор последних публикаций по семантике; кроме того, имеется специальная статья, посвященная советской литературе по лексикологии (Weinreich, 1963).

В решении вопросов «комбинаторной семиотики» данная работа отходит как от традиционной, так и от современной логики; главное новшество заключается в положении о том, что сложные знаки строятся из простых знаков не только посредством соединения, но и посредством другого (не сводимого к соединению) приема — вставления. В своей последней работе на эту тему (Weinreich, 1965) автор по-прежнему настаивает на необходимости использовать разные типы смысловых отношений между компонентами сложных знаков; более того, он утверждает, что и внутри десигнатов многих простых знаков семантические компоненты могут связываться друг с другом не только посредством соединения. Таким образом, исследования последних лет приводят к мысли о существенном формальном сходстве между семантическими описаниями слов (то есть предложениями метаязыка) и предложениями языка-объекта.

Далее, автор попытался (Weinreich, 1965) построить семантическую теорию, которая хорошо согласо-

вывалась бы с порождающей концепцией в сфере синтаксиса. При этом пришлось подвергнуть критике традиционную по существу трактовку комбинаторной семантики, принятую Кацем и Фодором (Katz and Fodor, 1963). В собственном подходе автора семантические компоненты, составляющие смысл предложения, должны извлекаться не только из слов, входящих в состав предложения, но и из некоторых синтаксических конструкций, участвующих в его построении. Это означает отказ от выдвинутого в данной статье (раздел 1.2) требования, состоящего в том, что грамматическое описание языка должно быть полностью автономным по отношению к его семантическому описанию. Предлагаемая автором теория в ее современном варианте включает и проблемы семантической интерпретации так называемых отклоняющихся (не вполне правильных) выражений; автор стремился преодолеть как враждебность порождающей грамматики по отношению к разного рода отклонениям, так и ее неспособность удовлетворительно описать соответствующую ситуацию.

Вопрос об эмпирическом подтверждении того или иного семантического анализа посредством изучения реакций информанта освещается (наряду с другими многочисленными методологическими проблемами) в книгах Циммера и Бендикса (Zimmer, 1964; Bendix, 1966). В частности, в книге Бендикса сделан существенный шаг вперед в области компонентного анализа общей лексики; Бендиксу удалось выделить ряд весьма абстрактных семантических компонентов, которые встречаются в нескольких неродственных языках и могут оказаться универсальными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К стр. 166. Этот термин заимствован у Морриса (Morris, 1946), но без псевдобихевиористских коннотаций, которые он имеет у Морриса.

² К стр. 166. Остальные «компоненты» знака, выделяемые направлением Пирса — Морриса, а именно «интерпретатор» (interpreter) и «интерпретант» (interpretant), не нужны для целей нашего изложения.

³ К стр. 166. Мы полагаем, что различение денотатов и десигна-тов необходимо в рамках любой разумной программы семантических исследований. См. также раздел 5. Учение о десигнате как наборе условий к обозначаемой ситуации прекрасно изложено Зиффом (Ziff, 1960, гл. III).

⁴ К стр. 167. Приоритет грамматического описания по сравнению с семантическим рассматривается нами как существенная особенность теории, а не просто как следствие применения определенных исследовательских процедур. (Если оставить в стороне курьезы типа «Jabberwocky»*, то оказывается, что лингвисты обычно описывают грамматику того или иного языка на основе текстов, которые они, вообще говоря, понимают.) Среди предложений (и некоторых последовательностей предложений), порожденных какой-либо грамматикой, всегда найдутся такие, которые должны быть признаны семантически неприемлемыми. Семантическое описание языка является адекватным, если значение знаков сформулировано так, что из соответствующих формулировок можно непосредственно усмотреть семантическую неприемлемость предложений, содержащих определенные знаки. Иногда (см. Лахути и др., 1959) проводят различие между осмысленными и бессмысленными правильно построенными формулами, однако для анализа естественных языков нужны более тонкие критерии семантической неприемлемости, например абсурдность, противоречивость, тавтологичность. Очень удобными инструментами семантического анализа языка являются «скелеты» предложений, такие, которые при неправильном заполнении их пустых мест с наибольшей вероятностью оказываются семантически неприемлемыми («...is a kind of...», «it's a ... but it's ...» и т. д.). Исследователь может, разумеется, заставить информантов выполнять в явном виде металингвистические операции, например упорядочивать слова в семантические парадигмы (антонимические пары или какие-либо множества с многими измерениями), определять семантическое расстояние между синонимами и даже давать определения словам (или оценивать предложенные ему определения). Идеальная форма семантического правила — это определение (дефиниция); однако в естественном языке для многих значащих элементов дать определение весьма затруднительно (Weinreich, 1962). Тем не менее даже для плохо определимых или вообще неопределимых элементов можно указать место в семантической парадигме. Впрочем, здесь возникают методологические проблемы, выходящие за рамки задач настоящей статьи.

⁵ К стр. 167. В сжатой формулировке Каролака (1960, стр. 246) указывается, что «семема ... возникает в результате участия данной единицы в конкретных парадигматических функциях, однако с эмпирической точки зрения любая данная единица является членом стольких парадигм, сколько имеется разных синтагматических позиций, в которых эта единица может функционировать».

⁶ К стр. 171. Мы можем, например, обратиться к непревзойденному до сих пор рейхенбаховскому «анализу разговорного языка» (1948, гл. VII); при этом мы вовсе не обязаны соглашаться с его критикой тенденций к «аналогии» (стр. 278) и к «выравниванию» (стр. 263) в естественных языках или с его упреками по адресу немецкого языка, «недостатком» которого признается образование наречий от прилагательных без помощи особого показателя (стр. 302;

* «Jabberwocky» — стихотворение из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, в котором содержатся фразы, построенные по тому же принципу, что известная фраза Л. В. Щербы с «глокой куздрой», то есть фразы, построенные с полным соблюдением правил грамматики, но из искусственных лексических элементов. — *Прим. ред.*

ср. *schnell* 'быстрый' — *schnell* 'быстро'). К сожалению, логики обычно не различают среди «дефектов» естественного языка, которые они стремятся преодолеть, дефекты универсальные (ведущие к антиномиям) и индивидуальные, присущие лишь отдельным языкам. Так, неоднозначность английского *is* (принадлежность к классу — предикация — тождество) не может возникнуть в такой же форме в языках, где «прилагательные» являются «глаголами». Проблема определенных дескрипций вряд ли встала бы в работе логиков, опирающихся, скажем, на русский, латинский или какой-нибудь другой язык, не имеющий артиклей. Чтобы не смешивать задачу описания языка с задачей его критического анализа, мы говорим о «семиотической форме» высказываний, а не об их «логической форме»; в противном случае нам пришлось бы в ряде случаев прийти к странному заключению о том, что некоторые логические формы являются не логическими.

⁷ К стр. 171. Самая серьезная ошибка Рейхенбаха заключается, безусловно, в его стремлении перестроить грамматику на чисто логических основаниях (например, *Reichenbach*, 1948, стр. 255 и др.). Однако его не всегда оправданные нападки на «традиционную грамматику» не должны помешать нам увидеть глубину и точность его семантических анализов.

⁸ К стр. 171. Что касается книги Сеше (*Seschenaye*, 1926), то ее название не может не разочаровать читателя. На самом деле, в ней рассматривается только французский и несколько других европейских языков. Тем не менее Сеше усмотрел эквивалентность семантических отношений в парах «прилагательное: существительное» = «наречие: глагол» (стр. 64) и близко подошел к нашей трактовке 'соединения' и 'вставления' (см. 3.1.1); мы имеем в виду то различие, которое он проводит между *complément intrinsèque* и *complément extrinsèque* (стр. 61—79, в особенности стр. 71 и сл.). Шмидт (*Schmidt*, 1959) пользуется более тонким логическим аппаратом, однако весь его материал почерпнут только из одного языка (немецкого).

⁹ К стр. 171. Ср. следующую формулировку Морриса (1938, стр. 21): «...формализованные языки, изучаемые современной логикой и математикой, воплощают в себе формальную структуру как реальных, так и потенциальных языков того типа, которыми обычно пользуются, чтобы говорить о повседневных вещах; во всех их деталях отражаются существенные особенности реальных человеческих языков». Уорф (*Whorf*, 1956) сильно преувеличил культурную относительность логики, не заметив наиболее общих типов знаковых комбинаций и приписывая десигнаторам весьма произвольную структуру; ср. также 3.1.3. Интересная попытка создания логически экономного языка (*Loglan*) описывается Брауном (*Brown*, 1960). О логическом языке для органической химии см. работы Лахути и др. (1959), для лингвистики — тезисы В. В. Иванова (в «Питання...», 1960, стр. 5—8), для геометрии — статью Кузнецова и др. (1961).

¹⁰ К стр. 172. Р. Карнап, например, говорит (*Carnap*, 1947, стр. 85) об «обычном различии между логическими и дескриптивными (нелогическими) знаками». Те системы комбинаторной логики, которые стремятся преодолеть это различие (ср. *Rosenbloom*, 1950, стр. 109 и сл.), каковы бы ни были их достоинства, гораздо менее похожи на естественные языки, чем более традиционные логические системы.

¹¹ К стр. 173. Создатели Логлана (см. прим. 9) предлагают придать каждому знаку особую каноническую форму в зависимости от его семиотической функции. Их предложения хорошо согласуются с интуицией и представляются вполне приемлемыми (J. C. Brown, 1960, стр. 58 и сл.).

¹² К стр. 173. Из трех разделов семиотики хуже всего определена прагматика. Внимательное чтение работы Морриса (Morris, 1938, гл. 9) показывает, что ясное представление о прагматике у автора отсутствует. Со времен Морриса каждый исследователь давал прагматике свое собственное толкование. Карнап отнес к прагматике всю дескриптивную семантику (Carnap, 1956, стр. 233) и выдвинул тезис «о настоятельной необходимости разработать систему теоретической прагматики» (1956, стр. 250). Лаунсбери (Lounsbury, 1956, стр. 189) и Якобсон (Jakobson, 1957) также предложили более или менее оригинальные классификации. Разграничение, принятое в настоящей статье, тоже, возможно, выполнено *ad hoc* (хотя оно во многом опирается на уже упоминавшуюся книгу Рейхенбаха (Reichenbach, 1948)).

¹³ К стр. 174. В языках, где императив не имеет специальной формы и единственным внешним показателем императива является опущение подлежащего, может возникнуть следующая неоднозначность: совпадают утверждения и те приказы, в которых подлежащее «сохраняется» для целей эмфазы, как в англ. You eat this soup 'Вы ешьте этот суп'. Надпись типа PEDESTRIANS KEEP OUT. Пешеходы, посторонитесь' «прагматически» неоднозначна, поскольку на письме отсутствует интонация (не показанная в надписи и с помощью запятой), которая позволяла бы определить, чем является слово pedestrians 'пешеходы' — обращением или подлежащим [другое мыслимое толкование надписи: 'Пешеходы сторонитесь'].

¹⁴ К стр. 174. Болинджер выдвигает другое понимание утверждения, и вопросы рассматриваются как противоположные полюсы на некоторой шкале, в середине которой располагаются неуверенные утверждения. Поскольку «Нет» можно сказать в ответ не только на вопрос, но и на утверждение, неудивительно, что человек, делающий какие-то утверждения, иногда отражает в своей речи ожидание отрицательного ответа.

¹⁵ К стр. 175. Кац и Постал (Katz and Postal, 1964, стр. 152, сноска 2), не соглашаясь с положением о том, что вопросительные предлоги в принципе допустимы (хотя, по-видимому, они и не встречаются на практике), настаивают на их *теоретической невозможности*. Поскольку, однако, теория Каца и Постала не дает никаких оснований для такого вывода, их возражения представляются мне неубедительными, а их формулировки свидетельствуют, на мой взгляд, лишь о возросшем пренебрежении к фактам.

¹⁶ К стр. 176. В частности, у детей возможна как раз обратная связь между размером и положительной оценкой. Хоккетт указывает, что в потаватоми имеется два типа диминутивов — один с гипокористическим (ласкательным) значением, другой — с пейоративным. Ряд интересных замечаний относительно имплицитных (covert) оценочных компонентов в смешанных знаках можно найти у Сепира (1915) и Звегинцева (1957, гл. VII).

¹⁷ К стр. 177. По-видимому, «дейксис» — это наиболее традиционный лингвистический термин, используемый в фундаментальных исследованиях Бругманна и Бюлера (1934). Моррис принял термин

Пирса — «индекс» (1938, стр. 17 и сл.), а Якобсон — есперсеновский термин — «шифтер» (1957). Рейхенбах (1948, стр. 50) говорит о «словах, обращенных на знаки» (token-reflexive-words). (Относительно важного значения дейксиса для процесса общения см. Bar-Hillel, 1954.)

¹⁸ К стр. 179. Хоккетт сообщил мне, что в корейском имеется шесть рядов форм, различающихся (морфологически) в зависимости от относительного положения говорящего и слушающего; кроме того, имеется еще два ряда форм (пересекающихся с указанными шестью рядами), различие между которыми зависит от относительного положения говорящего и того, о чем идет речь.

¹⁹ К стр. 179. Не все языки в равной степени удовлетворяют сказанному здесь. В английском выражение *his canoe* 'его лодка' соответствует двум выражениям: *he has a canoe* 'у него есть лодка' и *he had a canoe* 'у него была лодка'; однако в потаватоми (как указывает Хоккетт) «претериту» глагола соответствует «претерит» именной притяжательной конструкции*. Тем не менее, по-видимому, ни в одном языке не бывает так, чтобы в номинализованных предложениях различалось больше времен, чем в исходных ядерных предложениях.

²⁰ К стр. 181. В нутка имеется глагольная основа *qwis-* 'делать так' (Sapir, 1921, стр. 181). В некоторых сербохорватских диалектах, как указывает П. Ивич, встречается глагол *онодити* (букв. 'этить'), используемый а) как эвфемизм вместо «неприличных» глаголов, б) как заполнитель пауз или в) как «местоглаголие», чтобы избежать повторов. Хоккетт отметил, что в китайском с помощью показателя «континуатива» -*чжэ* можно образовывать глаголоподобные формы от указательных наречий: *чжэмачжэ* 'делать таким образом', *нэмачжэ* 'делать таким образом'. Однако приведенные формы встречаются, по-видимому, очень редко; это позволяет предположить, что ни в одном языке в «глаголе» не выражается дейктических различий больше, чем в определителях глагола и имени.

²¹ К стр. 184. Об отрицательных частицах см. у Циммера (Zimmer, 1964).

²² К стр. 184. Ср. класс «preverb» у Лиза (Lees, 1960, стр. 18 и сл.). Замечание Рейхенбаха (1948, стр. 308) о том, что «слово *пот* 'не'... рассматривается многими грамматистами как наречие, однако это — логическая константа», хорошо иллюстрирует главные недостатки его книги: о каком языке идет речь? Грамматисты какого направления имеются в виду? И почему языковой знак не может одновременно быть (грамматически) наречием и (семантически) логической константой?

²³ К стр. 185. Так, в потаватоми есть глаголообразующий суффикс *-kiwipikut*, который, присоединяясь к числительным, образует глагол со значением 'быть на... лет' (Hockett, 1948, стр. 214).

²⁴ К стр. 187. Необходимо специально исследовать грамматические способы, используемые разными языками для превращения «вещественных» существительных (mass nouns) в «счетные» (count nouns) и для специализации имен собственных с помощью определенных описаний. Нет особых оснований предполагать, что это де-

* Иначе говоря, выражение 'его лодка' соответствует в потаватоми только фразе 'у него есть лодка'; для фразы 'у него была лодка' существует выражение 'его лодка' в прошедшем времени. — Прим. перев.

ляется посредством артиклей, и притом так, как в английском языке. Например, в английском противопоставление «вещественное/счетное» нейтрализуется при определенном артикле (an/some iron: the iron *); однако в северо-восточном диалекте языка идиш это противопоставление сохраняется и выражается посредством родовых различий, ср. *der ajzn* «кусок железа»: *di ajzn* «сорт железа». Хотя в иврите имеется определенный артикль *ha-*, его нельзя использовать наподобие английского *the* в конструкциях типа *the Jerusalem which I remember* 'тот Иерусалим, который я вспоминаю': требуется употребить указательное местоимение (*ota jeruśalaim...*).

²⁵ К стр. 187. Хаусхолдер приводит следующие примеры. В латинском и древнегреческом топонимы имеют некоторые особые формы, а личные имена — «естественный» род, так, что, например, *Glycerium* (женское имя) — женского, а не среднего рода. В древнегреческом языке артикль при личных именах употребляется факультативно во многих таких контекстах, где при именах нарицательных он обязателен. Латинские полные мужские имена обычно состоят из трех компонентов, причем один компонент обязательно выбирается из очень небольшого (и замкнутого) списка. В классическом греческом большинство мужских имен — двучленные сложные слова такого типа, который не встречается нигде, кроме как в именах. В новогреческом многие мужские имена обладают специальной звательной формой на *-o*; любому имени могут предшествовать элементы (*barba-*, *kapitan-*, *kir-*, *ay-* и т. п.), которые не присоединяются к именам. В английском (и многих других современных языках) тоже имеются единицы типа *Mr.* 'мистер', *Mrs.* 'миссис', *Dr.* 'доктор', *Prof.* 'профессор' и т. п., сочетающиеся с фамилиями, и единицы типа *Sir* 'сэр', *Dame* 'мадам', присоединяемые к именам. Во многих (но не во всех) языках личные имена образуют открытое, практически неограниченное множество: любой фонологически допустимый отрезок без колебаний принимается говорящими в качестве личного имени; однако ни один другой класс морфем не обладает подобным свойством (хотя в английском дело обстоит почти так же с названиями растений и другими аналогичными классами названий). В турецком и азербайджанском имеются конструкции, в которых не могут участвовать ни личные имена, ни вообще любые имена собственные (это конструкции, в которых должна быть выражена неопределенность; имена собственные, как и личные местоимения, автоматически являются определенными).

²⁶ К стр. 188. Карнап предлагал Рейхенбаху (*Reichenbach*, 1948, стр. 325) рассматривать семантические и синтаксические форматоры вместе; однако нам представляется целесообразным сохранить здесь первоначальное подразделение Рейхенбаха.

²⁷ К стр. 188. На вывесках американских магазинов очень часто встречаются надписи типа «HOT COFFEE» TO TAKE OUT 'Горячий кофе' на вынос'.

²⁸ К стр. 188. В санскрите — это *iti*, в турецком — *diye*; оба элемента используются для обозначения и явного, и имплицитного цитирования. В классическом греческом существует частица *hōs*, выра-

* An iron — '(некоторое) железное изделие', например утюг («счетное»), some iron — '(некоторое количество) железа' («вещественное»); the iron — 'изделие (утюг, щипцы...)' и 'железо' (то есть и счетное и вещественное). — *Прим. перев.*

жающая имплицитное цитирование многих разных типов и нескольких типов явного цитирования (Хаусхолдер).

²⁹ К стр. 189. Некоторые исследователи предлагали трактовать определения (= дефиниции) как предложения с «отождествляющим глаголом», обозначающим логическую эквивалентность (« $a \equiv b$ », то есть «всякое a есть b и всякое b есть a »). О трудностях применения подобной трактовки к естественному языку см., например, Ziff, 1960, стр. 168 и сл.

³⁰ К стр. 189. Не следует думать, что «конъюнкция» предполагает определенную временную последовательность в речевом акте. В конъюнкции знаков $A+B$ знак B может обозначать операцию, «применяемую» к A .

³¹ К стр. 189. Теперь, когда изучение логического феномена предикации выведено (ценой значительных усилий) из хорошо известного метафизического тупика, соответствующий семиотический процесс можно, по всей видимости, прекрасно описать в рамках теории десигнации.

³² К стр. 190. Относительно некоторых типичных философских возражений по поводу использования исчислений высших ступеней ср. Rosenbloom, 1950, стр. 87 и Smart, 1949.

³³ К стр. 191. Соответствующую процедуру можно представлять себе приблизительно следующим образом. «Соединение» и «вставление» рассматриваются как «метаотношения» между отношением и его аргументом (ср. Reichenbach, 1948, стр. 229 и сл., 320). Обозначая соединение через Lk (linking), а вставление — через Ns (nesting), определим для произвольной формулы « $\varphi(f, \dots)$ »:

$$Lk(\varphi, f) = Df(\exists z) \varphi(z) \cdot f(z)$$

$$Ns(\varphi, f) = Df \overline{Lk(\varphi, f)}.$$

В формуле вида « $\varphi(f, g, h, \dots)$ » по крайней мере один аргумент должен обязательно соединяться с функцией:

$$(\varphi)(f)(g)(h) \dots Lk(\varphi, f) \vee Lk(\varphi, g) \vee Lk(\varphi, h) \vee \dots$$

Если отношение φ симметрично, вставление невозможно:

$$(\varphi)(f)(g) \varphi(f, g) \cdot \varphi(g, f) \supset Lk(\varphi, f) \cdot Lk(\varphi, g).$$

Операция соединения эквивалентна классической формуле $S \rightarrow P$. Очевидно, что в ряде отношений замена аристотелевской формулы предложения ' S есть P ' логическим выражением, допускающим и многоместные отношения, то есть ' $R(a, b)$ ', обеспечивает, помимо ряда технических преимуществ, лучшее приближение к структуре естественного языка; ср., например: Reichenbach, 1948, стр. 83 и Bühler, 1934, стр. 370. Однако утверждение Бюлера, что «логистическая схема $aRb \dots$ [представляет] два члена отношения, лишённые характера S и P », верно лишь для неинтерпретированного исчисления; в естественном же языке либо ' a ' и ' R ', либо ' b ' и ' R ', либо и то и другое часто оказываются в отношении $S \rightarrow P$ друг к другу. Этот факт обычно не отмечают. Так, например, его оставили без внимания Куайн (Quine, 1960, стр. 106 и сл.) и Сеше (Schechaye, 1926, стр. 72). Рейхенбах (1948, стр. 229 и сл., 320) рассматривает «метаотношение» между отношением и его аргументом как константу, без которой можно и обойтись. Это, однако, не-

верно, поскольку имеется по крайней мере два взаимонезаменимых «метаотношения».

В этой связи возникает ряд интересных и до сих пор не исследованных проблем. Так, например, в некоторых языках с помощью грамматических средств различается более постоянное, «номологическое» соединение или вставление (между аргументами и отношениями) и более временное, изменчивое; ср. корейск. kkoč-ən təl-e p'imni-ta 'цветы растут [вообще, по природе] в поле' vs. kkoč-i təl-e p'imni-ta 'цветы [эти, конкретные] растут в поле'; русск. Он больной vs. Он болен, англ. he is a bum 'он лодырь' vs. he is bumming 'он лодырничает [сейчас]', польск. on śpiewak 'он певец' vs. on śpiewa 'он поет' vs. on śpiewa sobie 'он поет [время от времени]', кит. wo cзя 'моя [неотчуждаемая] семья' vs. воды cжоцзы 'мой [отчуждаемый] стол' (Hoskett, 1958, стр. 187). Определяя изменение отношения $f(x, y)$ в производное отношение $f'(y, x)$, мы должны исследовать, какие имеются в данном языке эксплицитные и имплицитные средства для образования отношения f' . Так, в английском эксплицитным средством является пассив (x sees y 'x видит y' → y is seen by x , букв. 'y видим x-ом'), а имплицитным — антонимы (x gives y to z 'x дает y z-y' → z receives y from x 'z получает y от x'; x is under y 'x под y' → y is over x 'y над x'). Определяя изменение отношения $f(x, y)$ в производное отношение с меньшим числом мест $f''(x)$, мы опять-таки должны установить, какие эксплицитные и имплицитные средства используются языком для «ослабления» переходности названия отношения (эксплицитные: x writes y 'x пишет y' → x writes 'x пишет', x is in y 'x в y' → x is inside 'x внутри'; имплицитные: x says y 'x говорит y' → x talks 'x говорит, разговаривает').

Специальное описание требуется, по-видимому, для семантической парадигмы тех имен-отношений, которые, не будучи симметричными, тем не менее вступают с обоими аргументами в отношение соединения (seem 'казаться', constitute 'составлять, являться', form 'образовывать, являться', resemble 'походить на'). Кроме того, когда десигнат асимметричного отношения языка L описывается на семантическом метаязыке ML, то соответствующее предложение на ML должно, по всей вероятности, содержать отношение вставления, хотя обратное неверно.

³⁴ К стр. 192. Мы часто упрощаем формулы Рейхенбаха, опуская, в частности, аргумент «время» в записи глаголов. Логический анализ приведенного примера будет выглядеть в полном виде приблизительно так:

$$(\exists x)(\exists y)(\exists t)(\exists f)(\exists g) \exists \text{Child}(x, t) \cdot f(x) \cdot \text{Cry}(f, t) \cdot \text{Bitter}(f, t) \cdot \\ \cdot \text{Mention}(x, \theta) \cdot g(x) \cdot \text{Walk}(g, y, t) \cdot \text{Fast}(g, t) \cdot \text{Home}(y, t) \cdot \\ \cdot \text{Have}(x, y, t) \cdot \text{Prec}(t, t_\theta),$$

где \exists = 'три', Child = 'x есть ребенок в момент t '; Cry = 'x плачет в момент t ', Bitter = 'x горек в момент t ', Mention = 'x упоминается в θ ' (где θ — это акт речи), Walk = 'x идет в θ в момент t ', Fast = 'x быстр в момент t ', Home = 'x является домом в момент t ', Have = 'x имеет y в момент t ', Prec = 'x предшествует θ ', θ обозначает данный акт речи, а t_θ — время данного акта речи.

³⁵ К стр. 194. Мы исходим из предположения, что правила, которые должны исключать «семантически» неприемлемые выражения, отличаются по своей природе и форме от грамматических правил.

Другими словами, мы считаем, что семантическое описание языка — это вполне автономная область, а не простое продолжение грамматического описания.

³⁶ К стр. 195. Ср. разбор Якобсона (Jakobson, 1959), показывающий, как предложение, приводимое в качестве примера полного и абсолютного абсурда, можно при желании осмыслить, то есть декодировать посредством принимаемых *ad hoc* модификаций кода.

³⁷ К стр. 197. Ср. Hjelmslev, 1963, стр. 28 (русск. перев., 1960, стр. 304): «Таким образом, мы не должны считать, например, что существительное более значимо, чем предлог, или это слово более значимо, чем словообразовательный или словоизменительный аффикс». На аналогичной точке зрения стоит и Хомский (Chomsky, 1957, стр. 104 и сл.). Мы, однако, не можем согласиться с мнением Ельмслева, что «в абсолютной изоляции ни один знак вообще не имеет значения». С другой стороны, остается открытым следующий вполне законный вопрос: почему для выражения определенных значений большинство языков охотнее использует «грамматические», а не лексические средства? (П. Ивич).

³⁸ К стр. 197. Weinreich, 1959, стр. 335. Я неоднократно обсуждал указанную точку зрения с Карлом Циммером, и его замечания помогли мне сформулировать мою точку зрения. Верно, что понять, как именно некоторый суффикс (например, голл.-*-en*) обозначает множественность, не всегда легко; эта трудность может объясняться лишь двумя следующими причинами: 1) значения грамматических категорий часто бывают крайне абстрактными (хотя смысл 'много' у того или иного суффикса вряд ли абстрактнее, чем у слова *plurality* 'множественность', а в слове *entiti-es* 'сущности' основа имеет, безусловно, более абстрактное значение, чем суффикс); 2) суффиксам, обычно состоящим из очень небольшого числа фонем, присуща значительная омонимия; однако английский суффикс *-s* (1) при существительных — 'много', 2) при глаголах — 'один') вряд ли более омонимичен, чем, скажем, французская свободная форма *sā* (1) *cent* 'сто', 2) *sans* 'без', 3) *sang* 'кровь'). Отметим, что во многих языках форматоры могут превращаться в имена аргументов: франц. *dix* 'десять' → *dizaine* 'десяток', англ. *and* 'и' → *addition* 'прибавление, сложение', *or* 'или' → *alternative* 'альтернатива', *if* 'если' → *(an)if* '(некоторое) условие'.

³⁹ К стр. 197. См. Gleason, 1962. Попытка Савченко (1959, стр. 43 и сл.) заменить сепировские грамматические критерии классификации по частям речи семантическими критериями представляется несколько запоздалой; впрочем, его решительные формулировки относительно универсалий (отрицаемых Сепиром) в области классификации слов могут оказаться вполне правильными. В этой связи целесообразно обратиться к соотношению между обязательностью и наличием значения. Согласно хорошо известному принципу теории информации, то, что полностью предсказуемо, не несет никакой информации. Однако если отсутствие информации отождествляется с бессмысленностью, наличие информации можно отождествлять только с осмысленностью, но не с самим смыслом (Bar-Hillel and Carnap, 1953). Исходя из этого, мы можем легко обойти дилемму Зиффа (Ziff, 1960, стр. 182 и сл.), связанную с различием между «иметь определенное значение» и «иметь значение» [≈ «быть значащим»]. Поразительно, что отрицательная формулировка «не иметь (никакого) значения» соответствует обоим членам данного

противопоставления, показывая и грамматический и содержательный аспект. Если какая-либо морфема полностью избыточна при наличии некоторых других морфем, как указывает Каролак (Karolák, 1960, стр. 246), то она не имеет парадигматической функции, и мы готовы называть ее незначащей (ср. также Ziff, 1960, стр. 41). Отсюда следует, например, что в немецком языке датив является значащим в тех случаях, когда он может быть противопоставлен аккузативу (скажем, после предлога *in* 'в'), и незначащим в прочих случаях (как после *mit* 'с'). Хотя этот вывод идет вразрез с попытками установить основные значения (*Grundbedeutungen*) падежей, он с необходимостью вытекает из признания автономности грамматики и семантики.

⁴⁰ К стр. 198. Весьма приблизительно фактор «большей новизны», связанный с ремой (англ. *comment*, франц. *propos*), можно описать так: в предложении вида $f_1(x_1)$ рема — это f_1 , если предшествующий контекст был вида $f_2(x_1)$, или x_1 , если предшествующий контекст имел вид $f_1(x_2)$. Попытки определить, что же именно является ремой в данной фразе, исходя исключительно из внутрифразовых критериев, всегда приводят, по-видимому, к паразитической семантической интерпретации некоторого грамматического факта. (Данное примечание стимулировано возражениями Хоккетта на более раннюю формулировку.)

⁴¹ К стр. 201. При анализе разбираемых здесь примеров из языка нутка предполагается наличие структурной [≈синтаксической] иерархии, играющей смыслоразличительную роль: 'избранные находятся в лодке', а не 'находящиеся в лодке являются избранными'; 'имеет место хождение за едоками вареной пищи', а не 'имеет место варка пищи для приведенных едоков'.

⁴² К стр. 201. Рейхенбах (Reichenbach, 1948, стр. 26) полагает, что выражение ' $a \supset b \supset c$ ' бессмысленно, поскольку в нем не выделена главная операция. Верно ли, однако, что человеческий ум не способен вообразить семиотическую систему без главных предикатов?

⁴³ К стр. 201. Имеются основания рассматривать числительные — например, в английском — как форматоры. Заметим, что те фразы, где числительное выступает в роли главного предиката, стилистически неудачны: *the boys were five* 'мальчиков было пять'; нормальная ситуация — это употребление числительных в роли пониженного в ранге предиката, или пропозициональной операции (*five boys...* 'пять мальчиков...'). Тонко дифференцированные «наречные» аффиксы полисинтетических языков можно рассматривать как десигнаторы, никогда не выступающие в роли главного предиката, — ср. нутка *-ista* 'в лодке', команчск. *pi-* 'ягодицами', *ta-* 'ногой' (Casagrande, 1954, стр. 148). Впрочем, такие суффиксы могут быть и квазиалломорфами существительных со значениями 'лодка', 'ягодицы', 'нога'.

⁴⁴ К стр. 202. Много интересных примеров приводит Маркус (Marcus, 1960). Нельзя, однако, не отметить тот удивительный факт, что воздвигнутая им метафизическая конструкция покоится на весьма ненадежном лингвистическом основании: естественные языки представлены в его исследовании всего одним — немецким — языком.

⁴⁵ К стр. 205. Характер отношений между грамматикой и комбинаторной семиотикой осознается лингвистикой с таким большим запозданием, что даже Блумфилд, который вряд ли назвал бы прилагательное «словом со значением качества», спокойно допускал смешение семантики и грамматики, называя предикативную конструк-

цию конструкцией «деятель — действие». (Аналогичными дефектами страдает и найдовская трактовка эпистемем; см. Nida, 1951, стр. 10 и сл.). За это смешение, терпимое лишь, если не относиться всерьез к автономности семантики. Блумфилд был обвинен в ментализме (!) в одной прекрасной статье, посвященной автономности грамматических и семантических явлений (Vauysseps, 1950, стр. 37; в том же самом сборнике имеется статья Ларошетта, содержащая четкое и вдумчивое изложение данной проблемы). Экстраполируя грамматические классы, можно прийти не только к абстрактным онтологическим типам, но и к конкретным десигнационным классам, например, экстраполируя от различий по роду — к половым различиям.

⁴⁶ К стр. 205. Постепенное овладение семантической системой родного языка у детей различного возраста было исследовано в работах З. М. Истоминой (Шемякин, 1960, стр. 76—113), Флейвелла и Стедмана (Flavell and Stedman, 1961), Эрвина и Фостера (Ervin and Foster, 1961).

⁴⁷ К стр. 206. См., например, Lees, 1960, стр. 103 и сл., а также в других местах. В качестве полезного следствия из такого подхода можно было бы попытаться получить определение слова как минимальной свободной формы, причем слово «свободная» должно пониматься здесь не в расплывчатом смысле «способная произноситься отдельно», а совершенно точно: свободная форма — это форма, которая может быть получена в виде отдельного высказывания в результате применения (сформулированных в явном виде) эллиптических трансформаций данной грамматики.

⁴⁸ К стр. 207. Все попытки трактовать такие предложения как двусоставные путем постулирования подразумеваемых членов («sovert arguments») следует признать неудачными. Так, если считать, что у предиката 'дождь' имеется имплицитный «вставленный» аргумент 'теперь', то этот аргумент придется усматривать в любом предложении с глаголом настоящего времени. Если соединять предикат 'дождь' с таким имплицитным аргументом, как 'снаружи' или 'это', то тогда любой аргумент в любом полном предложении можно соединить (с помощью определенной дейктической операции) с некоторым 'это'. Однако, как указал Хаусхолдер, в ряде языков некоторые описания погоды все-таки могут иметь имплицитный аргумент: англ. It is sunny 'Солнечно' = The weather is sunny 'Погода солнечная', но только It rains 'Идет дождь' (букв. 'Дождит'), не *The weather rains 'Погода дождит'.

⁴⁹ К стр. 208. О попытке формально описать полисемию как пересечение разных семантических полей см. Лахути и др. (1959, стр. 217 и сл.) и И. И. Ревзин в ССМ (1961, стр. 17—19).

⁵⁰ К стр. 208. Наиболее полно эту проблему рассматривает Завадовский (Zawadowski, 1958 и 1959). Хорошо известная идея разрешения полисемии с помощью контекста (ср. Paul, 1880, стр. 56, Wegener, 1885, стр. 84; Gréal, 1897, стр. 141 и сл.) была недавно предложена Джоосом (Joos, 1958) в качестве основы новой науки — «семологии». Эта идея подверглась систематическому изучению в работах членов Кембриджского лингвистического кружка (ср. Masterman, 1959) и Ю. Д. Апресяна (1962).

⁵¹ К стр. 208. Проблема смыслового инварианта в случаях полисемии рассматривается с формальной точки зрения С. К. Шаумяном (СПЛС, 1960, стр. 21—25) и И. И. Ревзиным (ССМ, 1961, стр. 17—19).

⁵² К стр. 209. «Высказывание (или любой другой символ) является неопределенным, если существуют возможные ситуации (states of things), относительно которых остается, по существу, неясным, как отнесся бы к ним автор данного высказывания, а именно, считали бы они, что они допускаются или исключаются этим высказыванием...» (Bla ck, 1949, стр. 30).

⁵³ К стр. 209. В большинстве словарей фиксируется гораздо больше случаев полисемии, чем их есть в действительности; это делается за счет общности или неопределенности значения отдельных слов. Так, например, словари различают значения слова *fair* в *fair chance* 'хорошие шансы' и в *fair health* 'доброе здоровье'. О чрезмерной дифференциации значений в семантических описаниях см. Ben v é n i s t e, 1954 и Z a w a d o w s k i, 1959; ср. также З в е г и н ц е в, 1957, стр. 238—244 и G o v e, 1957.

⁵⁴ К стр. 209. Крайне существенно, чтобы исследователь оперировал не с интуитивным представлением о значении, а с явным и точным описанием значения (Weinreich, 1962). Решение вопроса о том, имеют ли значения 'кричать' и 'плакать' общие смысловые компоненты, полностью зависит от буквального словесного состава их лексикографических определений. Можно, разумеется, ввести *ad hoc* для указанной пары общий множитель, например — 'эмоциональное возбуждение'. Однако будет ли достаточно экономичным введение такого компонента в определение каждого соответствующего слова?

⁵⁵ К стр. 209. Но не во всех; в *rain* — мы имеем явно *coat*² (П. Ивич) [*rain-coat* = 'плащ-дождевик']. Во всяком случае, «законными» следует считать только такие контексты, в которых не предполагаются какие бы то ни были метаязыковые операции. См. прим. 76.

⁵⁶ К стр. 210. Лучше всего эта проблема исследована, по-видимому, Н. З. Котеловой (1957); см. также А х м а н о в а, 1957, стр. 104—165. Необходимым условием омонимии является совпадение возможных грамматических контекстов, то есть принципиальная возможность неоднозначности; это особо подчеркивается в двух работах, дающих наиболее содержательный анализ проблемы омонимов: см. В и н о г р а д о в, 1960; А в р о р и н и др., 1960. К ссылкам на более старую литературу по омонимии, приводим у Ульманна (Ullmann, 1951), следует добавить еще одну: R i c h t e r, 1926.

⁵⁷ К стр. 210. Глагол *arrange* 'приводить в порядок; устраивать; договариваться; улаживать (спор); приспособлять, переделывать; оркестровать; монтировать' дает нам более сложный случай неоднозначности: если *music*¹ — это 'музыка' (звучащая), а *music*² — 'записанная музыка', 'ноты', то *arrange music* может значить либо *arrange*¹ *music*² (то есть 'приводить в порядок, укладывать на место ноты'), либо *arrange*² *music*¹ (то есть 'оркестровать музыку'); таким образом, словосочетание в целом остается неоднозначным. Ранее указывалось (см., в частности, G o d e l, 1948 и Ф а л ь к о в и ч, 1960), что участие в различных моделях словообразования и словосложения может выступать как средство разрешения полисемии. Однако хотя полисемия действительно обычно сопровождается различиями в словообразовательных возможностях, систематическое обследование словаря (Kleiner, 1961) показывает, что подобные различия не могут служить критериями для выбора нужного значения среди значений полисемичной единицы. Вообще говоря, принцип раз-

личия словообразовательных возможностей годится лишь при лексикографическом анализе слова, взятого в изоляции; человеку, слушающему живую речь, этот принцип помочь не может. В самом деле, как можно различить неоднозначность французской фразы *j'ai vu des voiles* 'я увидел вуали/паруса' в некотором конкретном акте речи с помощью того факта, что единственное число слова 'вуаль' будет *le voile*, а единственное число слова 'парус' — *la voile*? (Пример взят у Ульманна (Ullmann, 1953, стр. 234)).

⁵⁸ К стр. 212. Иное определение понятия «идиома», предложенное Хоккеттом (Hockett, 1956), неприемлемо; обоснование этого утверждения см. у Вейнрейха (Weinreich, 1959).

⁵⁹ К стр. 214. Бар-Хиллел (Bar-Hillel, 1955, стр. 192) правильно отмечает, что идиоматичность того или иного выражения должна определяться не только относительно данного языка, но и «относительно данного словаря». О соотношении между синонимией и полисемией см. также Курилович, 1955; Шаумян в СПЛС, 1960, стр. 21—25; и Ревзин в ССМ, 1961, стр. 17—19.

⁶⁰ К стр. 214. О грамматических особенностях русских идиом см. Ахманова, 1957, стр. 166—191; аналогичные явления в английском языке рассматривает Смирницкий (1956, стр. 203—230); наконец, общей проблеме образования идиом и клише посвящено прекрасное исследование С. И. Ожегова (1957). Заметим, что утверждение Хоккетта (1956), будто в английском языке конструкция *A+N* является признаком идиомы, ошибочно; в действительности конструкция *A+N* продуктивно образуется из *X has a AN* 'у *X* есть *AN*' (например, *yellow-belly*) или *N is for ... A'N для... A'* (например, *plate for [keeping things] hot* 'блюдо, чтобы сохранять пищу горячей' → *hot plate*).

⁶¹ К стр. 215. Пример заимствован из работы Де Фрэнсиса (De Francis, 1950, стр. 149), где можно найти также ряд полезных замечаний, предостерегающих против преувеличения специфичности и экзотичности китайского языка.

⁶² К стр. 216. См. Ахманова и др., 1961, стр. 24 и сл. Сам факт, что вопрос о семантических универсалиях был независимо от нас поднят О. С. Ахмановой как раз в то время, когда писалась эта статья, свидетельствует об актуальности данной темы.

⁶³ К стр. 216. В работе Агинских (B. W. Aginsky and E. G. Aginsky, 1948, стр. 170) в качестве «универсалий концептуализации» даны, по-видимому, весьма общие семантические поля (в том числе 'зрелость', 'пространство' и т. п.), а вовсе не только универсальные «лексемы». Достаточно разработанные проекты тезаурусов, предложенные в работах Халлига и Вартбурга (Hallig and von Wartburg, 1952), а также Вёгелин и Вёгелина (Voegelin and Voegelin, 1957), задуманы лишь как весьма грубые орудия для определения лексического состава словаря или для классификации лексических единиц по широким тематическим областям. Критический анализ тезаурусного подхода к лексикографии см. у Вюстера (Wüster, 1959) и Юрта (Hiorth, 1960).

⁶⁴ К стр. 216. Лучше всего эта проблема разобрана в книге Беккера (Becker, 1948).

⁶⁵ К стр. 217. Предполагается, что сложные выражения — такие, например, как сложные слова, если только они не идиоматичны, могут анализироваться как ядерные конструкции или как результат применения (к ядерным конструкциям) некоторых сохра-

няющих смысл трансформаций. Таким образом, значение сложных выражений можно описывать через значения их *эксплицитных* (overt) компонентов с помощью отношений соединения, вставления и понижения в ранге. Компонентный анализ привлекается только для исследования *имплицитных* (covert) компонентов семантических симплексов (=грамматические симплексы плюс идиоматические сложные выражения). Правда, некоторые лингвисты скептически относятся к результатам компонентного анализа, считая их недостаточно объективными (например, Н. Ф. Пелевина в ССМ, 1961, стр. 30—32); вместо этого они выдвигают программу исследования «полуидиоматичных» сложных выражений. Область полуидиоматичных полуимплицитных компонентов, находящихся в некотором «дефектном» взаимно-однозначном отношении к морфемам, безусловно, представляет известный интерес. Подобные дефектные отношения встречаются не только в идиомах, но и во всех случаях звукового символизма как импрессионистских (grumble 'ворчать', hiss 'шипеть', sibilant 'свистящий'), так и экспрессионистских (teeny 'крошечный'; flit 'порхать, перелетать'—float 'плыть, проплывать...'; идиш pejsax 'еврейская пасха'—kejsax 'пасха').

⁶⁶ К стр. 217. Современная логическая семантика, все еще находящаяся в периоде своего детства, предлагает нам средства, с помощью которых можно говорить о комбинаторных процессах; однако до сих пор ее вклад в разработку компонентного анализа десигнаторов весьма незначителен. Так, в книге Рейхенбаха лишь мимоходом упоминаются «сложные» и «дескрипционные» функции (Reichenbach, 1948, стр. 122, 311 и сл.). Наш анализ опирается на традиционные логические (ср. Ziehen, 1920, стр. 459—599) и психологические (Brunner and al., 1956) модели. Тезис о том, что понятия нельзя отождествлять со значениями, часто повторяемый в современной советской лингвистике (например, Звегинцев, 1957, стр. 147 и сл.), вытекает, видимо, из осознания того факта (учитываемого нашей теорией), что десигнат в канонической форме—это предельный случай, в полной мере характерный только для «терминологизованной» лексики (Schaff, 1960, стр. 389 и сл.). Психологическая реальность имплицитных смысловых элементов доказывается многими психофизическими экспериментами (см., в частности, Luria and Vinogradova, 1959); однако для описания той или иной конкретной лексической группы результаты подобных экспериментов, возможно, даже слишком детализированы. Любое семантическое описание любого знака представляет собой, разумеется, лишь гипотезу, выдвигаемую исследователем; эта гипотеза должна проверяться сопоставлением с описаниями других знаков и быть приемлемой для информантов (Wallace and Atkins, 1960, стр. 78 и сл.; Weinreich, 1962).

⁶⁷ К стр. 218. Возможно, что к семантическому анализу было бы полезно применить понятия «семейного сходства» (Wittgenstein, 1958, стр. 17 и сл.) или «политипических концептов» (Beckner, 1959, стр. 22—25). Тогда полисемия знака А можно было бы описывать как $[(c_1 \cdot c_2) \vee (c_2 \cdot c_3) \vee (c_3 \cdot c_4) \dots]$. Р. А. Будагов (1961, стр. 23 и сл.) рискнул утверждать, что в зависимости от уровня культурного развития десигнаты в одних языках членятся на более дробные семантические элементы, чем в других. К сожалению, его единственный пример «слаборазвитого» языка—это аранта в описании Sommerfeldta, которое неоднократно под-

вергалось критике за недостаточный учет антропологических аспектов.

⁶⁸ К стр. 218. По мере развития структурных исследований семантики некоторые лингвисты спешат занять предостерегающую позицию: по их мнению, структурному анализу поддается лишь ограниченная часть словаря, а именно «терминологизованная» лексика. См., например, замечания А. А. Реформатского (ССМ, 1961, стр. 13) и Н. Ф. Пелевиной (там же, стр. 30—32).

⁶⁹ К стр. 218. В Колумбийском университете был проведен следующий эксперимент. Семнадцати студентам-старшекурсникам было предложено указать соответствия между восемью английскими глаголами — bound 'подскакивать', hop 'прыгать; приплясывать', jump 'прыгать', leap 'прыгать', prance 'вспрыгивать, становиться на дыбы', skip 'перескакивать', spring 'вскакивать, подпрыгнуть' и vault 'перепрыгивать' — и их определениями, взятыми из общеупотребительного толкового словаря (и слегка измененными с целью устранить слова-«подсказки»). Из 136 (=8×17) ответов только 54 (40%) оказались верными сразу; при повторном опросе, когда в определениях были добавлены дополнительные контекстные указания, правильных ответов было 89 (65%). Если рассматривать словарные определения как возможные семантические описания, то приходится признать — ввиду низкого процента правильных ответов — их недостаточную адекватность, что означает малую степень терминологизации в данной лексической группе. Ясно, что с терминами родства, образующими крайне терминологизованное поле, результаты эксперимента были бы лучше. О методах проверки гипотез в семантике см. Naess, 1957 (там указываются и предшествующие работы того же автора) и Ternes, 1959.

⁷⁰ К стр. 218. Попытка формального описания синонимии — в терминах теории множеств — предпринята В. В. Мартыновым («Питання...», 1960, стр. 11—13).

⁷¹ К стр. 219. О компонентном анализе группы немецких «синонимичных» глаголов см. доклад М. В. Раевского в ССМ, 1961, стр. 39—41. О смысловых компонентах в рамках нетерминологизованного словаря см. также Collinson, 1939.

⁷² К стр. 221. В китайском языке, например, имеется особый семантический механизм — сложение антонимов для образования родовых понятий: лай 'приходить' + ван 'уходить' = лай-ван ('уличное) движение'; шу 'проигрывать' + ин 'выигрывать' = шу-ин 'результат игры'; цзао 'рано' + вань 'поздно' = цзао-вань 'интервал времени, время'; ху 'ложный' + ши 'истинный' = ху-ши 'положение вещей' и т. д. (Sofropow, 1960, стр. 81 и сл.). Подобный механизм встречается и в других языках, хотя, возможно, он и не используется там в такой степени: ср. идиш tata 'отец' + mama 'мать' = tata-mama 'родители'; gopl 'вилка' + lefl 'ложка' = gopl-lefl 'столовые приборы'.

⁷³ К стр. 221. В настоящее время ведется целый ряд исследований с целью выяснить возможности компонентного описания лексики. Особо интересна здесь следующая проблема: дадут ли объективные методы дистрибутивного анализа те же результаты, что и основанное на интуиции компонентное описание значений. В связи с названной тематикой следует отметить прежде всего работы Кембриджского лингвистического кружка (Masterman, 1959), работы по семантическому исчислению терминов родства (Wal-

lace and Atkins, 1960; Wallace, 1961a) и экспериментальные работы Лаборатории машинного перевода 1-го МГПИИЯ (И. Р. Гальперин и др., ССМ 1961, стр. 5—8; А. К. Жолковский и др., ССМ, 1961, стр. 60 и сл., В. В. Иванов, СЛТГ, 1961, стр. 18—26). Об универсальных «семах» см. также А. Б. Долгопольский, СПЛС, 1960, стр. 35—42. Об универсальности аффиктивных смысловых компонентов см. MacLay and Ware, 1961 и Osgood, 1961.

⁷⁴ К стр. 223. О выражении «абстрактных» родовых понятий в языках примитивных обществ см. Moszyński, 1956.

⁷⁵ К стр. 224. Исследование денотатов, или референтов, представляет собой вполне законную проблему как для развития общей теории коммуникации (например, Shwayder, 1961), так и для референционной «ориентации» некоторых исходных терминов при описании какого-либо конкретного языка как семантической системы (Лахути и др., 1959, стр. 219). Значительный прогресс достигнут за последнее время в исследовании названий цветов спектра в языках разных культур; см. в частности, Шемякин, 1960 и Ervin, 1961.

⁷⁶ К стр. 225. Попытки описывать семантику естественных языков без обращения к интенционалам обычно приводят к слишком упрощенным представлениям. Так, например, Гудмен (Goodman, 1949) отстаивает чисто экстенциональную теорию синонимии. Однако здесь сразу же возникают трудности. В частности, для слов типа *кентавр* или *единорог* истинность или ложность предложения, содержащего одно из них, не изменяется при замене его другим; стало быть, оба эти слова оказываются синонимами. Чтобы не допустить их синонимичности, Гудмен отыскивает контексты, в которых такие слова не являются взаимозаменяемыми с сохранением истинности/ложности, например *изображение...* (*кентавра/единорога*). Однако следует подчеркнуть, что этот дифференцирующий контекст имеет очень специальную природу: Карнап вообще считает предложения такого типа квазисинтаксическими (Сарпар, 1937, стр. 74). Слова *кентавр* и *единорог* оказываются взаимозаменяемыми в таких контекстах, как *хвост...*, *зубы...*, *желудок...* (*кентавра/единорога*), но не в *изображение...*, *поэма о...*, *представление о...* и т. п. Последние контексты предполагают металингвистические операции; можно сказать, что они как раз доказывают реальность тех самых интенционалов, обращения к которым автор стремился избежать.

ЛИТЕРАТУРА

Аврорин В. А. и др. (1960), Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения института языкознания АН СССР, «Лексикографический сборник», вып. 4, 1960, стр. 35—102.

Апресян Ю. Д. (1962), Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля, «Лексикографический сборник», вып. 5, 1962, стр. 52—72.

Ахманова О. С. (1957), Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957.

Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В. и Фрумкина Р. М. (1961), О точных методах исследования языка, М., 1961.

Будагов Р. А. (1958), Введение в науку о языке, М., 1958.

Будагов Р. А. (1961), К критике релятивистских теорий слова. — В кн.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961, стр. 5—29.

Виноградов В. В. (1960), Об омонимии и смежных явлениях, «Вопросы языкознания», № 5, 1960, стр. 1—17.

Звегинцев В. А. (1957), Семасиология, М., 1957.

Котелова Н. З. (1957), Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий, «Лексикографический сборник», вып. 1, 1957, стр. 98—120.

Кузнецов А. В., Падучева Е. В. и Ермолаева Н. М. (1961), Об информационном языке для геометрии и алгоритм перевода с русского языка на информационный, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 5, 1961, стр. 3—21.

Курилович Е. (1955), Заметки о значении слова, «Вопросы языкознания», № 3, 1955, стр. 73—81.

Лахути Д. Г., Ревзин И. И. и Финн В. К. (1959), Об одном подходе к семантике, «Научные доклады высшей школы. Философские науки», № 1, 1959, стр. 207—219.

Мельчук И. А. (1960), О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», «Вопросы языкознания», № 4, 1960, стр. 73—80.

Ожегов С. И. (1957), О структуре фразеологии, «Лексикографический сборник», вып. 2, 1957, стр. 31—57.

«Питання...» (1960). — Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузовської наукової конференції 22—28.IX.1960, Чернівці, 1960.

Савченко А. Н. (1959), Части речи и категории мышления, Ростов-на-Дону, 1959.

СЛТГ (1961). Тезисы докладов конференции по структурной лингвистике, посвященной вопросам трансформационной грамматики, М., 1961.

Смирницкий А. И. (1956), Лексикология английского языка, М., 1956.

СПЛС (1960). Тезисы докладов на 6-м пленарном заседании словарной комиссии (Отд. лит. и языка АН СССР), посвященном современной проблематике лексикологии и семасиологии (19—21 октября 1960 г.), М., 1960.

ССМ (1961). Тезисы докладов межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка (21—25 ноября 1961 г.), М., 1961.

Фалькович М. М. (1960), К вопросу об омонимии и полисемии, «Вопросы языкознания», № 5, 1960, стр. 85—88.

Шемакин Ф. Н. (ред.) (1960), сб. «Мышление и речь», «Труды Института психологии» (= «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 113), М., 1960. [В сборнике имеется шесть статей о цветовой терминологии в языках народов Советского Севера и в речи дошкольников-русских.]

Шендельс Е. И. (1959), О грамматических значениях в плане содержания. — В кн. «Принципы научного анализа языка», М., 1959, стр. 45—63.

Шмелев Д. Н. (1960), О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке, «Вопросы языкознания», № 5, 1960, стр. 47—60.

Aginsky B. W. and Aginsky E. G. (1948), The importance of language universals, «Word», vol. 4, № 3, 1948, стр. 168—172.

Arndt W. (1960), «Modal particles» in Russian and German, «Word», vol. 16, № 3, 1960, стр. 323—336.

Bar-Hillel Y. (1954), Indexical expressions, «Mind», vol. 63, № 251, 1954, стр. 359—379.

Bar-Hillel Y. (1955), Idioms. — In: «Machine translation of languages», eds. W. N. Locke and A. D. Booth, New York — London, 1955, стр. 183—193. Русск. перев.: Бар-Хиллел, И., Идиомы. — В сб. «Машинный перевод», М., 1957, стр. 246—260.

Bazell C. E. (1954), The sememe, «Litera», vol. 1, 1954, стр. 17—31.

Becker H. (1948), Der Sprachbund, Berlin — Leipzig, 1948.

Beckner M. (1959), The biological way of thought, New York, 1959.

Bendix E. H. (1961), Componential analysis of an English semantic field [Неопубл. доклад на семинаре, Columbia University], 1961.

Bendix E. H. (1965), Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi, and Japanese, the Hague, 1966.

Benvéniste E. (1954), Problèmes sémantiques de reconstruction, «Word», vol. 10, № 2/3, 1954, стр. 251—264.

Black M. (1949), Language and philosophy, Ithaca, 1949.

Bloomfield L. (1933), Language, New York, 1933.

Bréal M. (1897), Essai de sémantique, Paris, 1897. [Ссылки на страницы даны по английскому изданию 1900 г.]

Brown J. C. (1960), Loglan, «Scientific American», vol. 202, June, 1960, стр. 53—63.

Brown R. W. (1957), Linguistic determinism and the part of speech, «Journ. Abnormal and Soc. Psychol.», vol. 55, 1957, стр. 1—5.

Bruner J. S., Goodnow J. J. and Austin G. A. (1956), A study of thinking, New York, 1956.

Bühler K. (1934), Sprachtheorie, Jena, 1934.

Buysens E. (1950), Conception fonctionnelle des faits linguistiques. — In: «Grammaire et psychologie», Paris, 1950, стр. 35—51.

Carnap R. (1937), The logical syntax of language, London, 1937.

Carnap R. (1942), Introduction to semantics, Cambridge, Mass., 1942.

Carnap R. (1947), Meaning and necessity, Chicago, 1947. [Ссылки на страницы даны по второму изданию 1956 г. Русск. перев.: Р. Карнап, Значение и необходимость, М., 1959.]

Carnap R. and Bar-Hillel Y. (1953), Semantic information, «Brit J. Philos. of Science», 4, 1953, стр. 147—157.

Casagrande J. B. (1954), Comanche linguistic acculturation, IJAL, vol. 20, № 2, 1954, стр. 140—151; № 3, стр. 217—237; vol. 21, № 1, 1955, стр. 8—25.

Casagrande J. B. (1966), Language universals in anthropological perspective. — In: «Universals of Language», Cambridge (Mass.), London, 1966, стр. 272—298.

Cassirer E. (1923), *Philosophie der symbolischen formen*, I, Berlin, 1923. [Ссылки на страницы даны по английскому изданию, New Haven, 1953.]

Chao Y. R. (1956), Chinese terms of address, «*Language*», vol. 32, № 1, 1956, стр. 217—241.

Chao Y. R. (1959). Now Chinese logic operates, «*Anthropological linguistics*», vol. 1, № 1, 1959, стр. 1—8.

Chomsky N. (1955), Semantic considerations in grammar, «*Georgetown University Monographs*», 8, 1955, стр. 141—154.

Chomsky N. (1957), *Syntactic structures*. The Hague. 1957. [Русск. перев.: Н. Хомский, Синтаксические структуры. — В сб. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 412—527.]

Collinson W. E. (1937), *Indication* (Language monographs, 17).

Collinson W. E. (1939), Comparative synonymics, «*Trans. Philolog. Soc.*», 1939, стр. 54—77.

Conklin H. C. (1955), Hanunó color categories, «*Southwestern Journ. of Anthropology*», vol. 11, 1955, стр. 339—344.

Conklin H. C. (1962), Lexicographical treatment of folk taxonomies. — In: «*Problems in lexicography*» (eds. F. W. Householder Jr. and Sol Saporta), Bloomington (=IJAL, vol. 28, № 2, part IV=IUPAL, Memoir 21), 1962, стр. 119—142.

De Francis J. (1950), *Nationalism and language reform in China*, Princeton, 1950.

Ervin S. M. (1961), Semantic shift in bilingualism, «*Amer. Journ. of Psychology*», vol. 74, 1961, стр. 233—241.

Ervin S. M. and Foster G. (1961), The development of meaning in children's descriptive terms, «*Journ. of Abnormal and Soc. Psychology*», vol. 61, 1961, стр. 271—275.

Février J. G. (1948), *Histoire de l'écriture*, Paris, 1948.

Flavell J. H. and Stedman D. J. (1961), A developmental study of judgments of semantic similarity, «*Journ. of Genetic Psychology*», vol. 98, 1961, стр. 279—293.

Freeland L. S. (1951), *Language of the Sierra Miwok*, IUPAL, Memoir 6, 1951.

French D (1958), Cultural matrices of Chinookan non-casual language, IJAL, vol. 24, № 4, 1958, стр. 258—263.

Funke O. (1932), *Innere Sprachform*, Reichenberg, 1932.

Gleason H. A., Jr. (1955), An introduction to descriptive linguistics, New York, 1955. [Русск. перев.: Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959.]

Gleason H. A., Jr., The relation of lexicon to grammar. — In: «*Problems in lexicography*» (eds. F. W. Householder and Sol Saporta), Bloomington (=IJAL, vol. 28, № 2, part IV=IUPAL, Memoir 21).

Godel R. (1948), Homonymie et identité, «*Cahiers F. de Saussure*», vol. 7, 1948, стр. 5—15.

Goodenough W. (1956), Componential analysis and the study of meaning, «*Language*», vol. 32, № 1, 1956, стр. 195—216.

Goodman N. (1949), On likeness of meaning, «*Analysis*», vol. 10, № 1, 1949, стр. 1—7.

Gove P. B. (1957), Problems in defining. — In: J. H. Shera et al. (eds.), «*Information systems in documentation*», 1957, New York — London, стр. 3—14.

Hallig R. und W. von Wartburg (1952), Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie, Berlin, 1952.

Harris Z. S. (1957), Co-occurrence and transformation in linguistic structure, «Language», vol. 33, № 3, pt. 1; 1957, стр. 283—340. [Русск. перев.: З. С. Хэррис, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. — В сб. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 528—636.]

Haugen E. (1957), The semantics of Icelandic orientation, «Word», vol. 13, № 3, 1957, стр. 447—459.

Hiorth F. (1960), Zur Ordnung des Wortschatzes, «Studia linguistica», vol. 14, № 2, 1960, стр. 65—84.

Hjelmslev L. (1953), Prolegomena to a theory of language, IUPAL, Memoir 7, 1953. [Русск. перев.: Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка. — В сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 264—389.]

Hockett C. F. (1948), Potawatomi IV, IJAL, vol. 14, 1948, стр. 213—225.

Hockett C. F. (1954), Two models of grammatical description, «Word», vol. 10, № 2/3, 1954, стр. 210—233.

Hockett C. F. (1956), Idiom formation. — In: «For Roman Jakobson», The Hague, 1956, стр. 222—229.

Hockett C. F. (1958), A course in modern linguistics, New York, 1958.

Hockett C. F. (1960), The origin of speech, «Scientific American», Sept., 1960.

Hymes D. H., (1960). Lexicostatistics so far, «Current Anthropology», vol. 1, № 1, 1960, стр. 3—44.

Hymes D. H. (1961), On typology of cognitive styles in language, «Anthropological linguistics», vol. 3, № 1, 1961, стр. 22—54.

Jakobson R. (1957), Shifters, verbal categories and the Russian verb, Cambridge, Harvard University, 1957.

Jakobson R. (1959), Boas' view of grammatical meaning, «American Anthropologist», vol. 61, part 2, 1959, стр. 139—145.

Joos M. (1950), Description of language design, «Journ. Acoust. Soc. of America», vol. 22, 1950, стр. 701—708. [Перепечатано в «Readings in Linguistics», 1957, стр. 349—356].

Joos M. (1958), Semology: a linguistic theory of meaning, «Studies in Linguistics», vol. 13, № 3—4, 1958, стр. 53—70.

Karolak S. (1960), Kilka uwag o strukturze spectrum semantycznego, «Lingua Posnaniensis», vol. 8, 1960, стр. 243—254.

Katz J. J. and Fodor J. A. (1963), The structure of the semantic theory, «Language», vol. 39, № 2, 1963, стр. 170—210.

Katz J. J. and Postal P. M. (1964), An integrated theory of linguistic descriptions, Cambridge, Mass., 1964.

Kleiner E. (1961), The discrimination of multiple meaning in English [Неопубликованный доклад на семинаре, Columbia University.]

Larochette J. (1950), Les deux oppositions verbo-nominales, Grammaire et psychologie, Paris, 1950, стр. 107—118.

Lees R. B. (1960), The grammar of English nominalizations, IJAL, vol. 26, № 2, part. 2, 1960.

Leisi E. (1953), Der Wortinhalt; seine Struktur im Deutschen und Englischen, Heidelberg, 1953.

Lounsbury F. G. (1956), A semantic analysis of Pawnee kinship usage, «Language», vol. 32, № 1, 1956, стр. 158—194.

Luria A. R. and Vinogradova O. S. (1959), An objective investigation of the dynamics of semantic systems, «Brit. Journ. Psychology», vol. 50, 1959, стр. 89—105.

MacLay H. and Ware E. E. (1961), Cross-cultural use of the semantic differential, «Behavioral Science», vol. 6, 1961, стр. 185—190.

Marcus H. (1960), Die Fundamente der Wirklichkeit als Regulatoren der Sprache, Bonn, 1960.

Martinet A. (1960), *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1960. [Русск. перев.: А. Мартинет, Основы общей лингвистики. — В сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 366—566.]

Maspéro H. (1933), La langue chinoise. — In: «Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris», Paris, 1933, стр. 33—70.

Masterman M., ed. (1959), Essays on and in machine translation, Cambridge, 1959.

McQuown N. A. (1956), Analysis of the cultural content of language materials. — In: «Language in culture», Chicago, 1956, стр. 20—31.

Morris C. W. (1938), Foundations of a theory of signs, Chicago, 1938.

Morris C. W. (1946), Signs, language, and behavior, New York, 1946.

Most M. (1949) (Выступление). In: «Actes du 6ème Congrès international des linguistes» (1948), Paris, 1949, стр. 183—190.

Moszyński K. (1956), Słownictwo ludów tzw. prymitywnych, «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego». zesz. 15, 1956, стр. 93—112.

Naess A. (1957), Synonymity as revealed by intuition, «Philosophical Review», vol. 66, 1957, стр. 87—93.

Nida E. A. (1951), A system for the description of semantic elements, «Word», vol. 7, № 1, 1951, стр. 1—14.

Nida E. A. (1958), Analysis of meaning and dictionary making, IJAL, vol. 24, № 4, p. 1, 1958, стр. 279—292.

Osgood C. E. (1961), Studies on the generality of affective meaning systems, Urbana, Ill.: Institute of communications research. [Отпеч. множ. аппаратом.]

Paul H. (1880), Prinzipien der Sprachgeschichte, Halle. [Ссылки на страницы даны по изд. 5, 1920 г. Русск. перев.: Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960.]

Peirce C. S. (1932), Collected papers, II, Cambridge, Mass., 1932.

Quine W. V. (1953), From a logical point of view, Cambridge, Mass., 1953.

Quine W. V. (1960), Word and object, Cambridge, Mass., New York, 1960.

Ravid W. (1961), The grammatical behavior of the adjective *jair*. [Неопубликованный доклад на семинаре, Columbia University.]

Regnéll H. (1958), Semantik, Stockholm, 1958.

Reichenbach H. (1948), Elements of symbolic logic, New York, 1948.

Reichling A. (1935), Het Woord, Nijmegen, 1935.

Richter E. (1926), Ueber Homonymie. — In: «Festschrift Paul Kretschmer», Wien, 1926, стр. 167—201.

Rosenbloom P. (1950), The elements of mathematical logic, New York, 1950.

Sapir E. (1915), Abnormal types of speech in Nootka. Пере-

печатано из «Geological survey» (Canada), Memoir 62. — В кн. «Selected writings of Edward Sapir» (ed. D. G. Mandelbaum), 1949.

Sapir E. (1921), Language, New York, 1921. [Русск. перев.: Э. Сепир, Язык, М., 1934.]

de Saussure F. (1922), Cours de linguistique générale, Paris — Genève (2ème ed.), 1922. [Русск. перев.: Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933.]

Schaff A. (1960), Wstęp do semantyki, Warszawa, 1960. [Русск. перев.: А. Шафф, Введение в семантику, М., 1963.]

Schmidt F. (1959), Logik der Syntax, Berlin (2-te Aufl.), 1959.

Sechehaye A. (1926), Essai sur la structure logique de la phrase, Paris, 1926.

Seiler H. (1958) (Выступление). In: «Proceedings of the 8th International congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 692—695.

Shwayder D. S. (1961), Modes of referring and the problem of universals, Berkeley — Los Angeles, 1961.

Smart J. J. C. (1949), Whitehead and Russell's theory of types, «Analysis», vol. 10, 1949, стр. 93—95.

Sofronow M. W. (1960), Die Methoden der Wortbildung in der Sprache des Romans Shuihuzhuan. — In: P. Ratchnevsky (ed.), «Beiträge zum Problem des Wortes im Chinesischen», Berlin, 1960, стр. 71—94.

Sørensen H. S. (1958), Word-classes in Modern English with special reference to proper names, with an introductory theory of grammar, meaning and reference, Copenhagen, 1958.

Spang-Thomsen B. (1956), Review of «Structureel analyse van visueel taalgebruik binnen een groep dove kinderen», by B. T. M. Tervoort, «Word», vol. 12, № 3, 1956, стр. 459—467.

Stankiewicz E. (1954), Expressive derivation of substantives in contemporary Russian and Polish. «Word», vol. 10, № 4, 1954, стр. 457—468.

Strawson P. F. (1952), Introduction to logical theory. London — New-York, 1952.

Tennessen H. (1959), «Inquiry», vol. 2, 1959, стр. 265—290.

Ullmann S. (1951), Principles of semantics, Glasgow (изд. 2, 1957).

Ullmann S. (1952), Précis de sémantique française, Berne, 1952.

Ullmann S. (1953), Descriptive semantics and linguistic typology, «Word», vol. 9, № 3, 1953, стр. 225—240.

Voegelin C. F. and Voegelin F. R. (1957), Hopi domains (IUPAL, Memoir 14), 1957.

Voegelin C. F. and Voegelin F. R. (1961), Typological classification of ... alphabets, «Anthropological Linguistics», vol. 3, № 1, 1961, стр. 55—96.

Wallace A. F. C. (1961a), The psychic unity of human groups. — In: «Studying personality cross-culturally» (ed. Bert Kaplan), Evanston, Ill. — Elmsford, N. Y., 1961, стр. 129—164.

Wallace A. F. C. (1961b), On being just complicated enough, «Proceedings of the National Academy of Sciences», vol. 47, 1961, стр. 458—464.

Wallace A. F. C. and J. Atkins (1960), The meaning of kinship terms, «American Anthropologist», vol. 62, 1960, стр. 58—80.

Wegener P. (1885), Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens, Halle a. S., 1885.

Wells R. (1954), Meaning and use, «Word», vol. 10, 1954, стр. 115—130.

Weinreich U. (1955), Review of Ullmann (1952), «Language», vol. 31, 1955, стр. 537—543.

Weinreich U. (1958), Travels in semantic space, «Word», vol. 14, 1958, стр. 346—366.

Weinreich U. (1959), Review of Hockett (1958), «Romance philology», vol. 13, 1959, стр. 320—341.

Weinreich U. (1962), Lexicographic definition in descriptive semantics. — In: «Problems of Lexicography» (eds. F. W. Householder, Jr., and Sol Saporta) (=IUPAL, № 21), 1962, стр. 25—43.

Weinreich U. (1963), [Soviet] Lexicology. — In: «Current trends in linguistics» (ed. T. A. Sebeok), I, The Hague, 1963, стр. 60—93.

Weinreich U. (1964), Webster's third: a critique of its semantics, IJAL, 30, 1964, стр. 405—409. [Русск. перев. см. в журн. «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 128—132.]

Weinreich U. (1965), Explorations in semantic theory. — In: «Current trends in linguistics», III (ed. T. A. Sebeok), The Hague, 1965.

Whorf B. L. (1956), Language, thought, and reality, Cambridge, Mass., New York, 1956.

Wittgenstein L. (1958), Preliminary studies... the Blue and Brown books, Oxford, 1958.

Wüster E. (1959), Die Struktur der sprachlichen Begriffswelt und ihre Darstellung in Wörterbüchern, «Studium generale», vol. 12, 1959, стр. 615—627.

Zawadowski L. (1958), La signification des morphèmes polysèmes, «Biuletyn Polskiego t-wa językoznawczego», zesz. 17, 1958, стр. 67—95.

Zawadowski L. (1959), La polysémie prétendue, «Biuletyn Polskiego t-wa językoznawczego», zesz. 18, 1959, стр. 11—49.

Ziehen T. (1920), Lehrbuch der Logik, Bonn, 1920.

Ziff P. (1960), Semantic analysis, Ithaca, 1960.

Zimmer Karl E. (1964), Affixal negation in English and other languages: an investigation of restricted productivity (приложение к журн. «Word», vol. 20, № 2, 1964).

Переводчик выражает свою искреннюю признательность А. А. Холодовичу, прочитавшему рукопись перевода настоящей статьи и указавшему в ней на ряд неточностей.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

1. Введение

Проблема универсалий имеет важное значение для развития семантических исследований. Пионеры современной семантики еще в прошлом столетии одной из главных задач новой науки считали обнаружение общих «законов». Уже в 1820 г. немецкий ученый Рейзиг, специалист по классическим языкам, выделил семасиологию как самостоятельную лингвистическую дисциплину, которая должна изучать «условия, определяющие развитие значений»¹. Через полстолетия, в 1883 г., М. Бреаль сделал еще более категоричное заявление. В статье, где Бреаль ввел в лингвистику новый термин «семантика», при перечислении задач новой дисциплины он отметил изучение «законов, которые управляют изменением значений»². В своей книге «*Essai de sémantique*», появившейся 14 лет спустя, Бреаль показал, каким образом может быть выполнена эта задача. Его примеру последовали и некоторые другие лингвисты; они сформулировали ряд «законов», лежащих в основе различных типов семантических изменений. Были, однако, ученые, придерживавшиеся иных взглядов. К ним, в частности, относился Соссюр, который говорил, что изменения значений часто объясняются уникальными причинами и являются не более чем изолированными случайными фактами в истории языка³. Однако проблема законов изменения значения продолжала привлекать внимание ученых. Принималось как аксиома то, что лучше всех сформулировал Есперсен: «Существуют универсальные законы мышления, которые отражаются в законах изменения значений, хотя наука о значении пока что мало продвинулась на пути обнаружения этих законов»⁴. Даже сейчас встречаются ученые, стоящие на подобной точке зрения. Всего

несколько лет тому назад один из ведущих русских лингвистов критиковал современную семантику за то, что она уходит от своей главной задачи — изучения специфических законов языкового развития⁵. Однако в начале 30-х гг. нашего столетия наблюдается важная перемена в ориентации семантики, как и других разделов лингвистики: на первый план выдвинулись описательные и структурные методы исследования; традиционные же исследования смысловых изменений отошли на задний план, хотя и не были полностью заброшены. Эта перемена ориентации существенно повлияла на поиски семантических универсалий. В последнее время работ о семантических «законах» (в смысле Бреала и его последователей) появляется мало. Вместо этого внимание ученых сосредоточено на синхронных явлениях общего характера, а также на принципах, определяющих структуру словаря.

Если внимательно рассмотреть различные семантические «законы» и другие универсалии, которые либо неявно допускались, либо явно формулировались лингвистикой прошлого, можно обнаружить одну общую черту: почти все они базировались на недостаточном материале. Слишком часто на основании ненадежных данных, взятых из ограниченного числа языков, делались далеко идущие выводы. Предполагаемые универсалии, полученные таким путем, во многих случаях были вполне правдоподобными, но правдоподобие не есть доказательство, если только утверждение не является столь самоочевидным, что оно становится трюизмом. Кроме того, по самой своей природе большинство семантических универсалий является всего лишь статистическими вероятностными закономерностями, а вероятность их встречаемости в данном языке может быть определена только в том случае, если в нашем распоряжении имеются гораздо более обширные и показательные данные, нежели те, которыми мы располагаем в настоящее время. Высказывание Леонарда Блумфилда об общей грамматике целиком приложимо и к семантике и заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью: «Единственно полезными обобщениями, касающимися языка, являются обобщения индуктивные. Явления, которые представляются нам универсальными, могут отсутствовать в первом же новом привлекаемом к рассмотрению языке... То обстоятельство,

что некоторые явления имеют по меньшей мере широкое распространение, достойно внимания и требует объяснения. Когда мы будем иметь достаточные данные о многих языках, мы должны будем обратиться к проблемам общей грамматики и попытаться объяснить межъязыковые сходства и различия, но процесс такого исследования должен быть не умозрительным, а индуктивным»⁶.

Поскольку одна из целей настоящей конференции заключается в том, чтобы рассмотреть проблему универсалий на материале многих языков, я попытаюсь в этой статье указать на некоторые семантические явления и процессы, которые необходимо исследовать в межъязыковом масштабе. Прежде всего, однако, необходимо более точно определить оба термина — «семантический» и «универсалия». В этой статье термин «семантический» будет употребляться только по отношению к *значению слова*. Со времен Аристотеля слово обычно рассматривалось как минимальная значащая единица речи⁷. Теперь мы знаем, что это не так. «Минимальным значащим элементом языкового выражения» является *морфема*, а не слово⁸. Слово же определяется, в соответствии с классической формулировкой Блумфилда, как «минимальная свободная форма»⁹, которая может состоять из одной или более морфем. Из этого вытекает, что семантические проблемы возникают не только на словесном уровне, но и на более низком уровне — уровне связанных морфем (суффиксов, префиксов, не выступающих отдельно корней и т. д.) — и на более высоких уровнях — уровне словосочетаний и их комбинаций. Проблемы значения, не относящиеся к уровню слов, в данной статье рассматриваться не будут, так же как и семантика так называемых «формальных слов» — местоимений, артиклей, союзов, предлогов и т. д., которые, хотя и ведут себя в некоторых отношениях, как слова, но выполняют чисто грамматическую функцию и не принадлежат поэтому к лексической системе языка¹⁰.

Необходимо отметить, что само слово не является языковой универсалией в буквальном значении этого термина. В так называемых «полисинтетических» языках, где целый ряд связанных форм комбинируется в одну единицу, слово будет, очевидно, иметь структуру, совершенно отличную от структуры, например, английского или китайского слова, и многие из тенденций, рас-

смаатриваемых ниже, поэтому не характерны для таких языков.

Что касается значения и употребления термина «универсалия», то мы должны пользоваться им достаточно гибко, когда он применяется к семантическим явлениям, где часто приходится иметь дело с неточным и субъективным. Явления и процессы, обсуждаемые в этой статье, с точки зрения их значимости распадаются на три широких категории.

1. Некоторые из них могут оказаться «абсолютными универсалиями», или, по терминологии Меморандума*, «импликационными универсалиями». Но и универсалии первого типа будут «абсолютными» только в том смысле, что встречаются они в очень большом числе языков. Мы никогда не сможем убедительно доказать, что эти явления повсеместны, или «панхроничны», как сказал бы Соссюр¹¹, то есть что они существуют в каждом языке на любой стадии его развития.

2. Большинство семантических универсалий носит *статистический* характер: они не обязательно должны быть представлены в любом данном языке, но можно в известной мере предсказать вероятность их наличия. Следует добавить, что определенные семантические явления не описаны еще с достаточной точностью и поэтому они не могут подвергнуться строгому статистическому анализу; для них может быть получена только грубая вероятностная оценка.

3. Имеется еще один тип общих явлений, близкий к универсалиям, но гораздо более ограниченный по сфере распространения. Это результаты *параллельного развития*, которые встречаются в определенной группе языков, но не встречаются нигде за ее пределами. Сюда попадают многие типы метафор и другие формы семантического изменения: они распространены настолько широко, что факт их наличия в разных языках нельзя считать простой случайностью, однако не настолько, чтобы этот факт был статистически значимым. Конечно, всегда имеется возможность превращения такого общего для многих языков явления в статистическую универсалию (и тогда этот случай сведется к предыдущему),

* Имеется в виду Меморандум, посвященный проблеме языковых универсалий; см. стр. 31—44 наст. сборника. — *Прим. перев.*

если сфера его распространения будет достаточно широкой.

4. Помимо указанных категорий общих явлений, заслуживает внимания проблема *типологических критериев*, поскольку, как справедливо отмечено в Меморандуме, имеются очевидные связи между этой проблемой и проблемой универсалий. Семантическая типология изучена очень плохо¹², тем не менее выработаны один или два критерия, и они будут обсуждаться в соответствующих разделах.

В семантике, как и в других областях лингвистики, существуют, по-видимому, универсалии двух видов — *синхронические явления* и *диахронические процессы*¹³, но на практике не всегда легко отделить одни от других. Целесообразно выделить еще третий класс семантических универсалий — те, которые выходят за пределы индивидуальных слов и связаны с общей структурой *словаря*.

2. Универсалии описательной семантики

2. 1. Мотивированные и немотивированные слова

Проблема отношений между звуком и смыслом всегда была и остается одной из спорных проблем философии языка. Уже в Древней Греции философы, рассматривая эту проблему, разделились на два лагеря — «натуралистов», которые считали, что значение слов связано с формой «по природе» (*phýsei*), то есть в силу внутреннего соответствия между формой и смыслом, и «конвенционалистов», утверждавших, что значение произвольно и базируется на социальном соглашении (*théseí*). Соссюр считал «произвольность» одним из фундаментальных принципов языка¹⁴. Другие же лингвисты склонялись к натуралистической точке зрения и подчеркивали важность ономапоэтического элемента в строении слов. Старый спор разгорелся еще раз приблизительно 20 лет назад, и в ходе развернувшейся дискуссии в различные аспекты этой проблемы была внесена ясность¹⁵. Стало ясно прежде всего, что ни один язык не является полностью мотивированным или полностью немотивированным. Все языки содержат, по-видимому, как произвольные, так и мотивированные слова в различных пропорциях, которые зависят от ряда фак-

торов — языковых, культурных и социальных. Наличие двух типов слов является, по всей вероятности, семантической универсалией. Трудно представить себе язык, который не имел бы никаких оноματοпоэтических выражений или выражений с прозрачной метафорой, и так же трудно вообразить язык, который состоял бы только из мотивированных слов. Конечно, это допущение должно быть проверено на фактах, как и другие, более конкретные утверждения относительно мотивированности.

2.1.1. Три типа мотивированности. В английском и многих других языках слова могут быть мотивированы тремя разными способами. Глаголы *swish* 'свистеть', *sizzle* 'шипеть' и *boom* 'греметь, гудеть' являются *фонетически мотивированными*, потому что сами звуки представляют собой прямое подражание соответствующему действию. Сложное слово типа *arm-chair* 'кресло' и производные слова типа *thinker* 'мыслитель' или *retell* 'рассказать снова' являются *морфологически мотивированными*: каждый, кто знает их компоненты, поймет их сразу же. Наконец, такие образные выражения, как *the bonnet of a car* 'капот автомобиля' или *the pivot on which a question turns* 'суть проблемы' *мотивированы семантически*: они образованы с помощью прозрачной метафоры на базе буквальных значений слов *bonnet* 'головной убор' и *pivot* 'короткая ось или стержень, вокруг которого нечто вращается или колеблется'. Следует заметить, что морфологическая мотивированность является «относительной» в том смысле, что, если даже сами слова мотивированы, их элементарные компоненты могут оказаться немотивированными, как в приведенных выше примерах корни *arm*, *chair*, *think*, *tell* и связные морфемы *-er* и *re*¹⁶. То же самое относится и к семантической мотивированности: метафорические выражения с *bonnet* и *pivot* мотивированы, но сами эти слова в их буквальном значении являются чисто условными.

Могут ли эти три типа мотивированности рассматриваться как семантические универсалии? Первый и третий типы, по-видимому, встречаются во всех языках; морфологический тип, однако, более ограничен в своем распространении, так как он зависит от фонологической и морфологической структуры каждого языка. Можно

представить себе язык, включающий только одноморфемные слова, в котором поэтому не будет места для морфологической мотивированности. С другой стороны, наличие инфиксов в некоторых языках обуславливает новый вид мотивированности, неизвестный английскому языку.

2.1.2. Некоторые количественные аспекты мотивированности. Количественное соотношение немотивированных и мотивированных слов и относительную частоту разных видов мотивированности можно рассматривать как важные типологические критерии. Именно это имел в виду Соссюр, когда он делил языки на два типа — «лексикологический», где превалирует принцип произвольности, и «грамматический», где преобладают мотивированные слова. Из примеров, которые он приводит, ясно, что он имел в виду прежде всего *морфологическую мотивированность*. С его точки зрения, в китайском языке представлена крайняя форма произвольности, а индоевропейский праязык и санскрит тяготеют к противоположному полюсу; для английского мотивированность характерна в гораздо меньшей степени, чем для немецкого, а французский обнаруживает по сравнению с латынью весьма значительное возрастание числа немотивированных слов¹⁷.

Ознакомление со структурой слова в английском, французском и немецком языках полностью подтверждает классификацию Соссюра. Имеется много таких случаев, когда неанализируемым словам английского и французского языков в немецком соответствуют мотивированные сложные слова: skate — patin — Schlittschuh 'конек'; chive — cive — Schnittlauch 'зубок чеснока'; glove — gant — Handschuh 'перчатка' и т. д. Часто одно и то же понятие выражается в немецком сложным словом, а в английском и французском — ученым термином, взятым из классических языков. Например, понятие 'гиппопотам': англ. hippopotamus — франц. hippopotame — нем. Nilpferd; понятие 'фонетика': англ. phonetics — франц. phonétique — нем. Lautlehre; понятие 'водород': англ. hydrogen — франц. hydrogène — нем. Wasserstoff и т. д. Немецкий язык обладает большей свободой словообразования, чем французский и английский. Так, например, от существительного Stadt 'город' в немецком может быть образовано прилагательное städtisch

‘городской’, а в английском и французском соответствующие пары состоят из слов с разными основами: англ. town — urban, франц. ville — urbain. Аналогично обстоит дело с парами слов со значением ‘епископ — епископский’, ‘язык — языковой’: ср. англ. bishop — episcopal, франц. évêque — épiscopal, нем. Bischof — bischöflich и англ. language — linguistic, франц. langue — linguistique, нем. Sprache — sprachlich; список примеров можно продолжить. Указанные соотношения можно было бы обосновать статистически. Соответствующие подсчеты должны были бы базироваться на примерах из словарей, на представительных выборках из текста или на том и на другом одновременно. Те изолированные числовые данные, которые уже имеются в нашем распоряжении, представляются нам весьма показательными. В древнеанглийском, например, который был более мотивированным языком, чем современный английский, насчитывается около 50 слов, образованных от слова heofon ‘небеса’, включая такие образные выражения, как heofon-candel ‘солнце, месяц, звезды’ (‘небесная свеча’) и heofon-weard ‘небохранитель, бог’¹⁸. Уже сейчас, когда надежные статистические данные еще не накоплены, для выявления принципов, предпочитаемых разными языками, представляется показательной та легкость, с какой можно увеличивать число приведенных выше примеров. Конечно, выявляемые закономерности носят чисто статистический характер, и всегда можно найти противоречащий пример (ср. в немецком немотивированность слова Enkel ‘внук’ в противовес мотивированности соответствующих слов в английском и французском: англ. grandson ‘большой сын’ и франц. petit-fils ‘маленький сын’¹⁹).

Различие между двумя указанными типами структуры слова имеет далеко идущие последствия, о которых здесь можно лишь упомянуть. Для преподавания иностранных языков особенно важно, представляет ли собой словарь данного языка относительно мотивированную систему, для которой характерно большое число слов с внутренней формой и большое число тесно связанных (по форме) ассоциативных рядов, или он содержит значительное количество немотивированных слов, форма которых не подсказывает их значения. Если в языке одного языкового коллектива изобилуют ученые термины

классического происхождения, то это может воздвигнуть «языковый барьер» между людьми разного уровня культуры²⁰. При создании новых слов язык, в котором легко образуются сложные и производные слова, может широко использовать собственные ресурсы, как это подчеркнул Фихте в своем труде «Речи к немецкой нации»; это обстоятельство может быть использовано поборниками пуризма и языкового шовинизма. Морфологическая мотивированность дает толчок к тому, что некоторые философы в тщетной надежде вскрыть «истинное» значение слова начинают заниматься беспочвенным этимологизированием; к этому часто сводится, например, словесная акробатика Мартина Хейдеггера²¹.

Другие типы мотивированности в меньшей степени допускают подсчеты, так как они являются более изменчивыми и субъективными, нежели тип, связанный с морфологической структурой. Принято считать, например, что немецкий язык богаче оноματοпоэтическими образованиями, чем французский, но трудно придумать такую объективную проверку, которая могла бы подтвердить или опровергнуть это мнение.

Была также высказана мысль, что существует своего рода равновесие между морфологической и семантической мотивированностью. Одни языки, как утверждалось, стремятся заполнить пробелы в словаре с помощью образования новых слов, а другие — добавить новые значения к словам, уже существующим²². Возможно, в этом утверждении и есть зерно истины, но в указанном процессе играют важную роль и другие факторы. То, что современный английский и современный французский являются гораздо менее мотивированными языками, чем их более древние формы, объясняется прежде всего большим количеством заимствований — французских и греко-латинских в английском и, главным образом греко-латинских во французском. Трудно доказать, что семантическая мотивированность, основанная на метафоре или каких-то иных средствах, в значительной степени обязана понижению продуктивности словосложения и словопроизводства в этих языках.

2.1.3. Разные типы звукового символизма. Общеизвестно, что между оноματοпоэтическими элементами (при всей условности многих из них) разных языков часто наблюдается поразительное сходство;

эти элементы свидетельствуют, по знаменитой формулировке Шухардта, не об исторических связях, а об «изначальном родстве». Таким образом, здесь, на первый взгляд, имеется благоприятная почва для межкузыковых исследований, направленных на обнаружение универсалий. Так как на обсуждаемую тему написано очень много работ, желательно, по-видимому, начать с изложения тех обширных данных, которые уже известны, отделяя научно установленные факты от дилетантских измышлений, которые могут дискредитировать всю эту область исследования. Необходимо также различать «первичные» и «вторичные» оноματοпоэтические элементы. Из этих двух типов первый тип — подражание звуком звуку — гораздо проще и бесспорнее, чем второй, где имеет место подражание с помощью звука незвуковым явлениям — движению, размеру, эмоциональным элементам и т. д. Неудивительно, что во многих, хотя и не во всех случаях один и тот же звук воспринимается и передается в различных языках почти одинаково. Вспомним часто приводившийся пример с 'кукушкой'. Несомненно, показателен тот факт, что существует звуковое сходство в названиях кукушки не только в сфере индоевропейских языков (англ. cuckoo, франц. coucou, исп. cuculillo, итал. cuculo, рум. cusi, нем. Kuckuck, греч. kókkux, русск. *кукушка* и т. д.), но и между индоевропейскими и некоторыми финно-угорскими языками (венг. kakuk, финск. káki, коми kók); все эти названия имеют явно оноματοпоэтическое происхождение²³. Аналогично вполне естественно, что во многих языках глаголы, обозначающие храпение, содержат звук [r] (англ. snore, нем. schnarchen, дат. snorken, лат. stertere, франц. ronfler, исп. roncar, русск. *храпеть*, венг. horkolni и т. д.), а глаголы, обозначающие шепот, содержат звуки [s], [ʃ] или [tʃ] (англ. whisper, нем. wispern и flüstern, норв. hviske, лат. susurrare, франц. chuchoter, исп. cuchichear, русск. *шептать*, венг. súgni, susogni, tuttogni и т. д.). Такие соответствия, безусловно, интересны и достойны более широкого изучения, хотя они слишком поверхностны, для того чтобы пролить свет на фундаментальные особенности структуры языка.

Более важными и более тонкими являются проблемы, связанные с вторичными оноματοпоэтическими элементами. Здесь связь между звуком и смыслом менее

очевидна, чем в предыдущем случае; однако даже и здесь имеется много случаев сходства между различными языками. Знаменитый пример такого сходства — «символическое значение» гласного [i] как выражения идеи 'маленький'²⁴. Подтверждение это находят в ряде языков: англ. *little, slim, thin, wee, teeny-weeny*; франц. *petit*; итал. *piccolo*, рум. *mic*, лат. *minor, minutus*, греч. *mikrós*, венг. *kis, kicsi, pici* и т. д. К этим прилагательным можно добавить немало существительных, обозначающих маленькие существа или вещи, такие, как англ. *kid* 'козленок', *chit* 'ребенок', *imp* 'чертеноч, постреленок', *slip* 'худенький ребенок', *midge* 'мошка', *tit* 'синица', *bit* 'кусочек', *chip* 'щепка', *chink* 'щель', *jiffy* 'миг', *pin* 'булавка', *rip* 'косточка', *tip* 'кончик', *whit* 'капелька', а также уменьшительные суффиксы, такие, как англ. *-ie, -kin* и *-ling*²⁵. При тщательном исследовании большего количества языков можно будет установить, насколько всеобщим является указанный факт и, прежде всего, можно ли в принципе описать его статистически. При этом мы обязательно обнаружим примеры, противоречащие отмеченной общей тенденции. В самом деле, имеются такие пары антонимов, где ономастопозитическая модель оказывается обратной по отношению к названной модели, то есть где звук [i] встречается в элементе, обозначающем что-то большое, а противоположный по смыслу элемент характеризуется открытым гласным: англ. *big* 'большой' — *small* 'маленький', русск. *великий* — *маленький*. То же самое можно сказать о нем. *Riese* 'гигант', венг. *aró* 'крошечный' и лат. *parvus* 'маленький', хотя для последнего случая, возможно, не случайно то, что это прилагательное не сохранилось в романских языках и было заменено словами, фонетический состав которых лучше соответствует идее 'маленький'.

Использование ономастопозитических элементов очень распространено в поэзии, причем отмечается замечательное постоянство в том, как именно определенные звуковые модели используются для стилистических целей в разных языках. Приведем один пример. Последовательность боковых сонантов обычно используется для того, чтобы вызвать ощущение нежного, мягкого. Ср. следующие строки Китса («Эндимион», Книга I):

Wild thyme, and valley-lilies whiter still.

Than Leda's love, and cresses from the rill.

(‘Дикий тимьян и лилии еще белее, чем любовь Леды и кресс из ручья’.)

Знаменитая строка из поэмы В. Гюго «Booz endormi» построена по той же модели:

Les souffles de la nuit flottaient sur Galgala.

(‘Вздохи ночи парили над Галгалой’.)

Этот прием очень древен, он используется уже в «Одиссее»:

aiei dē malakoīsi kaī haimylíoisi lógoisi thélgei

(‘и всегда нежными и лъстивыми словами она обманывает его...’) (I, 11, 56—57).

Интересно, что в финской и венгерской поэзии мы встречаем сходное использование боковых сонантов²⁶:

Siell'on lapsen lysti olla,

Illan tullen tuuditella.

(‘Приятно ребенку быть там и качаться, когда наступает вечер’) (Алексис Киви, Песня моего сердца).

Ah! Lágyan kél az éji szél

Milford öböl felé.

(‘О! Ночной ветерок нежно дует над гаванью Милфорд’) (Янош Арани, Барды Уэльса).

По крайней мере некоторые из этих оноματοпоэтических моделей глубоко укоренились в наших моделях восприятия, как показали недавние психологические эксперименты²⁷.

Таким образом, ясно, что мотивированность в ее различных аспектах может изучаться в нескольких многообещающих направлениях, которые могут привести к обнаружению языковых или стилистических универсалий.

2. 2. Слова с частным и общим значением

Одни языки отличаются изобилием слов со специфическим значением, а другие предпочитают общие названия и пренебрегают теми частными названиями, которые не являются необходимыми. Французский язык обычно считается языком с высокой степенью абстрактности²⁸, а в немецком преобладают конкретные, частные слова. Заметим, что термины «конкретный» и «абстрактный» используются здесь не в их обычном смысле, а как синонимы слов «частный» и «общий». Известны

различные проявления указанного контраста между этими двумя языками.

1. В некоторых случаях одному французскому глаголу с родовым значением соответствует в немецком три или четыре специфических глагола: франц. *aller* = нем. *gehen* 'идти', *reiten* 'ехать верхом', *fahren* 'ехать'; франц. *être* = нем. *stehen* 'стоять', *sitzen* 'сидеть', *liegen* 'лежать', *hängen* 'висеть'; франц. *mettre* = нем. *stellen* 'ставить', *setzen* 'сажать', *legen* 'класть', *hängen* 'вешать'. Детальные различия, выражаемые немецкими глаголами, во французском часто остаются невыраженными или выражаются с помощью контекста, за исключением случая, когда эти различия необходимо подчеркнуть и когда для их выражения добавляются дополнительные элементы: *être debout* 'стоять' (букв. 'быть стоя'), *aller à cheval* 'ехать верхом' (букв. 'идти на лошади') и т. д.

2. Немецкий язык, как мы уже убедились, характеризуется высокой степенью мотивированности. Он широко использует префиксы для спецификации разных видов действия, выражаемого глаголом. Эти добавочные оттенки значения обычно игнорируются во французском языке: ср. нем. *setzen* 'ставить', *ansetzen* 'приставлять' — франц. *mettre*; нем. *schreiben* 'писать', *niederschreiben* 'записывать' — франц. *écrire*; нем. *wachsen* 'расти', *heranwachsen* 'вырастать' — франц. *grandir*. В английском языке имеется тенденция к передаче этих оттенков значения с помощью наречных выражений: *to put on* 'надевать', *to write down* 'записывать', *to grow up* 'созревать, вырастать'.

3. Во французском часто употребляются производные слова там, где в немецком и английском используются более специфические сложные слова: франц. *cen-drier* 'пепельница', — англ. *ashtray* (букв. 'поднос для пепла'), нем. *Aschenbecher* (букв. 'поднос для пепла'); франц. *théière* 'чайник' — англ. *teapot* (букв. 'горшок для чая'), нем. *Teekanne* (букв. 'кружка для чая'); франц. *gâtonneur* 'трубочист' — англ. *chimney-sweep* (букв. 'чистильщик труб'), нем. *Schornsteinfeger* (букв. 'протираатель труб').

4. Помимо чисто лексической сферы, указанная тенденция проявляется в наречно-предложной системе немецкого языка, например в различиях между *herein*

‘сюда внутрь’ и hinein ‘туда внутрь’, herunter ‘сюда вниз’ и hinunter ‘туда вниз’ и т. д., соответствующих различию в местоположении говорящего, а также в скоплении наречий и предлогов, очерчивающих всю «траекторию» действия: «Wir segelten *vom Ufer her über den Fluss hin nach der Insel zu*» (‘Мы поплыли *от* этого берега *через* реку *туда* к острову’) ²⁹. Во французском и английском большинство соответствующих значений остается невыраженным.

Если бы с указанной точки зрения было изучено достаточное количество языков, относительная частота слов с частными и общими значениями могла бы стать для лингвистической типологии полезным критерием, хотя получить точные статистические данные в этой области было бы трудно.

С названным критерием тесно связана одна проблема, привлекавшая внимание лингвистов и антропологов в течение многих лет. Часто утверждалось, что языки «примитивных» народов богаты словами со специфическим значением и бедны словами с родовым значением. Так, считалось, что в языке туземцев Тасмании, например, нет ни одного слова для понятия ‘дерево’, а есть только специальные названия для каждой разновидности эвкалипта и акации, что зулусы не имеют слова, обозначающего корову вообще, и должны каждый раз указывать, имеют ли они в виду красную корову, белую корову или еще какую-нибудь корову ³⁰. К сожалению, эти сведения слишком часто исходят из недостаточно достоверных источников, например из наблюдений первых миссионеров, которые затем некритически воспринимаются лингвистами и повторяются из поколения в поколение. Только в 1952 г., например, был опровергнут миф о том, что в языке чироки нет отдельного слова для понятия, соответствующего англ. washing ‘мытьё, стирка’ ³¹. Кроме того, упомянутые выше утверждения о языках «примитивных» народов дискредитировали всю теорию «дологического мышления»; на симпозиуме, посвященном гипотезе Сепира — Уорфа, состоявшемуся в Чикаго в 1953 г., один философ отметил, что «все, очевидно, склонны говорить о примитивности той или иной культуры, но большинство ученых предпочитает не говорить о примитивности того или иного языка» ³². Следует выяснить, однако, нет ли в этой ста-

рой теории хотя бы зерна истины. Определенные факты детской психологии и истории наших собственных языков как будто говорят о том, что есть. Тот факт, что зулус имеет отдельные слова для красной и белой коров, удивительно сходен с тем фактом, что один четырехлетний голландский мальчик по-разному называл корову с красными пятнами и корову с черными пятнами; правда, этот мальчик также знал и общее слово, обозначающее корову, усвоенное, вероятно, из материнского языка³³. Точно так же отсутствие слова, обозначающего 'дерево', в языке туземцев Тасмании напоминает историю латинского слова *planta* и его потомков в современных языках. Это латинское слово означает 'отросток, побег'. В латинском не было отдельного обозначения для родового понятия 'растение': слова *arbor* 'дерево' и *herba* 'трава' соответствовали самым широким классификационным понятиям в сфере ботаники. Как свидетельствуют недавние исследования, значение 'растение' у указанного латинского слова появляется впервые в XIII в. в сочинениях Альберта Великого, а французское слово *plante* приобретает это значение еще на 300 лет позже³⁴.

Необходимо твердо помнить, что избыток специфических слов может объясняться не недостаточной способностью к абстрактному мышлению, а влиянием климата и окружающей обстановки. Так, совершенно естественно, что у эскимосов и саами имеется большое количество слов, соответствующих различным видам снега. Аналогично «индейцы пайют — жители пустыни — говорят на языке, который позволяет дать самое подробное топографическое описание местности, что является необходимым в стране, где для обнаружения местонахождения воды могут понадобиться весьма сложные указания»³⁵. По словам Э. Сепира, «язык есть сложный инвентарь всех идей, интересов и занятий, которые привлекают внимание коллектива»³⁶.

Ввиду большой важности указанной проблемы как для лингвистов, так и для антропологов, было бы в высшей степени желательно наметить широкую программу исследований по комплексной проблеме отношений между словарем и культурой, внутри которой была бы выделена проблема использования слов с частными и общими значениями на различных ступенях цивилиза-

ции и в различных условиях. Нет необходимости говорить о том, что результаты такого исследования были бы непосредственно связаны с гипотезой Сепира — Уорфа и пролили бы свет на проблему влияния языка на мышление.

2. 3. Синонимия

В своей книге «Essai de sémantique» М. Бреаль сформулировал следующий языковой закон, который он назвал «*законом дистрибуции*»: слова, некогда синонимичные, постепенно дифференцируются тем или иным способом и таким образом перестают быть взаимозаменяемыми³⁷. Блумфилд пошел еще дальше, утверждая, что полная синонимия в языке невозможна: «Каждая языковая форма имеет постоянное и специфическое значение. Если какие-то формы фонематически различны, мы предполагаем, что и их значения также различны, например, что каждая форма из такого ряда, как quick 'быстрый', fast 'скорый', swift 'поспешный', rapid 'стремительный', speedy 'проворный', отличается от всех остальных какими-то постоянными и общепонятными оттенками значения. Короче говоря, мы полагаем, что подлинных синонимов в действительности не существует»³⁸. На самом деле изредка в системе терминов встречаются такие случаи, когда два полностью взаимозаменяемых синонима некоторое время сосуществуют друг с другом, как, например, фонетические термины «спирант» и «фрикативный» или медицинские термины саecitis и typhlitis, обозначающие «воспаление слепой кишки»³⁹. Однако совершенно верно, что мы автоматически стремимся различать синонимы и склонны считать, что два или более слова, различных по форме, не могут обозначать в точности одно и то же или не могут обозначать нечто совершенно одинаковым способом. Дифференциация синонимов может реализоваться разными путями: она может затрагивать содержание рассматриваемых слов, их эмоциональные оттенки, социальный статус или стилистическую характеристику. Один лингвист обнаружил не менее девяти разных способов дифференциации синонимов⁴⁰. «Закон дистрибуции» формулирует тенденцию, конечно, широко распространенную, но отнюдь не универсальную. Есть основания считать, что дифференциация синонимов яв-

ляется довольно сложным процессом, возникающим относительно поздно в ходе развития языка. В старофранцузском, например, от глагола *livrer* могло быть образовано несколько синонимичных производных слов: *livrage*, *livraison*, *livrance*, *livre*, *livrée*, *livrement*, *livreige*. Постепенно этот переизбыток стал ощущаться как *embarras de richesse*, и тогда вместо этого ряда форм стала употребляться только одна форма — *livraison* ⁴¹.

Другой общий принцип синонимии — это принцип, который можно было бы назвать «законом притяжения синонимов». Часто замечали, что существует тенденция обозначать лица или явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов. Некоторые случаи значительной концентрации синонимов были обнаружены, например, в древнеанглийской литературе. В «Беовульфе» встречается 37 слов, обозначающих героя или принца, и по крайней мере дюжина слов со значением 'битва' или 'борьба'. В том же эпосе содержится 17 выражений для понятия 'море', и к ним можно добавить еще 13 выражений из других древнеанглийских поэм ⁴². Анализ словаря французского поэта XII в. Бенуа де Сент-Мора свидетельствует об аналогичной ситуации: 13 глаголов для 'победить', 18 глаголов для 'нападать', 37 существительных для 'битва' и 'борьба' и т. д. ⁴³. Для слэнга характерны целые группы синонимов (многие из них имеют шуточный оттенок или являются эвфемизмами) для понятий 'кража', 'пьянство' и 'смерть', а во французских диалектах имеется избыток обозначений для понятий 'лошадь', 'богатый', 'бедный' и особенно 'скупой, жадный'; последнее свойство описывается приблизительно двумя сотнями разных выражений, девять из которых обнаружены внутри одного и того же диалекта ⁴⁴.

Частной формой «притяжения» является так называемая «иррадиация синонимов», которая впервые была отмечена во французском слэнге ⁴⁵. Замечено, что если отдельное слово начинает употребляться в переносном смысле, то его синонимы испытывают тенденцию к аналогичному развитию. Так, глагол *chiquer* 'бить' стал употребляться в значении 'обмануть'; после этого другие глаголы со значением 'бить': *torcher*, *taper*, *estamper*, *toquer* — также получили вторичное значение. Такие изме-

нения ограничиваются иногда двумя словами: когда английский глагол *overlook* 'наблюдать' получил переносное значение 'обмануть', его синоним *oversee* тоже подвергся параллельному изменению⁴⁶. Было бы интересно исследовать, насколько широко эти процессы распространены в различных языках.

2. 4. Полисемия

Так называется, по Бреалю, употребление одного слова в двух или более разных значениях. Полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить; это означало бы также, что в языке не должно быть метафор, а тогда язык в большой мере оказался бы лишенным своей выразительности и гибкости. Философ У. М. Урбан справедливо указывает, что «эта двойная соотнесенность словесных знаков... является основным *дифференциальным* признаком семантического значения. Тот факт, что знак может означать одну вещь, не переставая означать другую вещь, что самим условием существования его как *экспрессивного* знака для второй вещи является то, что он есть также знак для первой вещи, делает язык инструментом познания»⁴⁷.

Распространенность полисемии в различных языках — это переменная, зависящая от ряда факторов. Прогресс цивилизации приводит к необходимости не только образовывать новые слова, но и добавлять новые значения старым словам; как говорил Бреаль, чем больше значений собрано в одном слове, тем больше разных аспектов интеллектуальной и социальной деятельности оно представляет⁴⁸. Вероятно, именно это имел в виду Фридрих Великий, когда он видел в множественности значений показатель превосходства французского языка⁴⁹. Было бы интересно исследовать в более широких масштабах отношения между полисемией и культурным прогрессом. Однако распространенность полисемии зависит также и от чисто языковых факторов. Как уже отмечалось, языки, в которых словообразование развито слабо, имеют тенденцию заполнять пробелы в словаре

добавлением новых значений к уже существующим словам. Точно так же полисемия возникает у слов с общим значением, где значение меняется в зависимости от контекста чаще, чем в словах с частным значением, смысл которых менее подвержен изменениям. Относительная частота полисемии в различных языках, следовательно, может служить еще одним критерием для семантической типологии, хотя опять-таки трудно представить, каким образом эту частоту можно измерить точно.

Существует, впрочем, другой аспект проблемы полисемии, при котором возможны более точные измерения: отношение полисемии к *частоте слова*. Систематически сравнивая относительную частоту разных слов с числом присущих им значений, Дж. К. Ципф пришел к интересному выводу, который он сформулировал в виде «принципа множественности значений». Согласно Ципфу, можно зафиксировать «прямое соответствие между числом разных значений слова и относительной частотой его встречаемости»⁵⁰. Он пытался даже найти математическую формулу для этого отношения: в соответствии с его вычислениями «число разных значений одного слова стремится стать равным корню квадратному из его относительной частоты (исключение возможно для нескольких дюжин наиболее частых слов)»⁵¹. Другими словами, $m = F^{1/2}$, где m выражает число значений, а F — относительную частоту встречаемости слова⁵².

Большое достоинство формулы Ципфа состоит в том, что ее легко можно проверить, обратившись к любому языку, для которого подсчитаны частоты слов. Однако к выводам Ципфа следует относиться с крайней осторожностью. При подсчете значений слов Ципф опирался на материал словаря, в то время как общеизвестно, что лексикограф при выделении разных значений одного слова часто принимает произвольные решения. Во многих случаях нельзя обнаружить четкой границы между этими значениями; многие наши понятия имеют, как выразился Виттгенштейн, «размытые края» (blurred edges)⁵³, и мы не всегда можем решить, имеем ли мы дело с разными оттенками одного значения или с разными значениями одного слова. Многое зависит также от полноты различных словарей, от той степени, в какой они учитывают специальные и полуспециальные употре-

бления слов. Так, подсчеты, базирующиеся на Оксфордском словаре, приведут к результату, сильно отличающемуся от результатов, которые основываются на менее подробном словаре. По-видимому, подобные «сверхточные» формулы нецелесообразны, когда имеешь дело с таким туманным, субъективным и непостоянным явлением, как значение. Наиболее правдоподобным является наличие более общей корреляции между полисемией и частотой слова; этот факт заслуживает того, чтобы быть проверенным в различных языках. Так, уже сейчас ясно, что для некоторых из самых распространенных слов языка характерно большое разнообразие значения: по словарю Литтре глагол *aller* имеет приблизительно 40 значений, *mettre* — около 50, *prendre* и *faire* — около 80⁵⁴.

Полисемия — это неиссякаемый источник *неоднозначности* в языке. В ограниченном числе случаев разные значения одного слова дифференцируются с помощью формальных средств, например с помощью рода (франц. *le pendule* 'маятник' — *la pendule* 'часы', нем. *der Band* 'том' — *das Band* 'лента, узкая полоска'), словоизменения (англ. *brothers* 'братья' — *brethren* 'собратья, братья', англ. *hanged* 'вешал' — *hung* 'висел', нем. *Worte* 'связная речь' — *Wörter* 'слова'), порядка слов (англ. *ambassador extraordinary* 'посланник' — *extraordinary ambassador* 'чрезвычайный посол', франц. *une assertion vraie* 'верное утверждение' — *un vrai diamant* 'настоящий бриллиант'), орфографии (англ. *discreet* 'осторожный' — *discrete* 'раздельный', англ. *draft* 'чертеж, план, набросок' — *draught* 'сквозняк, тяга', франц. *dessin* 'рисунок' — *dessein* 'схема, план') и т. д.⁵⁵. Однако в преобладающем большинстве случаев только контекст помогает исключить все нерелевантные значения. Когда же все эти средства различения полисемии отсутствуют, возникает конфликт между двумя или более несовместимыми значениями слова, что может привести к исчезновению некоторых из этих значений или даже к исчезновению самого слова. При существующем уровне наших знаний невозможно сказать, имеются ли какие-либо общие тенденции в процессе возникновения этого конфликта и способах его разрешения. В одной обстоятельной монографии о полисемии английских прилагательных показано, что упомянутая неоднозначность только изредка приводит к полному исчезновению

слова; обычно же исключается одно или больше из несовместимых значений. Из 120 рассмотренных прилагательных исчезли только 3 прилагательных (2,5%)⁵⁶. Дальнейшие исследования должны показать, проявляется ли в этом какая-то общая тенденция или нет. Работы в области лингвистической географии также пролили некоторый свет на условия, при которых могут возникнуть подобные конфликты. Обнаружено, например, что при наличии значений одного ранга (co-ordinated), принадлежащих к одной и той же сфере мысли, часто возникают трудности, тогда как значения, относящиеся к разным сферам, могут сосуществовать совершенно безболезненно; так, неудобно иметь одно и то же слово для понятий 'кукуруза' и 'сорго', но вполне допустимо, чтобы одно и то же слово означало виноградную лозу и конец мотка пряжи. Кроме того, два значения не вступают в конфликт, если связь между ними ясно ощутима, как, например, в случае использования одного слова для понятий 'голова' и (в переносном употреблении) 'ступица колеса'. Ситуация усложняется еще больше под воздействием социальных факторов, таких, как, например, проникновение литературного языка в диалекты⁵⁷. Когда мы будем располагать большим количеством данных из разных языков, мы будем в состоянии судить о том, какие из этих тенденций имеют общую значимость.

2.5. Омонимия

В отличие от полисемии омонимия не является абсолютной универсалией, обязательно присущей всем языкам. Полисемия, как мы видели, связана с самой сущностью языка. Что же касается омонимии, то легко можно представить себе язык без омонимов; такой язык был бы более эффективным средством общения, чем язык с омонимами. Существует ли такой язык в действительности, может быть выяснено только с помощью исследований эмпирического характера. Независимо от того, существует он или не существует, омонимия является статистической универсалией с высокой степенью вероятности.

Некоторые омонимы возникают благодаря *расхождению значений в процессе развития языка*: разные значения одного и того же слова могут так далеко отойти

друг от друга, что одно это слово в двух разных значениях начинают рассматривать как два разных слова. Это случилось, например, с английскими словами flower 'цветок' и flour 'мука'; различие в написании подчеркивает тот факт, что с синхронической точки зрения мы имеем здесь дело с разными словами, хотя происхождение этих слов общее. Однако не все случаи столь прозрачны; иногда лексикограф колеблется при установлении того, имеет ли он дело с одним словом или двумя, с полисемией или омонимией⁵⁸. Преобладающее большинство омонимов возникает, впрочем, другим путем — благодаря *совпадению звуков в процессе развития языка*. Это приводит к совпадению двух или более слов, которые раньше были фонетически различными; так, древнеангл. mēte и mētan совпали друг с другом и стали в современном английском омонимами — meat 'мясо' и to meet 'встречать'. Шансы такого совпадения зависят главным образом от двух факторов: длины слов и структуры слов. Языки, в которых преобладают короткие слова, имеют, очевидно, больше омонимов, чем языки, для которых характерны преимущественно длинные слова. Отсюда большая распространенность омонимии в английском и французском языках по сравнению с немецким или итальянским. Еще более важным фактором является продуктивность различных типов *структуры слова* в том или ином языке. Для английского языка имеются некоторые интересные статистические данные, полученные Б. Трнкой⁵⁹ на основе анализа слов, включенных в Карманный оксфордский словарь разговорного английского языка (Pocket Oxford Dictionary of Current English). Трнка выделил 14 разных типов односложных слов — от слов с одной фонемой до слов с шестью фонемами. Его таблицы показывают, что самым распространенным типом является последовательность SVC [согласный + гласный + согласный]: ей соответствует 1343 односложных слова из 3178, то есть 42% английских односложников. Эта категория слов содержит самое большое число омонимов — 333. Однако в некоторых меньших группах процент омонимов еще выше: в группе типа CV, например, из 174 слов 91 слово омонимично. Совсем иначе устроено французское слово; во французском, в частности, немало односложников, состоящих только из одного гласного или из согласного и

последующего гласного. Нет нужды говорить, что крайняя простота такой структуры слова обуславливает изобилие омонимов. Иногда здесь встречается по шесть омонимичных слов: *au*, *aux* (предлоги), *eau* 'вода', *haut* 'высокий', *oh* 'ой!', *os* 'кость'; *ceint* 'опоясанный', *cinq* 'пять', *sain* 'здоровый', *saint* 'святой', *sein* 'грудь', *seing* 'подпись'⁶⁰. Если бы подобные данные удалось получить для большого числа языков, мы могли бы установить, имеются ли в этой области какие-то универсалии или хотя бы широко распространенные тенденции; мы могли бы также получить точный типологический критерий — относительную частоту омонимии вообще и ее разных типов.

Омонимы, как и несколько значений одного и того же слова, иногда дифференцируются с помощью формальных средств: рода (франц. *le poêle* 'печь' — *la poêle* 'сковорода', *le vase* 'ваза' — *la vase* 'ил') или словоизменения (англ. *ring*, *gang* 'звенеть' — *ring*, *ringed* 'окружать кольцом'; нем. *die Kiefer* 'челюсти' — *die Kiefern* 'пихты'). В таких языках, как английский или французский, для дифференциации омонимов в очень большой степени используется *орфография*, и этот факт часто приводят в качестве аргумента против ее реформы. Блумфилд скептически относился к мнению о том, что орфография играет роль защитной меры против омонимии. «Нет никаких оснований опасаться, — говорил он, — что, если омонимы (например, англ. *pear* 'груша', *pair* 'пара', *rage* 'подрезать, чистить' или *pièce* 'кусок, часть', *peace* 'мир') будут изображаться на письме одинаково, написание будет непонятным; написание, отражающее фонемы языка, столь же понятно, как и сам язык»⁶¹. Это, конечно, правильно, но суть в том, что написание должно быть в этом отношении *более* понятным, чем речь. Английский и французский языки показывают, что языки, богатые односложниками и, следовательно, омонимами, стремятся сохранить нефонетический характер орфографии, и, видимо, нетрудно проверить, проявляется ли в этом определенная общая тенденция.

Однако основным средством различения омонимии является контекст. Многие омонимы принадлежат к разным классам слов; другие расходятся по значению столь сильно, что никогда не могут встретиться в одном высказывании. Однако случаи «столкновения омонимов» [т. е. неразличения омонимов] встречаются все-таки до-

вольно часто и могут быть с большой точностью предсказаны на основе лингвистических атласов. Эти «столкновения» и различные способы их ликвидации изучены Жильероном и другими специалистами по лингвистической географии⁶² так основательно, что нет нужды обсуждать их здесь. Иногда достаточно лишь слегка изменить форму одного из омонимов: например, во французском присоединение так называемого придыхательного *h* в случае *héros* дает возможность избежать смешения *les héros* 'герои' и *les zéros* 'нули'. В других случаях приходится искать для омонима подходящую замену — производное слово, синоним, слово из той же самой или смежной сферы, слово, заимствованное из другого языка, или даже шутливую метафору; когда, например, в одной части юго-западной Франции слова, обозначающие петуха и кошку, совпали, петуха стали называть словом, которым обозначали фазана и — более игриво — помощника приходского кюре. Большое количество географических и исторических примеров указанных столкновений во многих языках предоставит нам возможность судить о том, насколько общими являются эти разные способы ликвидации столкновений. Следует отметить, что сами эти столкновения между омонимами или разными значениями одного слова представляют собой факт синхронический, а изменения, к которым они приводят, являются диахроническими процессами. В данной области лингвистики строгое разделение описательного и исторического подходов полностью не осуществимо. Следует сочетать эти подходы, не смешивая их⁶³.

2. 6. Семантическая типология

Уже было отмечено, что четыре из пяти рассмотренных в этом разделе признаков — мотивированность, слова с общим значением *versus* слова с частным значением, полисемия, омонимия — могут служить критериями для типологии языков, если изучить их распространение на достаточно большом материале. Все эти четыре критерия являются статистическими: они связаны с относительной частотой соответствующих явлений. Точность, с которой могут выполняться соответствующие подсчеты, зависит от природы самого признака: самой высокой она будет для признака «омонимия» и самой низкой — для признака «слова с общим значением *versus* слова с ча-

стным значением»; что касается мотивированности и полисемии, то измерения возможны и здесь, по крайней мере при рассмотрении этих проблем в определенных аспектах. Следует отметить еще два момента. Во-первых, некоторые из указанных признаков взаимодействуют: как мы видели, полисемия тесно связана, с одной стороны, с мотивированностью, а с другой стороны, с использованием слов с общим значением. Во-вторых, все наши типологические критерии, за исключением, может быть, мотивированности, имеют прямое отношение к *семантической автономности* слова, то есть к степени зависимости понимания слова от контекста. Очевидно, что такое французское слово с общим значением, как *aller*, имеет самостоятельное значение в меньшей степени, чем более специфические немецкие глаголы *gehen* 'идти пешком', *reiten* 'ехать верхом', *fahren* 'ехать', и, следовательно, *aller* — слово в большей степени связанное с контекстом, чем указанные немецкие глаголы. Точно так же слово с несколькими значениями неоднозначно, если оно употребляется изолированно, вне контекста, например, как заголовок в газете или как название книги или спектакля, а омонимы в изолированном употреблении не имеют значения вовсе. Из этого следует, что языки, в которых распространены слова с общим значением, а также полисемия и омонимия, будут в значительной степени «контекстно-связанными»; французский язык, как я пытался показать в работе «*Précis de sémantique française*», является классическим языком с семантической структурой такого типа. Естественно, что мы не можем определить степень важности контекста для того или иного языка совершенно точно; однако при внимательном изучении указанных признаков мы можем получить об этом вполне четкое представление.

3. Универсалий в исторической семантике

3. 1. Метафора

3.1.1. Параллельное развитие. Поскольку метафора базируется на восприятии определенных сходств, естественно, что очевидные аналогии дают почву для возникновения одной и той же метафоры в разных языках; отсюда широкая распространенность таких выражений, как англ. *foot of a hill* 'подножие горы' или

leg of a table 'ножка стола'. Имеются, впрочем, менее очевидные ассоциации, которые также очень распространены. Хорошо известный пример таких ассоциаций — это употребление глаголов со значением 'держать', 'схватывать', в переносном значении — 'понимать': англ. *grasp*, *catch*; франц. *comprendre* (ср. *prendre*), *saisir*; итал. *capire* (из лат. *capere*); нем. *begreifen* (ср. *greifen*) и т. д.⁶⁴. С указанными случаями связана большая трудность, состоящая в том, что эти совпадения могут представлять собой не чистый случай параллельного развития: различные языки могут просто копировать один другой или оба — какой-то третий образец. Так, если взять совсем недавно возникшее слово 'небоскреб', то одинаковость названий этого слова в англ. *sky-scraper* 'небо-скреб', франц. *grattciel* 'скребет-небо', итал. *grattacielo* 'скребет-небо', нем. *Wolkenkratzer* 'облако-скреб' и т. д. не объясняется общей ассоциацией; соответствующее метафоричное слово возникло в Америке в 1890 г. и было калькировано другими языками⁶⁵. При обращении к более ранним периодам часто бывает невозможно систематически отличать действительное параллельное развитие от калькирования.

Для решения этой проблемы следует попытаться собрать примеры использования одной и той же метафоры в большом числе языков, которые не могли влиять один на другой. Удачным образом такого рода исследования является статья Тальявини о названиях зрачка в разных языках⁶⁶. Автор, в частности, рассмотрел метафору, лежащую в основе латинского слова *pupilla* и его современных потомков: зрачок сравнивается с маленькой девочкой или иногда с маленьким мальчиком ввиду сходства между ребенком и маленькой фигуркой, отражающейся в глазе. Эта аналогия, которая сначала кажется весьма далекой, наблюдается в названиях зрачка в различных индоевропейских языках: греч. *kógē*, исп. *piña* (*del ojo*), португ. *menima* (*do olho*) и т. д. Однако указанная аналогия характерна также и для языков других групп. Тальявини нашел соответствующие примеры приблизительно в 20 очень далеких друг от друга неиндоевропейских языках, например, в суахили, саами, китайском и самоанском.

Подобные случаи параллельного развития не ограничиваются метафорой; широко распространены и опре-

деленные ассоциации метонимического типа. Так, употребление названия языка как органа речи для обозначения языка как средства общения присуще многим индоевропейским языкам: англ. *tongue*, лат. *lingua*, греч. *glōssa*, русск. *язык* и т. д.; то же наблюдается и в определенном числе финно-угорских языков, включая не только финский и венгерский, но и коми, марийский и другие. Эта метонимия встречается в турецком, в некоторых языках Африки и в ряде других языков⁶⁷. Составление списка параллельно возникших метафор и случаев метонимии имеет огромное значение, поскольку лежащие в их основе ассоциации, по-видимому, глубоко коренятся в человеческом опыте и в значительной степени не зависят от культуры или среды. В связи с этим чрезвычайно важен проект, выдвинутый на Лондонском конгрессе лингвистов в 1952 г.: составление «словаря семантических параллелей»⁶⁸.

3.1.2. Общие тенденции. Частные переходы значений происходят в общем русле развития метафор, которое подчинено некоторым общим тенденциям, представляющим, вообще говоря, большой интерес не только для лингвистов, но также и для психологов, литературоведов и других специалистов. Упомянем кратко четыре такие тенденции.

а. Приблизительно 40 лет назад Ганс Шпербер, опираясь на идеи Фрейда, установил один «семантический закон». Он исходил из следующего допущения: если мы очень интересуемся каким-либо предметом, то он становится для нас источником аналогий при описании других предметов; в терминологии Шпербера он становится центром метафорной «экспансии». Так, во время первой мировой войны разного рода устрашающие виды оружия послужили французским солдатам для создания разных шуточных метафор: бобы назывались шрапнелью, а многодетная женщина — пулеметом (*mitrailleuse à gosses*). Шпербер сформулировал свой «закон» следующим образом: «Если в определенный период некоторый комплекс идей столь сильно затрагивает чувства, что это приводит к расширению сферы употребления и изменению значения какого-то *одного слова*, то мы можем с уверенностью ожидать, что и другие слова, принадлежащие к тому же эмоциональному комплексу, также изменят свое значение»⁶⁹.

При такой формулировке «закон Шпербера» есть не более чем весьма смелое обобщение, которое нуждается в широкой проверке по разным языкам и периодам. Конечно, можно найти случаи, подтверждающие этот принцип. Во Франции XVI в., раздираемой религиозными распрями, многочисленные метафоры и сравнения черпались из сферы религии⁷⁰. В период Французской революции были очень популярны аналогии, связанные с характерным для того времени прогрессом в физике и химии⁷¹. Точно так же изобретение железной дороги, электричества и другие технические новшества обогатили круг метафор французского языка⁷². Однако «закон Шпербера» нам представляется слишком категоричным. Сошлемся только на один пример. Если бы существовала автоматическая связь между эмоциями и метафорой, тогда в современных языках должно было бы быть гораздо больше образов из сферы авиации, поскольку для нашего времени характерен пристальный интерес к авиации. «Закон Шпербера» кажется излишне категоричным и при приложении его к системе образов того или иного писателя. Хотя и существуют подтверждения того, что указанный принцип как будто выполняется, но встречаются и такие случаи, когда интересы, вкусы и занятия автора оставляют незначительный след или вовсе не оставляют следа в его системе метафор, и попытка реконструировать «внутреннюю биографию» Шекспира из особенностей его образной системы далеко не всеми признается удачной⁷³. Тем не менее, очевидно, в рассмотренной теории имеется зерно истины, и выводы ее столь интересны, что она заслуживает тщательной проверки.

б. В самых разных языках широко распространены метафоры *антропоморфического* типа. Это ясно понимал еще в XVIII в. итальянский философ Джамбатиста Вико: «Во всех языках большинство выражений, относящихся к неодушевленным предметам, образованы посредством переноса названий человеческого тела или его частей, а также названий человеческих чувств и страстей на эти неодушевленные предметы. Невежественный человек делает себя мерилom Вселенной»⁷⁴. Таким образом, Вико без всяких колебаний рассматривает антропоморфическую метафору как языковую универсалию. Современные лингвисты более осторожны, однако

не может быть сомнения в том, что подобные выражения весьма распространены во многих языках. Они могут относиться как к конкретным, так и к абстрактным явлениям действительности: ср. английские выражения *the neck of a bottle* 'горлышко бутылки' (букв. 'шея бутылки'), *mouth of a river* 'устье реки' (букв. 'рот реки'), *the eye of a needle* 'игольное ушко' (букв. 'глаз иглы'), *the brow of a hill* 'выступ горы' (букв. 'бровь горы'), а также *the heart of the matter* 'суть предмета' (букв. 'сердце предмета'), *the lungs of a town* 'легкие города', *the sinews of war* 'мускулы войны' и т. д. Наряду с такими метафорами существуют метафоры обратного направления, когда названия неодушевленных предметов или животных переносятся на части человеческого тела: англ. *muscle* 'мускулы' (из лат. *musculus*, букв. 'маленькая мышь') [ср. русск. *мышца*], *polypus* 'полип', *apple [of the eye]* '[глазное] яблоко', *spine* 'спинной хребет', *pelvis* 'таз' и др. Если бы более тщательные исследования показали, что оба указанных типа метафоры универсальны, возник бы следующий вопрос: который из этих двух типов является наиболее частым? Опубликованная в 1948 г. монография одного голландского лингвиста о семантике названий частей тела⁷⁵ показывает, что переходы из человеческой сферы распространены гораздо чаще, чем переходы в эту сферу из других сфер. Используя терминологию Шпербера, можно сказать, что наше тело есть центр как метафорной экспансии, так и метафорного притяжения, однако сильнее проявляется первое свойство.

в. *От конкретного к абстрактному.* Тот факт, что, как писал Блумфилд, «отвлеченные и абстрактные значения развиваются, как правило, из более конкретных»⁷⁶, слишком хорошо известен и очевиден, и мы не будем подробно останавливаться на нем. Мы были бы крайне удивлены, если бы нашелся такой язык, в котором метафоры с переходом значения от абстрактного к конкретному были бы более обычными, чем метафоры с обратным переходом значения. Гораздо полезнее исследовать распространенность разных видов метафор первого, обычного, типа. Одним из широко распространенных видов являются метафоры, использующие образы *света* и смежных с ним явлений для обозначения интеллектуальных и моральных явлений: англ. *to throw light on* 'проливать свет на', *to put in a favorable light* 'представить в благо-

приятном свете', *leading lights* 'направляющие огни', *enlighten* 'освещать', *illuminating* 'проливающий свет', *brilliant* 'блестящий', *sparkling* 'искрящийся', *dazzling* 'ослепительный', *coruscating* 'сверкающий, блестящий', *beaming* 'излучающий', *radiant* 'излучающий' и т. д. К другому весьма распространенному виду метафор относятся такие случаи, когда слова, обозначающие физические ощущения, используются для описания абстрактных явлений: *bitter feelings* 'горькие чувства', *sweet disposition* 'мягкий характер' (букв. 'сладкий характер'), *warm reception* 'теплый прием', *cold disdain* 'холодное презрение', *even temper* 'ровный характер' и др. Нам эти ассоциации кажутся очевидными и банальными; однако только эмпирические исследования могут показать, насколько всеобщими они являются.

г. *Синестезия*. Близким к только что рассмотренному случаю является случай так называемых синестетических метафор, состоящих в том, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств, то есть имеет место переход, например, от осязания к слуховому восприятию или от этого последнего к зрительному восприятию и т. д. Символисты возвели подобные переносы в ранг эстетической доктрины. Бодлер говорил, что «запахи, цвета и звуки соответствуют друг другу» («Correspondances»), а Рембо написал сонет о цвете гласных звуков («Voyelles»). Однако современная мода на синестезию не должна помешать заметить тот факт, что она представляет собой древнюю, широко распространенную, а возможно, даже универсальную форму метафоры. Она встречается уже у Гомера и Эсхила, а также в ряде обычных выражений греческого языка, таких, как *baritone* (от *barýs* 'тяжелый') и *oxytone* (от *oxýs* 'острый'); то же относится к латинским словам *gravis* и *acutus*, к которым восходят современные термины *grave accent* и *acute accent*. Комментируя указанные выражения, Аристотель писал в труде «De Anima»: «В выражениях *acute* и *grave* имеет место метафорический перенос из одной сферы — сферы осязания — в другую... Устанавливается параллелизм между указанными типами ударения, воспринимаемыми на слух, и качествами «острый» и «тупой», воспринимаемыми органом осязания»⁷⁷. Синестезия обнаружена в языках Китая, Японии, Индии,

Ирана, Аравии, Египта, древнего Вавилона и Палестины⁷⁸. Франц Боас приводит следующее образное выражение из языка индейцев племени квакиутл: «слова... ударяли гостей, как копьё ударяет дичь или лучи солнца ударяют в землю»⁷⁹. Современные «культурные» языки изобилуют такого рода метафорами. Некоторые из этих метафор превратились в клише, например: англ. *cold voice* 'холодный голос', *piercing sound* 'пронзительный звук', *loud colors* 'кричащие краски', франц. *couleur criarde* 'кричащий цвет', итал. *colore stridente* 'кричащий цвет' и многие другие⁸⁰. Имеется богатая литература, посвященная различным аспектам синестезии, и нетрудно выяснить, насколько распространенным является этот тип метафоры и представляет ли он собой семантическую универсалию.

Дальнейшие исследования могут также выявить, что развитие синестетических метафор носит закономерный, а не случайный характер. Я собирал данные об исходных и конечных «пунктах» образов, основанных на синестезии, в произведениях двенадцати поэтов XIX столетия — французских, английских и американских, и обнаружил три тенденции, которые проявились вполне четко: 1) переходы от менее тонких к более тонким органам чувств происходят гораздо чаще, чем наоборот: свыше 80% от 2.000 примеров соответствуют направлению «снизу вверх»; 2) сфера осязания является самым распространенным исходным «пунктом» метафор; 3) слуховое восприятие является самым распространенным конечным пунктом⁸¹. Те же самые тенденции были замечены у некоторых венгерских поэтов XX в.⁸², и поучительно, что первый и самый важный принцип — «иерархический» — согласуется с данными экспериментальной психологии⁸³. Естественно, прежде чем обобщать, мы должны значительно расширить соответствующие исследования и распространить их также на разговорный язык. При этом следует учитывать, что названные тенденции носят чисто статистический характер и в отдельных случаях возможны отклонения. Я сам нашел такие отклонения в поэзии Виктора Гюго. В его поэзии встречается так много синестетических метафор, исходным пунктом для которых служит сфера зрительного восприятия, что только третья из указанных тенденций остается в силе: слуховое восприятие и здесь является основным конеч-

ным пунктом, но, как уже было сказано, основным исходным пунктом служит не осязание, а зрительное восприятие, и количественное различие между случаями метафор с направлением «снизу вверх» и случаями с обратным направлением незначительно⁸⁴.

3. 2. Расширение и сужение значения

С первых же дней существования современной семантики стало известно, что в процессе изменения слов действуют две противоположные тенденции: одни слова стремятся расширить свое значение, другие — сузить его. Английское слово *bird* 'птица' расширило свое значение по сравнению с древнеанглийским, где оно использовалось только в значении 'птенец'. Как сказали бы логики, его экстенсионал увеличился, а интенсионал уменьшился: оно стало приложимо к большему числу вещей, но говорит нам о них меньше, чем раньше. С другой стороны, старое название птицы *fowl* развивалось в противоположном направлении. Первоначально оно означало птицу вообще (ср. нем. *Vogel*); см. в Новом Завете: «Behold the *fowls* of the air». Постепенно значение его сузилось до современного значения ['домашняя птица', обыкновенно 'курица' или 'петух'], которое является более специфическим и охватывает меньше предметов, чем старое значение⁸⁵.

Как расширение, так и сужение значения могут быть следствием различных причин; одни из них являются чисто языковыми, другие — психологическими или социальными. Однако некоторые лингвисты считают, что сужение значения представляет собой в целом более обычный факт, нежели расширение⁸⁶. Это подтвердили недавние психологические эксперименты, проведенные Вернером⁸⁷. Вернер утверждает, что существуют две главные причины указанной выше несимметричности. «Первая причина состоит в том, что доминирующая тенденция развития — это развитие в сторону дифференциации, а не в сторону обобщения. Вторая причина, связанная с первой, — это то, что образование общих понятий из частных менее важно для ненаучной коммуникации, хотя для научного мышления оно как раз более характерно. Другими словами, повседневный язык обращен в своем развитии скорее к конкретному и частному, нежели к абстрактному и общему». Данная проблема представляет большой интерес, но прежде чем сделать вывод о том,

что преобладание сужения значения является семантической универсалией, мы должны иметь в своем распоряжении гораздо больше фактов из разных языков, чем мы имеем в настоящее время.

3. 3. Табу

Слово «табу» — полинезийского происхождения, и сам тот факт, что мы используем такое экзотичное слово для обозначения явления, которое часто встречается в нашей собственной культуре, является симптомом универсальности табу. Здесь мы коснемся только лингвистической стороны проблемы табу. Этой проблеме уже посвящена обширная литература, и, как и в случае изучения ономастических элементов, любое будущее исследование должно начинаться с критического перечня всех уже известных фактов. Языковые табу возникают в основном ввиду следующих причин: во-первых, необходимо отметить случаи табу, обязанные своим появлением чувству *страха* или «священного ужаса», как предпочитал говорить Фрейд⁸⁸: религиозные ограничения на упоминание имени бога; случаи, когда из суеверия избегают называть своими именами мертвых, дьявола, злых духов, и широко распространенные табу, относящиеся к называнию животных. Вторая группа случаев продиктована чувством *деликатности*: когда мы говорим на такие неприятные темы, как болезнь или смерть, физические или моральные недостатки, преступные акты — мошенничество, кража или убийство, — мы часто прибегаем к эвфемизмам, и выражаемые в данном случае значения могут стать постоянными значениями этих последних: вместо маскировки табуируемого предмета, эвфемизм может прочно сомкнуться с ним, как это случилось с английскими словами undertaker 'гробовщик' (букв. 'предприниматель'), disease 'болезнь' (букв. 'неудобство'), imbecile 'глупый' (от латинского imbecillus или imbecillis 'слабый') и др. В-третьих, запреты типа табу могут возникать из стремления соблюдать *приличия*: запреты на название явлений, относящихся к сексуальной сфере жизни, и определенных частей и функций тела; к этому же типу табу относятся, в частности, некоторые бранные слова. Хотя все эти три типа широко распространены, ни один из них не является абсолютной универсалией, так как они зависят от различных социальных

и культурных факторов и возникают только в определенных условиях. Первый тип с развитием цивилизации будет встречаться все реже и реже, хотя совсем он, по-видимому, не исчезнет. Второй и в особенности третий типы с развитием более высоких моральных норм и более тонких форм социального поведения будут, напротив, встречаться все чаще и чаще, хотя некоторые слишком утонченные табу, возможно, постепенно будут отброшены как ханжеские: ведь мы не говорим больше *limbs* 'конечности' или *benders* вместо *legs* 'ноги' или *waist* 'талия' вместо *body* 'тело', как говорили бостонские дамы сто лет назад⁸⁹. Развитие и отмирание различных форм табу в связи с социальными и культурными изменениями должны систематически изучаться в разных языках. В различных трудах по лингвистике, антропологии и психологии приводится немало сведений о табу, но прежде чем делать на их основании какие-то выводы, эти сведения должны быть дополнены, классифицированы и заново интерпретированы.

Помимо указанных общих тенденций, заслуживают внимания и некоторые специфические закономерности, связанные с табу и эвфемизмами. Возможно, самым поразительным здесь является частота и разнообразие табу, связанных с названиями *животных*. В написанной недавно одним бразильским лингвистом монографии на эту тему⁹⁰ упоминается не менее 24 животных, название которых запрещается в различных языках. Табу подверглись самые разнообразные живые существа, начиная от муравьев, пчел и змей и кончая медведями⁹¹, тиграми и львами; даже бабочки и белки попали в этот список. Один из самых замечательных случаев связан с названием ласки. Страх, внушаемый этим животным, вызвал к жизни множество умиловительных эвфемизмов, очень сходных в разных языках: иногда ласка называется маленькой женщиной (итал. *donnola*, португ. *doninha*) или маленькой красавицей (франц. *belette* — уменьшительная форма от *belle*, шведск. *lilla snälla*), а иногда она как бы включается в семью, и ее называют невестой, снохой, свояченицей⁹². Есть и другие интересные случаи параллельного развития. Так, иронический эвфемизм типа англ. *imbecile* лежит в основе похожих изменений в этой же сфере: франц. *crétin* 'кретин' — это диалектная форма слова *chrétien* 'христианин'; *benêt* 'глупец'

происходит из *benedictus* 'благословенный'; англ. *silly* 'глупый' некогда означало 'счастливый, благословенный' (ср. нем. *selig* 'счастливый, блаженный'), а *idiot* 'идиот' восходит к греческому слову, означающему 'частное лицо, мирянин'.

Как показывают некоторые из приведенных примеров, часто при употреблении слова в функции эвфемизма или иронического «псевдоэвфемизма» оно постепенно приобретает отрицательное значение. Частота случаев так называемого *пейоративного* изменения значения слова уже давно отмечалась многими семасиологами⁹³; некоторые видели в этом симптом наступления эпохи пессимизма или цинизма в истории человеческого духа. Однако, как справедливо указал Бреаль, «упомянутая тенденция к пейоративному изменению значения является результатом присущего человеку стремления прикрасить, замаскировать страшные, оскорбительные или отталкивающие предметы»⁹⁴. Так, известное изменение смысла слов, означающих 'девушка' или 'женщина', в сторону оскорбительного смысла (например, англ. *hussy* 'шлюха', *quean* 'распутница', франц. *fille* 'девка', *garce* 'шлюха' или нем. *Dirne* 'девка'), конечно, обязано своим существованием тенденции к псевдо-эвфемизмам, а не предупреждению против женщин. Эти и другие типы пейоративного изменения смысла (типы, возникающие на почве национальных или социальных предрассудков или просто благодаря определенным ассоциациям идей) распространены весьма широко, и их следовало бы изучать на материале самых разных языков. Наряду с пейоративными изменениями смысла имеют место также и изменения в обратном направлении⁹⁵, когда неприятный оттенок в значении либо ослабляется, либо даже переходит в положительный. Примером ослабления может служить англ. *blame* 'причитать', которое является этимологическим дублетом слова *blaspheme* 'богохульствовать'; случай положительного изменения представлен, например, английским словом *nice* 'приятный', восходящим к латинскому *nescius* 'невежественный'. Создается впечатление, что «положительные изменения» встречаются реже, чем «отрицательные»; возможно, объясняется это тем, что число последних увеличивается за счет эвфемизмов и псевдо-эвфемизмов. Однако это впечатление должно быть подтверждено более широкими исследованиями. Другая

проблема, которую интересно было бы рассмотреть, — это проблема развития нейтральных слов, «*voces mediae*», которые часто стремятся специализировать свое значение либо в положительную, либо в отрицательную сторону. Так, слова *luck* и *fate* являются нейтральными словами с одинаковым значением ('судьба'), но прилагательные *lucky* 'счастливый, удачливый' и *fatal* 'роковой' имеют противоположные значения: первое — положительное, а второе — отрицательное. Интересно выяснить, является ли какое-либо из указанных двух направлений развития преобладающим и, если да, то какое именно.

3. 4. Выводы, полезные для сравнительно-исторического языкознания

Рассмотренные в этом разделе явления (к ним могут быть добавлены еще и некоторые другие) имеют непосредственное отношение к этимологии и сравнительному языкознанию. Говоря о традиционном изучении семантических изменений, Блумфилд утверждал, что «все эти факты, интересные в экстралингвистическом аспекте, дают известное представление о степени вероятности тех или иных этимологических сравнений...»⁹⁶. Достоверность сравнений значительно возросла бы, если бы некоторые из указанных выше тенденций оказались семантическими универсалиями. Семантические универсалии могут быть полезны этимологу и компаративисту в двух отношениях. Во-первых, они могут подсказать ему, каких изменений следует ожидать и каким, судя по его внешним признакам, является некоторое частное изменение — частым или редким, нормальным или исключительным. Во-вторых, они могут помочь ему сделать выбор между альтернативными решениями. Допустим, например, дальнейшие исследования покажут, что преобладание синестетических метафор с направлением «от низших ощущений к высшим» является семантической универсалией. Допустим далее, что этимолог столкнулся с двумя древними значениями некоторого данного слова, из которых одно относится к осязанию, а другое — к слуховому восприятию. При решении вопроса о том, какое из двух значений первично, было бы логично допустить, что первое значение предшествовало второму, поскольку переход от осязания к слуховому восприятию происходит гораздо чаще, чем противоположный

переход. Верно, конечно, что эти тенденции чисто статистические, и вполне возможно, что в каком-то отдельном случае произошел как раз противоположный переход. Тем не менее гипотеза, которая согласуется с общей тенденцией, имеет больше шансов быть правильной, чем другая гипотеза; по-видимому, можно будет вычислять вероятность ошибки, которая в одних случаях окажется большой, а в других — настолько малой, что ею можно будет пренебречь.

4. Универсалии в структуре лексики

В течение последних трех десятилетий структурные методы стали применяться и в семантике, и теперь в центре внимания исследователей стоят не отдельные слова, а лексические единицы более высокого уровня. Важность этой новой ориентации доказывается хотя бы тем фактом, что проблемы структурной семантики стояли на повестке дня Восьмого Международного конгресса лингвистов (Осло, 1957)⁹⁷. Структурная семантика переживает еще период детства и стоит лицом к лицу со значительными трудностями. Хотя никто не утверждает всерьез, что словарь не имеет никакой организации, очевидно, что методы структурного анализа, которые успешно применялись к другим областям лингвистики, не могут быть непосредственно применимы в семантике; достаточно вспомнить, что, как указано в Меморандуме, число фонем в любом языке не превышает 70, а Оксфордский словарь содержит свыше 400 000 слов⁹⁸. Однако, несмотря на эти трудности, уже получены некоторые обнадеживающие результаты⁹⁹, и структурная семантика все больше и больше привлекает к себе внимание исследователей. В этой области выделился ряд проблем, связанных с универсалиями, и три из них мы кратко рассмотрим здесь. Они относятся к разным уровням лингвистического анализа: уровню отдельных слов, уровню концептуальных сфер и, наконец, к уровню словаря в целом.

4. 1. Лексические константы

Сравнение большого числа языков должно быстро показать, существуют ли «лексические константы» — предметы, события или другие явления, столь существенные, что они должны быть тем или иным способом обо-

значены в любом языке¹⁰⁰; то, как они выражаются — связанной основой, простым словом, сложным словом или даже словосочетанием, — является уже вторичным вопросом. Даже если фактов, свидетельствующих о наличии лексических констант, было бы так много, что мы могли бы счесть эти последние абсолютными универсалиями, мы должны были бы все же смириться с существованием различий между разными языками. Допуская, например, что смысл 'отец' является лексической константой, мы обнаруживаем в латинском два слова, обозначающих отца: *genitor* — для обозначения просто родства и слово *pater*, имеющее социальные коннотации (ср. *paterfamilias* 'отец как глава семьи')¹⁰¹. Но это ничуть не подрывает характерный для указанного смысла статус лексической константы; это просто означает, что его различные аспекты могут быть выражены в отдельных языках разными словами.

Если было бы можно составить список лексических констант, являющихся либо абсолютными, либо статистическими универсалиями с высокой степенью вероятности, то такой список представлял бы большой интерес для компаративистов. Тогда, изучая словарь индоевропейского или любого другого мертвого языка, мы могли бы быть уверены, что в этом языке существовали слова или какие-то другие элементы для выражения лексических констант. В некоторых случаях эти базисные слова сохранились в языках, восходящих к праязыку, например: англ. *mother*, лат. *māter*, греч. *mētēr*, скр. *mātār* и т. д. В других языках эти слова по разным причинам могли заменяться другими элементами. Часто причиной отклонения от модели соответствий были, в частности, запреты типа табу. Так, 'левый' — это вполне возможная лексическая константа, однако в разных индоевропейских языках имеются разные слова для обозначения этого смысла. В некоторых языках соответствующее слово заимствовано; например, франц. *gauche* взято из германского, исп. *izquierdo* — из баскского. Данное различие, очевидно, обусловлено тем, что во многих странах существовали религиозные предрассудки и табу, связанные с левой стороной. Другая возможная лексическая константа — 'луна' — также была предметом многочисленных предрассудков, которые слабо ощущаются еще и в современных английских словах *lunatic*

‘сумасшедший’ (ср. русск. *лунатик*) и *lunasy* ‘безумие’. Как указывал Блумфилд, «в индоевропейских языках для названия луны, например, используются самые разнообразные слова; примечательно, что русский язык заимствовал лат. [‘lu:na] как [lu’na], хотя обычно им заимствовались из латыни только ученые слова»¹⁰². Когда название лексической константы подвергается табу или перестает употребляться по какой-то другой причине, то должна быть найдена замена, и это может привести к заимствованию слов, которые нормальным путем не перешли бы из одного языка в другой.

4. 2. Семантические поля

Одним из самых плодотворных понятий, хорошо разработанных в структурной семантике, является понятие «семантического поля», восходящее к Й. Триру и его последователям. На эту тему в последние годы было написано так много¹⁰³, что нет необходимости вдаваться в детали. Достаточно напомнить, что семантические поля — это представляющие собой единое целое понятийные области со сложной внутренней организацией, состоящие из отдельных взаимно противопоставленных элементов, которые получают свое значение в рамках всей этой системы как единого целого. В каждом поле соответствующая сфера опыта, конкретного или абстрактного, анализируется, делится и классифицируется некоторым уникальным способом, то есть с помощью определенной шкалы значимостей и в соответствии со специфическим взглядом на мир. В качестве примеров семантических полей можно назвать систему цветов, систему родственных отношений, или — из абстрактной сферы — интеллектуальные качества, этические и эстетические ценности, религиозную и мистическую сферу опыта.

В многочисленных статьях и монографиях на тему семантических полей, опубликованных недавно, подчеркиваются различия между этими полями в разных языках; внимание исследователей концентрируется на моментах различия, а не на моментах сходства. Однако за всеми этими поверхностными различиями, по-видимому, стоит принципиальное единство, которое, несомненно, обнаружилось бы в результате систематического срав-

нения семантических полей. Так, мы говорим о поразительной разнице в числе и характере *цветовых* различий¹⁰⁴: в латинском нет специальных слов для обозначений коричневого и серого цветов; в русском существует различие 'синий — голубой' [и то и другое в английском обозначается одним словом blue]; в языке навахо находим два слова для обозначения черного цвета: одно обозначает темные предметы, а другое — предметы, черные, как уголь. Английским словам grey 'серый' и brown 'коричневый' в навахо соответствует только одно слово, так же как и английским словам blue 'синий' и green 'зеленый'¹⁰⁵. Эти различия чрезвычайно поучительны, но было бы не менее интересно выяснить, существуют ли какие-либо элементы, присущие всем членениям спектра, или какие-либо различия, которые должны быть выражены повсюду и которые могут поэтому считаться лексическими константами.

Сказанное выше еще лучше видно на другом примере поля с четкой внутренней структурой — поля, образуемого терминами *родства*, которое также интенсивно изучалось на материале разных языков. Для иллюстрации возьмем слова, означающие 'брат' и 'сестра'. Эти два понятия кажутся нам столь фундаментальными, что нам трудно представить себе язык, который обходится без них. Однако обращение к другим языкам показывает, что эти понятия не являются лексическими константами ни в каком смысле. В венгерском языке не было единого слова со значением 'брат' или 'сестра' вплоть до XIX столетия¹⁰⁶; там были (и сейчас есть) две пары отдельных слов, означающих 'старший брат' и 'младший брат', 'старшая сестра' и 'младшая сестра'. В индонезийском же языке, наоборот, существует одно общее слово, означающее и брата и сестру вместе, включая и двоюродных. В своем докладе, посвященном структурной семантике, на конгрессе лингвистов в Осло профессор Ельмслев обобщил различие между указанными тремя случаями в следующей таблице¹⁰⁷:

Венгерский Английский Индонезийский

«старший брат»	bátya		
«младший брат»	öcs	brother	
«старшая сестра»	néne		saudara
«младшая сестра»	hug	sister	

Эти три случая при всем своем различии имеют одну общую черту: каждый из них выражает отношение, в котором находятся между собою дети одних и тех же родителей или одного из родителей (это отношение может быть выражено либо само по себе, либо в комбинации с другими критериями). Обращение к другим языкам покажет, является ли это отношение семантической универсалией. Оно покажет также, как много имеется способов «структурирования» этой части рассматриваемого семантического поля и как часто встречаются различные способы. Тот же самый метод может быть использован по отношению к другим частям этого поля. Даже языки, принадлежащие к одной и той же семье и культуре, иногда обнаруживают удивительное несходство. Так, в шведском отсутствуют слова для понятий 'дедушка' и 'бабушка': проводится различие между отцом отца (*farfar*) и отцом матери (*morfar*) и, аналогично, между матерью отца (*farmor*) и матерью матери (*moremor*). В латинском нет единого слова для понятия 'дядя', так же как и для понятия 'тетя': проводится различие между братом отца и братом матери (*patruus — avunculus*) и между сестрой отца и сестрой матери (*amita — matertera*); в конце концов, сохранились лишь слова *avunculus* и *amita*, к которым и восходят (через французский) англ. *uncle* 'дядя' и *aunt* 'тетя'. Языки с разной социальной и культурной основой различаются еще более заметно. В дравидских языках, например, существует сложная иерархия терминов родства, основанная на четырех наборах различий: различия по полу, поколению, брачным отношениям и возрасту, из которых самым важным оказывается третье, единственное небиологическое различие¹⁰⁸. В индонезийском, помимо вышеупомянутого общего слова *saudaga*, означающего и братьев и сестер вместе, включая двоюродных, есть отдельные слова, с одной стороны, для младших братьев и сестер, а с другой стороны, для старших, и, кроме того, существуют разные слова для понятий 'старшие сестры' и 'старшие братья (включая двоюродных)'¹⁰⁹.

Заметим попутно, что теория семантических полей в некоторых чертах сходна с гипотезой Сепира — Уорфа. Трир и его последователи охотно согласились бы с Уорфом в том, что каждый язык имеет свою «философию» и что «мы рассекаем действительность на части в соот-

ветствии с нашим родным языком»¹¹⁰. Имеются, однако, два важных различия между этими двумя школами: 1) семантические поля серьезно изучались главным образом на материале хорошо известных европейских языков, в то время как Уорф сознательно отворачивался от «европейского стандарта» и обращался к иным языковым системам, преимущественно к языкам американских индейцев; 2) предметом теории семантических полей является словарь, а самые значительные результаты, полученные Уорфом, относились к сфере грамматики. Нам кажется, однако, что эти два подхода, возникшие независимо друг от друга¹¹¹, взаимно дополняют друг друга, и, по-видимому, настанет время, когда на их почве возникнет некоторая единая теория.

4. 3. Классификация понятий

Время от времени проводились эксперименты, цель которых заключалась в разработке новых принципов организации словарей, отличных от обычного алфавитного принципа. Известный Тезаурус Роже был первой попыткой этого рода. В последние годы было выдвинуто несколько серьезно продуманных схем устройства идеологических словарей¹¹² и проблема эта стала такой актуальной, что была включена в повестку дня Лондонского конгресса лингвистов в 1952 г.¹¹³. На этом конгрессе проф. фон Вартбург представил еще более смелый проект, над которым он совместно с Р. Халлигом работал в течение ряда лет: общая классификация понятий, приложимая к любому языку¹¹⁴. В этой работе понятия классифицированы по трем основным разделам — «Мир», «Человек», «Человек и мир» — и образуют четкую структуру взаимозависимых элементов. Цель указанного проекта практическая: если бы все описания словаря разных языков или разных периодов одного языка придерживались бы — в пределах разумного — одинаковой модели, то можно было бы легко сравнивать результаты и быстро замечать различия. Еще до опубликования работы Халлига и Вартбурга и после этого их классификационная схема была положена в основу исследований словаря французских писателей разных периодов¹¹⁵; эта схема была применена к одному памятнику на ретороманском языке¹¹⁶. Хотя данная конкретная классификация вряд ли имеет какие-то особые преимущества,

представляется крайне полезной сама постановка задачи: разработка такой системы понятий, которая могла бы быть повсеместно принята в качестве единой — пусть даже и допускающей определенные вариации — модели для дальнейших лексических исследований¹¹⁷.

5. Заключение

Перечень тем, которые были затронуты в этой статье, ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим. Я просто пытался предложить некоторые направления поисков семантических универсалий, или, говоря более скромно, общих семантических тенденций. Если будет составляться координационная программа исследований некоторых из указанных проблем, тогда мы должны будем установить — хотя бы приблизительно — *порядок их исследования*, так чтобы начинать с относительно простых вопросов и постепенно переходить к более сложным. С этой чисто практической точки зрения рассмотренные выше темы можно распределить по следующим четырем широким категориям.

1. Начать лучше с некоторых ясных проблем, которые можно сформулировать в точных или даже количественных терминах. Таковы, например, проблема отношений между полисемичностью и частотой слова, между омонимичностью и структурой слова, а также проблемы исходных и конечных точек метафор типа синестезии или числа и природы лексических констант.

2. На следующем этапе можно приступить к изучению некоторых более сложных явлений, таких, однако, для которых уже имеются обширные данные по многим языкам. К этой категории принадлежат оноματοпоэтические явления, табу и параллельные метафоры.

3. На более поздней стадии мы должны будем взяться за такие сложные вопросы, как соотношение мотивированных и немотивированных слов; соотношение слов с частными и общими значениями; частота отрицательных (пейоративных) и положительных смысловых изменений, а также изменений с расширением значения или с сужением значения; структура некоторых семантических полей в различных языках.

4. И, наконец, с некоторыми важными исследованиями придется повременить, пока мы не соберем необходимые данные. Так, если и имеются какие-то общие тен-

денции в процессах, обусловленных полисемией и омонимией, то мы будем в состоянии обнаружить эти тенденции тогда, когда будут составлены лингвистические атласы для гораздо большего числа языков, чем в настоящее время.

Если в процессе указанных исследований будут точно установлены некоторые семантические универсалии, это будет иметь большое значение не только для лингвистики, но также и для других отраслей знания. Некоторые из рассмотренных выше проблем представляют интерес только для лингвистики, зато другие, несомненно, носят более общий характер. Например, различие между мотивированными и немотивированными словами важно с точки зрения обучения языкам; типы метафор и оноματοпоэтических явлений имеют прямое отношение к стилистике, синестезия является главным образом фактом психологии, широко проявляющимся, однако, и в языке, и в литературе. Такие проблемы, как проблемы табу и семантических полей, будут изучены более успешно при совместных усилиях лингвистов, антропологов, этнологов, психологов и социологов. Исследование семантических полей и структуры словаря в целом очень важно с точки зрения гипотезы Сепира — Уорфа; оно прольет свет на проблему влияния языка на мышление, являющуюся одной из главных проблем современной философии. Несомненно, что из всех отраслей лингвистики семантика имеет самые многочисленные и самые тесные связи с другими дисциплинами, и открытие семантических универсалий будет иметь далеко идущие последствия для этих смежных дисциплин.

* * *

Выражаю искреннюю благодарность за дружескую помощь и критические замечания следующим моим коллегам: Д. Х. Хаймсу, Ф. В. Хаусхолдеру, Ч. Ф. Хоккетту и профессору Г. К. Конклину.

ЛИТЕРАТУРА

¹ См. H. Kronasser, *Handbuch der Semasiologie*, Heidelberg, 1952, стр. 29 и K. Baldinger, *Die Semasiologie*, Berlin, 1957, стр. 4 и сл.

² M. Bréal, *Les lois intellectuelles du langage*, в «L'Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France»;

на эту статью Бреалья ссылается А. W. Read в своей статье «An account of the word *semantics*», см. «Word», IV, 1948, стр. 78—97.

³ F. de Saussure, Cours de linguistique générale, изд. 4-е, Paris, 1949, стр. 132 (русск. перев.: Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 98).

⁴ O. Jespersen, Mankind, nation, and individual from a linguistic point of view, Oslo, 1925, стр. 212.

⁵ В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957, стр. 46.

⁶ L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 20 (русск. перев.: Л. Блумфилд, Язык, М., 1968).

⁷ См. R. H. Robins, Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe, London, 1951, стр. 20 и сл.

⁸ C. F. Hockett, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 123.

⁹ L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 178 (в русском переводе — стр. 187).

¹⁰ Cp. S. Ullmann, Principles of semantics, изд. 2-е, Glasgow — Oxford, 1959, стр. 58 и сл.

¹¹ F. de Saussure, цит. раб., стр. 134 и сл. (в русском переводе — стр. 100).

¹² Cp. S. Ullmann, Descriptive semantics and linguistic typology, «Word», IX, 1953, стр. 225—240 и замечания Д. Хаймза в «Anthropological Linguistics», III, 1961, стр. 27.

¹³ Cp. A. Sommerfelt, Points de vue diachronique, synchronique et panchronique en linguistique générale, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», IX, 1938, стр. 240—249.

¹⁴ F. de Saussure, цит. раб., стр. 100 (в русском переводе — стр. 79).

¹⁵ См. S. Ullmann, Principles of semantics, стр. 83 и сл. и 305.

¹⁶ F. de Saussure, цит. раб., стр. 180 и сл. (в русском переводе см. стр. 127). На эту тему см. также L. Zawadowski, The so-called relative motivation in language, в «Omagiu lui Iorgu Iordan», Bucharest, 1958, стр. 927—937.

¹⁷ F. de Saussure, цит. раб., стр. 183 и сл. (в русском переводе см. стр. 129).

¹⁸ См. V. Grove, The Language Bar, London, 1949, стр. 45 и сл.

¹⁹ Cp. U. Weinreich в «Language», XXXI, 1955, стр. 538. О необходимости статистических данных см. там же и G. Mounin в «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», 55, 1960, стр. 50.

²⁰ См. V. Grove, цит. раб.

²¹ См. M. Wandruszka, Etymologie und Philosophie, в «Etymologica. Walther von Wartburg zum 70. Geburtstag», Tübingen, 1958, стр. 857—871; стр. 858 и сл. О Фихте см. там же, стр. 866 и сл.

²² См. Ch. Bally, Linguistique générale et linguistique française, изд. 3-е, Berne, 1950, стр. 343 (русский перевод: Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 374).

²³ См. Z. Gombocz, Jelentéstan («Семантика»), Pécs, 1926, стр. 12.

²⁴ Cp. M. Chastain, Le symbolisme des voyelles. Significations des I., «Journal de Psychologie», LV, 1958, стр. 403—423, 461—481.

²⁵ Cp. O. Jespersen, Language: Its nature, development, and origin, London, 1934, стр. 402.

²⁶ См. I Fónagy, A költői nyelv hangtanából, в «From the phonetics of the language of poetry», Budapest, 1959, стр. 24 и сл. и 71.

²⁷ См. H. Wissemann, Untersuchungen zur Onomatopöie, I, Heidelberg, 1954.

²⁸ V. Brøndal, Le français, langue abstraite, Copenhagen, 1936; Ch. Bally, цит. раб., стр. 346 и сл. (в русском переводе — стр. 377); J. Orr, Words and sounds in English and French, Oxford, 1953, гл. VIII. Ср. на эту тему С. F. Hockett, Chinese versus English, в «Language in culture» под редакцией Г. Хойера, Chicago, 1954, стр. 106—123.

²⁹ См. Ch Bally, цит. раб., стр. 350 (в русском переводе — стр. 382).

³⁰ См. O. Jespersen, Language, стр. 429.

³¹ A. A. Hill, A note on primitive languages, в «International Journal of American Linguistics», XVIII, 1952, стр. 172—177.

³² A. Kaplan, в «Language in culture», стр. 219.

³³ W. Kaper, Kindersprachforschung mit Hilfe des Kindes, Groningen, 1959, стр. 11.

³⁴ W. von Wartburg, цитируется в статье: K. Baldinger L'étymologie hier et aujourd'hui, в «Cahiers de l'Association Internationale des Études Françaises», XI, 1959, стр. 233—264; стр. 259.

³⁵ «Language, thought, and culture», под редакцией P. Henle, Ann Arbor, 1958, стр. 5.

³⁶ Там же.

³⁷ M. Bréal, Essai de sémantique, изд. 6-е, Paris, 1924, стр. 26.

³⁸ L. Bloomfield, цит. раб., стр. 145 (в русском переводе — стр. 148—149).

³⁹ Ср. C. Schick, Il linguaggio, Turin, 1960, стр. 188.

⁴⁰ W. F. Collinson, Comparative synonymics, в «Transactions of the Philological Society», 1939, стр. 54—77.

⁴¹ См. F. Brunot и S. Bruneau, Précis de grammaire historique de la langue française, изд. 3-е, Paris, 1949, стр. 172.

⁴² См. O. Jespersen, Growth and structure of the English language, изд. 6-е, Leipzig, 1930, стр. 48.

⁴³ См. W. von Wartburg, Problèmes et méthodes de la linguistique, Paris, 1946, стр. 175 и сл.

⁴⁴ Там же, стр. 135.

⁴⁵ См. M. Schwob и G. Guleysse, Études sur l'argot français, «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris», VII, 1892, стр. 33—56 и B. Migliorini, Calco e irradiazione sinonimica, «Boletín del Instituto Caro y Cuervo», IV, 1948, стр. 3—17; перепечатано в «Saggi linguistici», Florence, 1957. Как справедливо указал проф. Хоккетт, «иррадиация синонимов» является частным случаем развития по аналогии.

⁴⁶ См. S. Kroesch, Analogy as a factor in semantic change, «Language», 2, 1926, стр. 35—45.

⁴⁷ W. M. Urban, Language and reality, London, 1939, стр. 112 и сл.

⁴⁸ M. Bréal, Essai de sémantique, стр. 144.

⁴⁹ То же.

⁵⁰ G. K. Zipf, The repetition of words Time-Perspective, and semantic balance, «The Journal of General Psychology», XXXII, 1945, стр. 127—148; стр. 144. Ср. также работу того же автора:

«Human behavior and the principle of least effort», Cambridge, Mass., 1949.

⁵¹ G. K. Zipf, The meaning-frequency relationship of words, «The Journal of General Psychology», XXXIII, 1945, стр. 251—256; стр. 255.

⁵² J. Whatmough, Language. A modern synthesis, London, 1956, стр. 73.

⁵³ L. Wittgenstein, Philosophical investigations, Macmillan, 1953, стр. 34.

⁵⁴ См. Kr. Nyrop, Grammaire historique de la langue française, IV: Sémantique, Copenhagen, 1913, стр. 26.

⁵⁵ Cp. A. Rudskoger, Fair, foul, nice, proper: A contribution to the study of polysemy, Stockholm, 1952, стр. 473 и сл.

⁵⁶ Там же, стр. 439. Cp. также R. J. Menner; Multiple meaning and change of meaning in English, «Language», XXI, 1945, стр. 59—76.

⁵⁷ См. K. Jaberg, Aspects géographiques du langage, Paris, 1936, стр. 64.

⁵⁸ О границах между полисемией и омонимией см. R. Godel, Homonymie et identité, «Cahiers Ferdinand de Saussure», VII, 1948, стр. 5—15; P. Diaconescu, Omonimia si polisemia, «Probleme de Lingvistică Generală», I, Bucharest, 1959, стр. 133—153; М. М. Фалькович, К вопросу об омонимии и полисемии, «Вопросы языкознания», 1960, № 5, стр. 85—88. Cp. также U. Weinreich, «Language», XXXI, 1955, стр. 541 и сл.

⁵⁹ B. Trnka, A phonological analysis of present-day Standard English, Prague, 1935, стр. 57—93. См. также O. Jespersen, Monosyllabism in English, «Linguistica», Copenhagen—London, 1933, стр. 384—408. Как указал проф. Хоккетт, данные, которые приводит Трка, должны быть проверены с точки зрения современных методов фонологического анализа.

⁶⁰ См. Bally, цит. раб., стр. 269 и сл. (в русском переводе — стр. 307); L. C. Harmer, The French language today, London, 1954, глава IV; A. Schönhage, Zur Struktur des französischen Wortschatzes. Der französische Einsilber, Bonn, 1948, неопубликованная диссертация; на нее ссылается Г. Гугенейм в «Le Français Moderne», XX, 1952, стр. 66—68. Cp. P. Miron, Recherches sur la typologie des langues romanes, «Atti dell' VIII. Congresso Internazionale di Studi Romanzi», Florence, 1960, vol. II, стр. 693—697.

⁶¹ L. Bloomfield, цит. раб., стр. 502 (в русском переводе — стр. 551—552).

⁶² См. прежде всего W. von Wartburg, цит. раб., глава III; J. Orr, цит. раб., главы XII, XIII; I. Jordan и J. Orr, An introduction to Romance linguistics, London, 1937, гл. III. О «столкновениях» омонимов в английском см. R. J. Menner, The conflict of homonyms in English, «Language», XII, 1936, стр. 229—244 и E. R. Williams, The conflict of homonyms in English, в «Yale Studies in English», 100, 1944.

⁶³ Cp. W. von Wartburg, цит. место и S. Ullmann, Principles of semantics, стр. 144 и сл.

⁶⁴ См. Z. Gombocz, цит. выше раб., стр. 6 и сл. О возникших метафорах см. A. Sauvageot, A propos des changements sémantiques, «Journal de Psychologie», XLVI, 1953, стр. 465—472.

⁶⁵ См. B. Migliorini, Grattacielo, «Lingua e cultura», Rome, 1948, стр. 283 и сл.

⁶⁶ С. Tagliavini, Di alcune denominazioni della pupilla, «Annali dell'Istituto Universitario di Napoli», N. S., III, 1940, стр. 341—378, особенно стр. 363 и сл.

⁶⁷ См. Z. Gombocz, цит. выше раб., стр. 94; B. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary, Stockholm, 1955, стр. 25 (см. финск. kieli) и 43 (см. венг. nyelv); G. Révész, The origin and prehistory of language, London, 1956, стр. 56 и сл.

⁶⁸ См. J. Schröpfer, Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? (Ein Wörterbuch semasiologischer Parallelen?), в «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguistics», London, 1956, стр. 366—371.

⁶⁹ H. Sperber, Einführung in die Bedeutungslehre, Bonn — Leipzig, 1923, стр. 67. Английский перевод, сделанный Коллинсоном, напечатан в «Modern Language Review», XX, 1925, стр. 106.

⁷⁰ См. E. Huguet, Le langage figuré au XVI siècle, Paris, 1933, стр. 1—18.

⁷¹ См. F. Brunot, Histoire de la langue française, X, 1, стр. 64 и сл.

⁷² Ср. S. Ullmann, The image in the modern French novel, Cambridge, 1960, стр. 140 и сл.

⁷³ На эту тему см. Wellek и Warren, Theory of literature, London, 1954, стр. 214 и сл.; S. Ullmann, Style in the French novel, Cambridge, 1957, стр. 31 и сл.

⁷⁴ Цитируется у Z. Gombocz'a; см. цит. выше раб., стр. 73.

⁷⁵ J. J. de Witte, De Betekeniswereld van het lichaam, Nijmegen, 1948.

⁷⁶ L. Bloomfield, Language, стр. 429 (в русском переводе — стр. 469—470).

⁷⁷ Цитируется в: W. B. Stanford, Greek metaphor, Oxford, 1936, стр. 49; ср. там же, стр. 53 и 57.

⁷⁸ См. A. Wellek, Das Doppelempfinden im abendländischen Altertum und Mittelalter, «Archiv für die gesamte Psychologie», 80, 1931, стр. 120—166.

⁷⁹ F. Boas, Metaphorical expressions in the language of the Kwakiutl Indians, в «Donum Natalicium Schrijnen», Nijmegen — Utrecht, 1929, стр. 147—153; стр. 148.

⁸⁰ Ср. Z. Gombocz, цит. выше раб., стр. 7.

⁸¹ См. S. Ullmann, Principles of semantics, стр. 266 и сл.

⁸² См. A. H. Whitney, Synaesthesia in Twentieth-Century Hungarian poetry, «The Slavonic and East European Review», XXX, 1951—1952, стр. 444—464.

⁸³ Ср. H. Werner, «Language», XXVIII, 1952, стр. 256.

⁸⁴ См. S. Ullmann, La transposition dans la poésie lyrique de Hugo, «Le Français Moderne», 19, 1951, стр. 277—295; стр. 287 и сл.

⁸⁵ См. H. Schreuder, On some cases of restriction of meaning, «English Studies», XXXVII, 1956, стр. 117—124.

⁸⁶ M. Bréal, Essai de sémantique, стр. 107; L. Bloomfield, цит. выше раб., стр. 151 (в русском переводе — стр. 156); J. Vendryes, Le langage, Paris, 1921, стр. 237 (русский перевод: Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 190).

⁸⁷ H. Werner, Change of meaning: a study of semantic processes through the experimental method, «The Journal of General Psychology», London, 1954, стр. 181—208; цит. стр. 203.

⁸⁸ S. Freud, Totem and Taboo, London, Pelican Books, 1940, стр. 37.

⁸⁹ O. Jespersen, Growth and structure, стр. 226.

⁹⁰ R. F. Mansur Guérios, Tabus Lingüísticos, Rio de Janeiro, 1956, гл. 18.

⁹¹ Cp. A. Meillet, Quelques hypothèses sur des interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes, в «Linguistique historique et linguistique générale», 2 тома. Paris 1921—1938: vol. I, стр. 281—291 и M. B. Emeneau, Taboos on animal names, «Language», 24, 1948, стр. 56—63.

⁹² Mansur Guérios, цит. выше раб., стр. 152 и сл.; Нугор, цит. выше раб., стр. 275 и сл.

⁹³ Об изменениях значения такого типа см. прежде всего H. Schreuder, Pejorative sense-development in English, I, Groningen, 1929 и K. Jaberg, Pejorative Bedeutungsentwicklung im Französischen, в «Zeitschrift für romanische Philologie», XV, 1901, XVII, 1903 и XIX, 1905.

⁹⁴ M. Bréal, Essai de sémantique, стр. 100.

⁹⁵ См. G. A. van Dongen, Amelioratives in English, I, Rotterdam, 1933.

⁹⁶ L. Bloomfield, цит. выше раб., стр. 430 (в русском переводе — стр. 470—471). На эту тему см. прежде всего G. Bonfante, On reconstruction and linguistic method, «Word», I, 1945, стр. 132—161; E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Word», X, 1954, стр. 251—264; H. M. Hoenigswald, Language change and linguistic reconstruction, Chicago, 1960.

⁹⁷ См. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958, стр. 636—704. Данная проблема была включена в программу следующего, IX-го конгресса лингвистов (Cambridge, Mass., 1962).

⁹⁸ S. Potter, Modern linguistics, London, 1957, стр. 101.

⁹⁹ Об этих результатах см. Дополнение ко 2-ому изданию книги S. Ullmann, Principles of semantics.

¹⁰⁰ Cp. H. J. Pos, The Foundation of word-meanings: Different approaches, «Lingua», I, 1947—1948, стр. 281—292; стр. 289 и сл.

¹⁰¹ См. A. Meillet, цит. выше раб., том I, стр. 41.

¹⁰² L. Bloomfield, цит. выше раб., стр. 400 (в русском переводе — стр. 436).

¹⁰³ Для общего знакомства с проблемой см. S. Ohman, Theories of the 'Linguistic field', «Word», IX, 1953, стр. 123—134 и книгу того же автора «Wortinhalt und Weltbild», Stockholm, 1951. Различные аспекты теории семантических полей обсуждаются в книге «Sprache-Schlüssel zur Welt. Festschrift für Leo Weisgerber», Düsseldorf, 1959. Cp. также S. Ullmann, Principles of semantics, стр. 152 и сл. и 309 и сл.

¹⁰⁴ См. прежде всего книгу «Problèmes de la couleur» (ed. I. Meyerson), Paris, 1957.

¹⁰⁵ H. Henle, цит. выше раб., стр. 7.

¹⁰⁶ Слова *fiivér* «брат» и *pöver* «сестра» — это неологизмы, появившиеся между 1830 и 1840 гг.; см. G. Bárczi, Magyar szövejtő szótár (Этимологический словарь венгерского языка), Budapest, 1941 (см. *fiú* и *pő*, *né*).

¹⁰⁷ L. Hjelmslev, Pour une sémantique structurale, доклад на VIII-м конгрессе лингвистов, перепечатанный в его книге «Essais linguistiques», Copenhagen, 1959, стр. 96—113; цит. стр. 104. Я заменил приведенное Ельмслевом индонез. sudarā на saudara, по совету проф. Конклина.

¹⁰⁸ См. L. Dumont, The Dravidian kinship terminology as an expression of marriage, «Man», LIII, 1953, стр. 34—39; того же автора: «Hierarchy and marriage alliance in South Indian kinship», в «Occasional Papers of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», № 12, 1957.

¹⁰⁹ Данные из индонезийского языка любезно сообщил мне проф. Г. Конклин. Ср. также H. Galton, «Zeitschrift für Ethnologie», LXXXII, 1957, стр. 121—138; W. H. Goodenough, «Language», XXXII, 1956, стр. 195—216; F. G. Lounsbury, там же, стр. 158—194; О. Н. Трубачев, История славянских терминов родства, Москва, 1959; L. Weisgerber, Vom Weltbild der deutschen Sprache, 2 тома, изд. 2-е, Düsseldorf, 1953—1954, vol. I, стр. 59 и сл. и vol. II, стр. 81 и сл.

¹¹⁰ «Language, thought and reality. Selected writings of Benjamin Lee Whorf» (ed. J. B. Carroll), Cambridge, Mass. — New York, 1956, стр. 212 и сл.

¹¹¹ Ср. L. Weisgerber, цит. выше раб., том II, стр. 255 и сл.

¹¹² См. прежде всего F. Dornseiff, Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen, изд. 5-е, Berlin, 1959. См. также две статьи K. Baldinger'a: «Die Gestaltung des wissenschaftlichen Wörterbuchs», в «Romanistisches Jahrbuch», V, 1952, стр. 65—94 и «Alphabetisches oder begrifflich gegliedertes Wörterbuch?», в «Zeitschrift für romanische Philologie», 76, 1960, стр. 521—536.

¹¹³ См. «Proceedings of the Seventh International Congress of Linguistics», стр. 77—89 и 343—373.

¹¹⁴ R. Hallig и W. von Wartburg, Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas, в «Abhandlungen der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst», Heft 4, 1952).

¹¹⁵ См. список слов в следующих работах: Wartburg, Problèmes et méthodes, стр. 161, а также H. E. Keller, Étude descriptive sur le vocabulaire de Wace, Berlin, 1953.

¹¹⁶ M. H. J. Fermin, Le vocabulaire de Bifrun dans sa traduction des quatre Évangiles, Amsterdam, 1954.

¹¹⁷ Ср. «Language in culture», стр. 193.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. А. Успенский, Проблема универсалий в языкознании .	5
Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс, Меморандум о языковых универсалиях. <i>Перевод с английского</i> <i>Р. М. Фрумкиной</i>	31
Ч. Ф. Хоккетт, Проблема языковых универсалий. <i>Перевод</i> <i>с английского Е. Л. Гинзбурга и В. З. Санникова</i> . . .	45
Г. Хёнигсвальд, Существуют ли универсалии языковых из- менений? <i>Перевод с английского Р. М. Фрумкиной</i> . .	77
Ч. Фергусон, Допущения относительно носовых: к вопросу о фонологических универсалиях. <i>Перевод с английского</i> <i>Р. М. Фрумкиной</i>	105
Дж. Гринберг, Некоторые грамматические универсалии, пре- имущественно касающиеся порядка значимых элементов. <i>Перевод с английского Е. М. Сморгуновой</i>	114
У. Вейнрейх, О семантической структуре языка. <i>Перевод с</i> <i>английского И. А. Мельчука</i>	163
С. Ульманн, Семантические универсалии. <i>Перевод с англий-</i> <i>ского Л. Н. Иорданской</i>	250

НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

Вып. V

(Языковые универсалии)

Редактор *М. ОБОРИНА*

Художественный редактор *Л. Шканов*

Технический редактор *В. Павлова*

*

Сдано в производство 9/VII 1968 г.

Подписано к печати 29/X 1969 г.

Бумага 84×108¹/₃₂ бум. л. 4¹/₄.

15,96 печ. л.

Уч.-изд. л. 16,78. Изд. № уч/9248,

Цена 1 р. 26 к. Зак. 74.

Издательство «Прогресс»

Комитета по печати при Совете Министров

СССР

Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

Измайловский проспект, 29.